

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ

ГЕТЕ

ФАУСТ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Фауст
Иоганн Вольфганг Гёте

Аннотация
Иоганн Вольфганг Гете. Фауст
Посвящение
Пролог в театре
Пролог на небесах
Часть первая
  Сцена первая
    Ночь
  Сцена вторая
    У городских ворот
  Сцена третья
    Кабинет Фауста
  Сцена четвертая
    Кабинет Фауста
  Сцена пятая
    Погреб Ауэрбаха в Лейпциге
  Сцена шестая
    Кухня ведьмы
  Сцена седьмая
    Улица
  Сцена восьмая
    Вечер

Сцена девятая
Гулянье
Сцена десятая
Дом соседки
Сцена одиннадцатая
Улица
Сцена двенадцатая
Сад
Сцена тринадцатая
Беседка
Сцена четырнадцатая
Лес и пещера
Сцена пятнадцатая
Комната Гретхен
Сцена шестнадцатая
Сад Марты
Сцена семнадцатая
У колодца
Сцена восемнадцатая
На городском валу
Сцена девятнадцатая
Ночь. Улица перед домом Гретхен
Сцена двадцатая
Собор
Сцена двадцать первая
Вальпургиева ночь

Сцена двадцать вторая
Сон в вальпургиеву ночь,. Или золотая свадьба Оберона и Титании
Сцена двадцать третья
Пасмурный день. Поле
Сцена двадцать четвертая
Ночь. Открытое поле
Сцена двадцать пятая
Тюрьма
Часть вторая
Действие первое
Живописная местность
Императорский дворец
Маскарад
Дворцовый сад
Мрачная галерея
Ярко освещенные залы
Рыцарская зала
Действие второе
Тесная комната с высокими сводами в готическом стиле
Лаборатория. В средневековом стиле
Классическая. Вальпургиева ночь
У верхнего Пенея
У верхнего Пенея
Скалистые бухты. У эгейского моря

Действие третье

Местность перед дворцом менелая в спарте

Внутренний двор замка, окруженный со всех сторон фантастическими постройками в средневековом вкусе

Действие четвертое

Высокий горный хребет

На предгорье

Шатер враждебного императора

Действие пятое

Открытая местность

Сад

Дворец

Глубокая ночь

Полночь

Большой двор перед дворцом

Положение во гроб

Горные ущелья, лес, скалы, пустыня

Аннотация

Доктор Иоганн Фаустус – немецкий алхимик первой половины XVI века, чья слава «великого чернокнижника» была столь грандиозна, что народная молва создала о нем причудливую легенду. Это предание стало частью европейского фольклора и вдохновило множество писателей – как периода Ренессанса, так и современных, – но никому из них не удалось подняться до высот Гете.

Фауст Гете – не просто человек, продавший душу дьяволу (хотя писатель полностью сохранил почти все сюжетные особенности легенды), а великий ученый, интеллектуал и гуманист, мечтающий о счастье всего человечества и неустанно ищущий пути его достижения. Он сомневается, совершает ошибки, терпит неудачи, но продолжает свой подвижнический труд.

«Фауст» – произведение, которое Гете писал почти всю жизнь, при всей своей сложности, многоплановости, при всем том, что в нем нашли отражение и античные мифы, и немецкий фольклор, и философские идеи

разного времени, и библейские сюжеты, – удивительно увлекательное чтение.

И современный читатель, углубившись в «Фауста» и задумавшись над смыслом жизни и даже над судьбой всего человечества, точно не будет скучать.

Иоганн Вольфганг Гете
Фауст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Посвящение

Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно…
Вас удержу ль во власти вдохновенья?
Былым ли снам явиться вновь дано?
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы… О, будь, что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чует.
Вы принесли с собой воспоминанье
Веселых дней и милых теней рой;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Все вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,
И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.
Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя – увы! – уж не слышна…

Кружок друзей рассеян по вселенной,
Их отклик смолк, прошли те времена.
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,
Мне самая хвала ее страшна,
А те, кому моя звучала лира,
Кто жив еще, – рассеяны средь мира.
И вот воскресло давнее стремленье
Туда, в мир духов, строгий и немой,
И робкое родится песнопенье,
Стеня, дрожа эоловой струной;
В суровом сердце трепет и смиренье,
В очах слеза сменяется слезой;
Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Все, что прошло, – восстало, оживилось!..

Пролог в театре

Директор, поэт и комик.

Директор

Друзья, вы оба мне не раз
Помочь умели в горькой доле;
Как ваше мненье: хорошо ли
Пойдут дела теперь у нас?
Хотел бы публике я угодить на славу:
Она сама живет и жить другим дает.
Подмостки есть; театр готов; забаву
Уж предвкушает радостно народ.
У нас ведь все к чудесному стремятся:
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.
Мне угождать толпе хоть и не новый труд,
Но все ж меня берет невольное сомненье:
Прекрасного они, конечно, не поймут,

Зато начитаны они до пресыщенья.

Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,

Посодержательней – для публики моей!

А ведь приятен вид толпы необозримой,

Когда она вокруг театра наводнит

Всю площадь и бежит волной неудержимой,

И в двери тесные и рвется и спешит.

Нет четырех часов, до вечера далеко,

А уж толпа кишит, пустого места нет, –

Точь-в-точь голодные пред лавкой хлебопека,

И шею все сломить готовы за билет.

Такие чудеса во власти лишь поэта!

Мой друг, теперь прошу: скорей ты сделай это.

Поэт

Не говори мне о толпе безумной –

Она в нас мысли лучшие гнетет;

Избавь меня от этой давки шумной,
Влекущей мощно в свой водоворот;
Нет, тишины ищу я, многодумный, –
Лишь там поэту радость расцветет;
Там, только там божественною властью
Любовь и дружба нас приводят к счастью.
Что в глубине сердечной грудь лелеет,
Что просится на робкие уста –
Удачно ль, нет ли, – выйти чуть посмеет
На свет – его погубит суета!
Нет, лучше пусть годами дума зреет,
Чтоб совершенной стала красота!
Мишурный блеск родится на мгновенье,
Прекрасному – потомства поклоненье!

Комик

Потомство! Вот о чем мне речи надоели!
Что, если б для него – потомства – в са-

мом деле

И я бы перестал смешить честной народ?

Кто ж публику тогда, скажите, развлечет

Веселой шуткою, ей нужной, без сомненья?..

Нет, как хотите, а держусь я мненья,

Что весельчак заслужит свой почет

И что забавник – не лишен значенья.

Кто интересен публике, мой друг,

Тот говорить с толпою может смело;

Увлечь ее – ему пустое дело,

Успех тем легче, чем обширней круг!

Итак, смелей вперед! Вы можете заставить

Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть

На сцену выступить; но не забудьте часть

И шаловливого дурачества прибавить.

Директор

А главное, мой друг, введите приключенья!

Глазеть на них – толпе нет выше наслажденья;

Ну и пускай толпа, разиня рот, глядит…

Причудливую ткань раскиньте перед нею –

И вы упрочили за пьесою своею

Успех, и к вам толпа уже благоволит.

Пусть масса массу привлекает!

Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!

Кто много предложил, тот многим угождает –

И вот толпа идет, довольная, домой.

Смелее все в куски мельчайшие крошите –

И этот винегрет успех доставит вам.

Легко вам выдумать, легко представить нам!

Что пользы, если вы им «целое» дадите?

Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

Поэт

И вы не видите, как гнусно и постыдно

Такое ремесло? Иль не художник я?

Дрянных писак пустая пачкотня

У вас вошла уж в правило, как видно.

Директор

Не может нас упрек подобный оскорбить:

Ведь всякий человек, рассудок свой имея,

Берет оружие, какое бьет вернее.

С волками жить – по-волчьи выть!

Кто ваша публика, позвольте вас спросить?

Один приходит к нам, чтоб скуку утолить.

Другой, набив живот потуже,

Идет сюда переварить обед,

А третий – что для нас всего, пожалуй, хуже –

Приходит нас судить по толкам из газет.

Для них одно – театр, балы и маскарады:

Лишь любопытством весь народ гоним;

А дамы – те идут показывать наряды:

Чтоб роль играть, не нужно платы им.

О чем вы грезите? Спуститесь-ка пониже!

Вам хорошо смотреть с надзвездной вышины!

Нет, вы взгляните-ка поближе!

Те грубы, эти холодны!

Один от нас в приют камелий,

Другой в игорный дом идет…

Смешно, когда поэт зовет

Великих муз к ничтожной цели!

Прошу вас об одном: побольше сочинить.

Как можно более – вот в чем мое стремленье!

Запутайте толпу, введите в заблужденье,

Иначе – верьте мне – ей трудно угодить.

Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

Поэт

Иди других ищи себе рабов:

Мне высшие права природа уделила.

Предам ли на позор высокий дар богов?

Продажна ли певца святая сила?

Чем трогает сердца восторженный поэт?

Какая сила в нем стихиями владеет?

Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,

Которою, творя, объемлет он весь свет?

Когда природа-мать движеньем равнодушным

Нить вечную влечет веретеном послушным,

Когда все сущее, сменяясь каждый час,

В нестройный, резкий хор сливается вкруг нас, –

Кто звуки мерные в порядке размещает,

Чьей речи верный ритм живителен и тверд?

Кто единичное искусно обобщает,

Объединяя все в торжественный аккорд?

Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,

В теченье строгих дум – зари вечерней свет?

Весны роскошный лучший цвет

К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?

Кто цену придает незначащим листам,

В прославленный венок вплетая листья эти?

Кто стережет Олимп, кто друг и связь

богам?

Мощь человечества, живущая в поэте!

Комик

И долг ваш – эту мощь на деле применить!

Итак, ловите же минуты вдохновенья,

Как ловит ловелас предлог для похожденья!

Угодно ль, например, любовь изобразить?

Случайно сходятся – взаимное сближенье,

Затем – свидания, надежды, опасенья;

То счастье близко к ним, то вновь уходит вдаль,

То ревность, то боязнь, то радость, то печаль, –

Глядишь – готов роман. И так-то все на свете.

Смелей лишь черпайте из жизни всех людей –

И для задуманной комедии своей

Не будете нуждаться вы в предмете.

Всяк испытал, конечно, чувства эти,

Но редкий знает, сколько в них чудес!

Где ни копните – тут и интерес!

Картина попестрей, поменьше освещенья

Да искра истины средь мрака заблужденья,

И смотришь – славное сварили вы питье,

По вкусу каждому: в нем всяк найдет свое.

Цвет юности идет сюда, мечтая,

Что откровенье в пьесе он найдет,

И нежных душ чувствительная стая

Меланхоличной пищи сердцу ждет;

В одном одну мечту, в другом другую будит

Рассказ искусный ваш, и каждый зритель будет,

Ручаюсь, вашей пьесой восхищен:

Что в сердце у него, то в пьесе видит он!

Они еще не прочь и плакать, и смеяться,
Возвышенное чтить и блеском восхищаться.
Кто пожил, на того не угодишь ничем,
А тот, кто не созрел, доволен будет всем!

Поэт

Отдай же годы мне златые,
Когда и сам я был незрел,
Когда я песни молодые,
Не уставая, вечно пел!
В тумане мир передо мною
Скрывался; жадною рукою
Повсюду я цветы срывал
И в каждой почке чуда ждал.
Я беден был – и все, что надо
Для счастья чистого, имел:
Стремленьем к истине кипел,
И бред мечты мне был отрада!..
Отдай мне прежний жар в крови,

Мои порывы и стремленья,
Блаженство скорби, мощь любви,
И мощной ненависти рвенье,
И годы юные мои!

Комик

Что юность! Юность вам нужнее,
Когда идете вы на бой,
Когда красавица порой
Сама на вашей виснет шее,
Когда конца своим трудам
Хотите быстро вы добиться,
Когда всю ночь придется вам
Плясать, и петь, и веселиться.
Но чтоб искусною рукой
Играть, восторги возбуждая,
И, ловко там и сям блуждая,
Стремиться к цели подставной,
За это старшие пускай берутся смело:
Тем больше будет вам почета, старики!
Что старость в детство нас приво-

дит – пустяки:
До самой старости мы – дети; вот в чем дело!

Директор

Довольно слов, довольно споров,
И комплиментов, и укоров!
Зачем болтать по пустякам?
Пора за дело взяться нам.
К чему такие затрудненья?
Что вдохновенья долго ждать?
Поэт – властитель вдохновенья:
Он должен им повелевать.
Что нужно нам – мы с вами знаем;
Напиток крепкий мы считаем
За лучший – дайте ж нам его!
Не забывайте ничего:
Что можно сделать неотложно,
Зачем на завтра оставлять?
Должны вы сразу уловлять
Все то, что нужно и возможно,
И уж из рук не выпускать!

Для нашей сцены все пригодно;
На ней – вы полный господин;
Берите сколько вам угодно
И декораций, и машин,
Огней бенгальских, освещенья,
Зверей и прочего творенья,
Утесов, скал, огня, воды:
Ни в чем не будет вам нужды.
Весь мир на сцену поместите,
Людей и тварей пышный ряд –
И через землю с неба в ад
Вы мерной поступью пройдите!

Пролог на небесах

Господь, архангелы, потом Мефистофель.

Рафаил

Звуча в гармонии вселенной
И в хоре сфер гремя, как гром,
Златое солнце неизменно
Течет предписанным путем.
Непостижимость мирозданья
Дает нам веру и оплот,
И, словно в первый день созданья,
Величествен вселенной ход!

Гавриил

И с непонятной быстротою,
Кружась, несется шар земной;
Проходят быстрой чередою
Сиянье дня и мрак ночной;
Бушует море на просторе,
У твердых скал шумит прибой,

Но в беге сфер земля и море
Проходят вечно предо мной.

Михаил

Грозя земле, волнуя воды,
Бушуют бури и шумят,
И грозной цепью сил природы
Весь мир таинственно объят.
Сверкает пламень истребленья,
Грохочет гром по небесам,
Но вечным светом примиренья
Творец небес сияет нам.

Все трое

И крепнет сила упованья
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день созданья,
Твои творенья велики!

Мефистофель

Опять, о господи, явился ты меж нас
За справкой о земле – что делается

с нею!

Ты с благосклонностью встречал меня не раз –

И вот являюсь я меж челядью твоею.

Прости, не мастер я по части громких слов;

Но, если б пышный слог я в ход пустить решился,

Сам рассмеялся б ты – ручаться я готов, –

Когда б от смеха ты давно не отучился.

Мне нечего сказать о солнцах и мирах:

Я вижу лишь одни мученья человека.

Смешной божок земли, всегда, во всех веках

Чудак такой же он, как был в начале века!

Ему немножко лучше бы жилось,

Когда б ему владеть не довелось

Тем отблеском божественного света,

Что разумом зовет он: свойство это

Он на одно лишь мог употребить –

Чтоб из скотов скотиной быть!

Позвольте мне – хоть этикет здесь строгий –

Сравненьем речь украсить: он на вид

Ни дать ни взять – кузнечик долгоногий,

Который по траве то скачет, то взлетит

И вечно песенку старинную твердит.

И пусть еще в траве сидел бы он уютно.

Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

Господь

Ты кончил? С жалобой одною

Являешься ты вечно предо мною!

Иль на земле добра совсем уж нет?

Мефистофель

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!

Бедняга человек! Он жалок так в стра-

данье,
Что мучить бедняка и я не в состоянье.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб.

Мефистофель

Но не такой, как все; он служит по-иному;
Ни пить, ни есть не хочет по-земному;
Как сумасшедший, он рассудком слаб,
Что чувствует и сам среди сомнений;
Всегда в свои мечтанья погружен,
То с неба лучших звезд желает он,
То на земле – всех высших наслаждений,

И в нем ничто – ни близкое, ни даль –
Не может утолить грызущую печаль.

Господь

Пока еще умом во мраке он блуждает,
Но истины лучом он будет озарен;
Сажая деревцо, садовник уже знает,
Какой цветок и плод с него получит он.

Мефистофель

Бьюсь об заклад: он будет мой!
Прошу я только позволенья, –
Пойдет немедля он за мной.

Господь

Пока живет он на груди земной,
Тебе на то не будет запрещенья:
Блуждает человек, пока в нем есть стремленья.

Мефистофель

Благодарю: не надо мертвых мне!

От трупов я держуся в стороне.
Нет, дайте мне здорового вполне:
Таких я мертвецам всегда предпочитаю –
Как кошка с мышью, с ними я играю.

Господь

Тебе позволено: иди
И завладей его душою
И, если можешь, поведи
Путем превратным за собою –
И посрамлен да будет сатана!
Знай: чистая душа в своем стремленье смутном
Сознаньем истины полна!

Мефистофель

Сознаньем слабым и минутным!
Игра мне эта не страшна,
Не проиграю я заклада;
Но только знайте: если мне
Поддастся он, пусть будет мой вполне:

Триумф победы – вот моя награда!
Пусть вьется он в пыли, как тетушка моя,
Достопочтенная змея!

Господь

Тогда явись ко мне без колебанья!
К таким, как ты, вражды не ведал я...
Хитрец, среди всех духов отрицанья
Ты меньше всех был в тягость для меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя – потому
Дам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!
А вы, сыны небес и рая, –
Пусть вечно радует вас красота святая,
И ко всему, что есть и будет вновь,
Пусть проникает вас священная любовь.
И все, что временно, изменчиво, ту-

манно,

Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.

Небо закрывается. Архангелы расходятся.

Мефистофель

(один)

Охотно старика я вижу иногда,

Хоть и держу язык; приятно убедиться,

Что даже важные такие господа

Умеют вежливо и с чертом обходиться!

Часть первая

Сцена первая
Ночь

Старинная комната с высокими готическими сводами.

Фауст, исполненный тревоги, сидит у своего стола в высоком кресле.

Фауст

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом…
Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник –
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был… Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я – и вот
Тому пошел десятый год;
Учеников туда-сюда
Я за нос провожу всегда.
И вижу все ж, что не дано нам знанья.
Изныла грудь от жгучего страданья!
Пусть я разумней всех глупцов –

Писак, попов, магистров, докторов, –

Пусть не страдаю от пустых сомнений,

Пусть не боюсь чертей и привидений,

Пусть в самый ад спуститься я готов, –

Зато я радостей не знаю,

Напрасно истины ищу,

Зато, когда людей учу,

Их научить, исправить – не мечтаю!

Притом я нищ: не ведаю, бедняк,

Ни почестей людских, ни разных благ...

Так пес не стал бы жить! Погибли годы!

Вот почему я магии решил

Предаться: жду от духа слов и сил,

Чтоб мне открылись таинства природы,

Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,

О том, чего не ведаю я сам,

Чтоб я постиг все действия, все тайны,

Всю мира внутреннюю связь;

Из уст моих чтоб истина лилась –
Не слов пустых набор случайный!
О месяц! Если б в этот час
Ты озарил в последний раз
Меня средь комнаты моей,
Где я познал тоску ночей!..
О, если б мог бродить я там
В твоем сиянье по горам,
Меж духов реять над вершиной,
В тумане плавать над долиной,
Науки праздный чад забыть,
Себя росой твоей омыть!..
Еще ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь солнца луч в цветном окне
Едва-едва заметен мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей –
Они лежат и здесь и там,
Добыча пыли и червей;
Реторт и банок целый ряд
В пыли с приборами стоят

На ветхих полках много лет.
И вот твой мир! И вот твой свет!
Еще ль не ясно, почему
Изныла грудь твоя тоской,
И больно сердцу твоему,
И жизни ты не рад такой?
Живой природы пышный цвет,
Творцом на радость данный нам,
Ты променял на тлен и хлам,
На символ смерти – на скелет!..
О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю! Нострадам
Чудесной книгою своей
Тебя на путь наставит сам.
К словам природы будь не глух –
И ты узнаешь ход светил,
И дух твой будет полон сил,
Когда ответит духу дух!
Чудесных знаков дивный вид
Сухой наш ум не объяснит.
О духи! Здесь вы в тишине
Витаете: ответьте мне!

(Раскрывает книгу и видит знак Макрокосма.)

Что за блаженство вновь в груди моей
Зажглось при этом виде, сердцу милом!
Как будто счастье жизни юных дней
Вновь заструилось пламенно по жилам!
Начертан этот знак не бога ли рукой?
Он душу бурную смиряет,
Он сердце бедное весельем озаряет,
Он таинства природы раскрывает
Пред изумленною душой!
Не бог ли я? Светло и благодатно
Все вкруг меня! Здесь с дивной глубиной
Все творчество природы предо мной!
Теперь мне слово мудреца понятно:
«В мир духов нам доступен путь,
Но ум твой спит, изнемогая:
О ученик! восстань, купая
В лучах зари земную грудь!»

(Рассматривает изображение.)

Как в целом части все, послушною тол-

пою

Сливаясь здесь, творят, живут одна другою!

Как силы вышние в сосудах золотых

Разносят всюду жизнь божественной рукою

И чудным взмахом крыл лазоревых своих

Витают над землей и в высоте небесной –

И стройно все звучит в гармонии чудесной!

О, чудный вид! Но только вид – увы!

Мне не обнять природы необъятной!

И где же вы, сосцы природы, – вы,

Дарующие жизнь струею благодатной,

Которыми живет и небо и земля,

К которым рвется так больная грудь моя?

Вы всех питаете, – что ж тщетно жажду я?

(Нетерпеливо перелистывая книгу, видит знак Духа Земли.)

Вот знак другой. Он чувства мне иные

Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней!

Теперь себя я чувствую сильней –

Снесу и горе я и радости земные.

Как будто бы вином живительным согрет,

Отважно ринусь я в обширный божий свет;

Мне хочется борьбы, готов я с бурей биться –

И в час крушенья мне ли устрашиться?

Повсюду мрак и тишина,

Меж туч скрывается луна,

И лампа тихо угасает.

Над головою в вышине

Кровавый луч во мгле сверкает,

И в кровь, стесняя сердце мне,

Холодный ужас проникает.

О дух, ты здесь, ты близок – о, приди!

Как сердце бьется у меня в груди!

Всем существом, души всей мощным зовом

Я порываюсь к чувствам новым!

Явись, явись мне – я всем сердцем твой!

Пусть я умру – явись передо мной!

(Закрывает книгу и таинственно произносит заклинание.)

Вспыхивает красноватое пламя, в котором является Дух.

Дух

Кто звал меня?

Фауст

(отворачиваясь)

Ужасное виденье!

Дух

Я вызван мощным голосом твоим;

К моей ты сфере льнул, ее ты порожденье –

И вот…

Фауст

Увы, твой вид невыносим!

Дух

Не ты ли сам желал с тоской упорной
Увидеть лик, услышать голос мой?
Склонился я на зов отважный твой –
И вот я здесь! Но что за страх позорный,
Сверхчеловек, тобою овладел?
Где мощный зов души, где тот титан могучий,
Кто мир весь обнимал, кто мыслию кипучей
Сравняться с нами, духами, хотел?
Ты Фауст ли, кто звать меня посмел
Всей силою души неосторожной?
И что ж? Моим дыханьем обожжен,
Дрожит, в пыли дорожной корчась, он,
Как червь презренный и ничтожный!

Фауст

Во прах перед тобой я не склонюсь челом,
Знай: равен я тебе, дух пламенный, во всем!

Дух

В буре деяний, в волнах бытия
Я подымаюсь,
Я опускаюсь…
Смерть и рожденье –
Вечное море;
Жизнь и движенье
В вечном просторе…
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Фауст

Ты целый мир обширный обнимаешь:
О деятельный дух, как близок я тебе!

Дух

Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь, –
Не мне!

(Исчезает.)

Фауст

(падая)

Не тебе!
Но кому ж?
Я, образ божества,
Не близок и тебе!

Стучатся в дверь.

Стучатся. Знаю я: помощник это мой!
Погибло все! О смерть, о муки!
Да, он пришел смутить видений чудный рой,
Ничтожный червь сухой науки!

Отворяется дверь. Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, держа лампу в руке.

Фауст с неудовольствием отворачивается.

Вагнер

Простите! Что-то вслух читали вы сейчас:
Из греческой трагедии, конечно?
Вот в этом преуспеть желал бы я сердечно:
Ведь декламация в большой цене у нас!
Случалось слышать мне, что может в деле этом
Актер священнику помочь своим советом.

Фауст

Да, коль священник ваш актер и сам,
Как мы нередко видим здесь и там.

Вагнер

Что ж делать? Мы живем всегда в уединенье;
Едва по праздникам покинешь свой музей,

И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленье.

Так где ж найти слова, чтоб нам учить людей?

Фауст

Когда в вас чувства нет, все это труд бесцельный;

Нет, из души должна стремиться речь,

Чтоб прелестью правдивой, неподдельной

Сердца людские тронуть и увлечь!

А вы? Сидите да кропайте,

С чужих пиров объедки подбирайте –

И будет пестрый винегрет

Поддельным пламенем согрет.

Когда таков ваш вкус – пожалуй, этим

Вы угодите дуракам и детям;

Но сердце к сердцу речь не привлечет,

Коль не из сердца ваша речь течет.

Вагнер

Нет, в красноречье – истинный успех!
Но в этом, признаюсь, я поотстал от всех.

Фауст

Ищи заслуги честной и бесспорной!
К чему тебе колпак шута позорный?
Когда есть ум и толк в словах у нас,
Речь хороша и без прикрас.
И если то, что говорится, дельно, –
Играть словами разве не бесцельно?
Да, ваши речи, с праздным блеском их,
В обман лишь вводят вычурой бесплодной.
Не так ли ветер осени холодной
Шумит меж листьев мертвых и сухих?

Вагнер

Ах, боже мой, наука так пространна,

А наша жизнь так коротка!

Мое стремленье к знанью неустанно,

И все-таки порой грызет меня тоска.

Как много надо сил душевных, чтоб добраться

До средств лишь, чтоб одни источники найти;

А тут – того гляди – еще на полпути

Придется бедняку и с жизнию расстаться.

Фауст

В пергаменте ль найдем источник мы живой?

Ему ли утолить высокие стремленья?

О нет, в душе своей одной

Найдем мы ключ успокоенья!

Вагнер

Простите: разве мы не радостно следим

За духом времени? За много лет пред нами

Как размышлял мудрец и как в сравненье с ним

Неизмеримо вдаль подвинулись мы сами?

Фауст

О да, до самых звезд! Ужасно далеко!

Мой друг, прошедшее постичь не так легко:

Его и смысл и дух, насколько не забыты, –

Как в книге за семью печатями сокрыты.

То, что для нас на первый, беглый взгляд

Дух времени – увы! – не что иное,

Как отраженье века временное

В лице писателя: его лишь дух и склад!

От этого в отчаянье порою

Приходишь: хоть беги куда глаза глядят!

Все пыльный хлам да мусор пред тобою,

И рад еще, когда придется прочитать

О важном «действе» с пышным представленьем

И наставительным в конце нравоученьем,

Как раз для кукольной комедии под стать!

Вагнер

А мир? А дух людей, их сердце? Без сомненья,

Всяк хочет что-нибудь узнать на этот счет.

Фауст

Да; но что значит – знать?

Вот в чем все затрудненья!

Кто верным именем младенца наречет?

Где те немногие, кто век свой познавали,

Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,

С безумной смелостью толпе навстречу шли?

Их распинали, били, жгли...

Однако поздно: нам пора расстаться;

Оставим этот разговор.

Вагнер

А я – хоть навсегда готов бы здесь остаться,

Чтоб только продолжать такой ученый спор!

Ну что ж: хоть завтра – в пасху, в воскресенье –

Позвольте вам еще вопрос-другой задать.

Ужасное во мне кипит к наукам рвенье;

Хоть много знаю я, но все хотел бы знать.

(Уходит.)

Фауст

(один)

Он все надеется! Без скуки безотрадной
Копается в вещах скучнейших и пустых;
Сокровищ ищет он рукою жадной –
И рад, когда червей находит дождевых!..
И как слова его раздаться здесь могли,
Где духи реяли, всего меня волнуя!
Увы! Ничтожнейший из всех сынов земли,
На этот раз тебя благодарю я!
Ты разлучил меня с отчаяньем моим,
А без тебя я впал бы в исступленье:
Так грозно-велико восстало то виденье,
Что карликом себя я чувствовал пред ним!
К зерцалу истины, сияющей и вечной,
Я, образ божества, приблизиться мечтал,
Казалось, я быть смертным перестал
В сиянии небес и в славе бесконечной;

Превыше ангелов я был в своих мечтах,

Весь мир хотел обнять и, полный упоенья,

Как бог, хотел вкусить святого наслажденья –

И вот возмездие за дерзкие стремленья:

Я словом громовым повержен был во прах!

О нет, не равен я с тобою,

Тебя я вызвать мог тоскующей душою,

Но удержать тебя я силы не имел:

Так мал я, так велик казался, – но жестоко

Ты оттолкнул меня; одно мгновенье ока –

И вновь я человек, – безвестен мой удел!

Кто ж скажет мне, расстаться ли с мечтами?

Научит кто? Куда идти?

Увы, себе своими ж мы делами

Преграды ставим на пути!

К высокому, прекрасному стремиться

Житейские дела мешают нам,

И если благ земных нам удалось добиться,

То блага высшие относим мы к мечтам.

Увы, теряем мы средь жизненных волнений

И чувства лучшие и цвет своих стремлений.

Едва фантазия отважно свой полет

К высокому и вечному направит,

Она себе простора не найдет:

Ее умолкнуть суета заставит.

Забота тайная тяжелою тоской

Нам сердце тяготит, и мучит нас кручиной,

И сокрушает нам и счастье и покой,

Являясь каждый день под новою личиной.

Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;

Пожара, яда мы страшимся в высшей

мере;

Пред тем, что не грозит, дрожать обречены,

Еще не потеряв, уж плачем о потере.

Да, отрезвился я – не равен я богам!

Пора сказать «прости» безумным тем мечтам!

Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый

Пятою путника, и смятый и зарытый.

Да, я во прахе! Полки по стенам

Меня мучительно стесняют:

Дрянная ветошь, полусгнивший хлам

На них лежат и душу мне терзают.

Все пыльный сор да книги! Что мне в них?

И должен ли прочесть я эти сотни книг,

Чтоб убедиться в том, что в мире все страдало

Всегда, как и теперь, и что счастливых мало?

Ты, череп, что в углу смеешься надо

мной,

Зубами белыми сверкая?

Когда-то, может быть, как я, владелец твой

Блуждал во тьме, рассвета ожидая!

Насмешливо глядят приборов целый строй,

Винты и рычаги, машины и колеса.

Пред дверью я стоял, за ключ надежный свой

Считал вас… Ключ хитер, но все же двери той

Не отопрет замка, не разрешит вопроса!

При свете дня покрыта тайна мглой,

Природа свой покров не снимет перед нами;

Увы, чего не мог постигнуть ты душой,

Не объяснить тебе винтом и рычагами!

Вот старый инструмент, не нужный мне, торчит:

Когда-то с ним отец мой много повозился;

Вот этот сверток здесь давным-давно лежит

И весь от лампы копотью покрылся.

Ах, лучше бы весь скарб я промотал скорей,

Чем вечно здесь потеть под гнетом мелочей!

Что дал тебе отец в наследное владенье,

Приобрети, чтоб им владеть вполне;

В чем пользы нет, то тягостно вдвойне,

А польза только в том, что даст тебе мгновенье.

Но что там за сосуд? Он мощно, как магнит,

Влечет меня к себе, блестящий, милый взору!

Так сладко нам, когда нам заблестит

В лесу луна в ночную пору.

Привет тебе, единственный фиал,

Который я беру с благоговеньем!
В тебе готов почтить я с умиленьем
Весь ум людей, искусства идеал!
Вместилище снов тихих, непробудных,
Источник сил губительных и чудных,
Служи владельцу своему вполне!
Взгляну ли на тебя – смягчается страданье;
Возьму ли я тебя – смиряется желанье,
И буря улеглась в душевной глубине.
Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный
Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,
И светит новый день в безвестной стороне!
Вот колесница в пламени сиянья
Ко мне слетает! Предо мной эфир
И новый путь в пространствах мирозданья.
Туда готов лететь я – в новый мир.
О наслажденье жизнью неземною!

Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?

Да, решено: оборотись спиною

К земному солнцу, что блестит вдали,

И грозные врата, которых избегает

Со страхом смертный, смело сам открой

И докажи, пожертвовав собой,

Что человек богам не уступает.

Пусть перед тем порогом роковым

Фантазия в испуге замирает;

Пусть целый ад с огнем своим

Вокруг него сверкает и зияет, –

Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,

Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!

Приди ж ко мне, кристальный мой бокал,

Покинь футляр, под слоем пыли скрытый!

Как долго ты лежал, презренный и забытый!

На дедовских пирах когда-то ты сверкал,

Гостей суровых веселя беседу,

Когда тебя сосед передавал соседу.

Краса резьбы причудливой твоей,

Обычай толковать в стихах ее значенье

И залпом осушать всю чашу в заключенье –

Напоминают мне попойки юных дней.

Не пировать уж мне, тебя опорожняя,

Не изощрять мой ум, узор твой объясняя!

Хмелен напиток мой, и темен зелья цвет:

Его сготовил я своей рукою,

Его избрал всем сердцем, всей душою.

В последний раз я пью и с чашей роковою

Приветствую тебя, неведомый рассвет!

(Подносит к губам бокал.)
Звон колоколов и хоровое пение.

Хор ангелов

Христос воскрес!
Тьмой окруженные,
Злом зараженные,
Мир вам, прощенные
Люди, с небес!

Фауст

О звук божественный! Знакомый сердцу звон
Мне не дает испить напиток истребленья.
Его я узнаю: нам возвещает он
Божественную весть святого воскресенья.
В ту ночь, когда с землей сроднились небеса,
Не так ли ангелов звучали голоса
Святым залогом искупленья?

Хор женщин

Щедро мы лили
Миро душистое,
В гроб положили
Тело пречистое;
В ткань плащаницы
Был облачен Христос, –
Кто ж из гробницы
Тело унес?

Хор ангелов

Христос воскрес!
Кто средь мучения,
В тьме искушения
Ищет спасения, –
Мир вам с небес!

Фауст

О звуки сладкие! Зовете мощно вы
Меня из праха – вновь в иные сферы!
Зовите тех, чьи души не черствы,

А я – я слышу весть, но не имею веры!

Меня ли воскресить? Могу ли верить я?

А чудо – веры есть любимое дитя!

Стремиться в мир небес, откуда весть нисходит,

Не смею я; туда пути мне нет…

И все же милый звон, знакомый с юных лет,

Меня, как прежде, к жизни вновь приводит.

В субботу тихую касалася меня

Небесная любовь святым своим лобзаньем,

И звон колоколов пленял очарованьем,

И вся молитвою пылала грудь моя.

Влекомый силою какой-то непонятной,

Я уходил в леса, бродил в тиши полей,

И за слезой слеза катилась благодатно,

И новый мир вставал в душе моей.

Все, все мне вспомнилось – и юности отвага,

И счастье вольное, краса моей весны…
О нет! Не сделаю я рокового шага:
Воспоминанием все муки смягчены!
О звуки дивные! Гремите ж надо мною!
Я слезы лью, мирюсь я с жизнию земною!

Хор учеников

Гроб покидает он,
Смерть побеждая;
К небу взлетает он,
Славой блистая;
Мир озаряет весь
Светом спасения;
Нас оставляет здесь
В области тления.
Здесь мы томимся все
В тяжкой борьбе!
Сердцем стремимся все,
Боже, к тебе!

Хор ангелов

Чуждый нетления,
Мощно Христос восстал!
Узы мучения
Он разорвал!
Вам, здесь страдающим,
Всех утешающим,
Ближних питающим,
В рай призывающим,
Близок учитель вам:
С вами он сам!

Сцена вторая
У городских ворот

Гуляющие выходят из ворот.

Несколько подмастерьев

Эй вы! Куда вы, господа?

Другие

В охотный двор. А вы куда?

Первые

На мельницу.

Один из подмастерьев

Пойдем к прудам!

Второй подмастерье

Бог с ними!
Туда дорога чересчур худа!

Вторая группа подмастерьев

А ты?

Третий подмастерье

Пойду куда-нибудь с другими.

Четвертый

В Бургдорф наведаться советую я вам!
Какие девушки, какое пиво там!
А драка – первый сорт! Пойдемте-ка, ребята!

Пятый

Знать, чешется спина: все драки подавай.
Вот погоди, намнут тебе бока-то.
Ступай-ка сам – меня не зазывай.

Служанка

Нет, нет! Вернуться надо мне скорее.

Другая

Куда? Он, верно, там, у тополей, в аллее.

Первая

Да мне-то что за радость в нем?
Он вечно ходит за тобою.
Болтает, пляшет не со мною:
Что мне в веселии твоем?

Вторая

Да мы пойдем не с ним одним:
Кудрявый тоже будет с ним.

Студент

Эх, девки, черт возьми! Смотри, бегут как живо!
А что, коллега, надо их догнать!
Забористый табак, да пенистое пиво,
Да девушка-краса – чего еще желать!

Девушка-горожанка

Вот так молодчики! Как им не удивляться!
Ведь это просто стыд и срам!
Могли бы в обществе отличном прогуляться –
Нет, за служанками помчались по пятам!

Второй студент

(первому)

Постой: вон две идут другие;
Из них соседка мне одна.
Мне очень нравится она.
Смотри, нарядные какие!
Не торопясь, идут они шажком
И поджидают нас тайком.

Первый студент

Эх, братец, брось! Стесняться неохота.
Скорей вперед: дичь может ускакать!

Чья ручка пол метет, когда придет суббота, –

Та в праздник лучше всех сумеет приласкать.

Горожанин

Нет, новый бургомистр ни к черту не годится.

Что день, то больше он гордится.

А много ль город видит пользы в нем?

Что день, то хуже, без сомненья;

Все только больше подчиненья

Да платим мы все больше с каждым днем.

Нищий

(поет)

Веселой, пестрою толпою

Вы здесь идете, господа;

Взгляните, сжальтесь надо мною,

Да тронет вас моя нужда!

Услышьте голос мой молящий!

Лишь тот блажен, кто может дать.
О, пусть день праздника блестящий
Днем сытым буду я считать!

Другой горожанин

Люблю послушать я, как в праздник соберутся
Потолковать о битвах, о войне,
Как где-то в Турции, в далекой стороне,
Народы режутся и бьются.
Стаканчик свой держа, стою перед окном,
И барки по реке проходят предо мною;
А после к вечеру иду себе в свой дом,
Благословляя мир спокойною душою.

Третий горожанин

Так, так, сосед! Мы смирно здесь живем,
А там, кто хочет, пусть себе дерется!
Перевернись весь свет вверх дном –
Лишь здесь по-старому пускай все остается!

Старуха

(девушкам-горожанкам)

Вишь, как разряжены, – что розан молодой!

Ах вы, красавицы! Ну как в вас не влюбиться?

Что гордо смотрите? Не брезгайте вы мной:

Старушка может пригодиться.

Девушка-горожанка

Сюда, Агата! От старухи – прочь!

Нам с ведьмой говорить при людях не пристало.

Хотя, поверь, в Андреевскую ночь

Суженого мне ловко показала.

Другая

У ней я тоже видела его:

Мне в зеркале колдунья показала.

Военный – как хорош! Уж я его искала,

Да встретить не могу, не знаю отчего.

Солдаты

Башни с зубцами,
Нам покоритесь!
Гордые девы,
Нам улыбнитесь!
Все вы сдадитесь!
Славная плата
Смелым трудам!
Подвиг солдата
Сладостен нам.
Сватаны все мы
Звонкой трубою
К радости шумной,
К смертному бою.
В битвах и штурмах
Дни наши мчатся;
Стены и девы
Нам покорятся.
Славная плата
Смелым трудам!

Миг – и солдата
Нет уже там.

Фауст и Вагнер.

Фауст

Умчалися в море разбитые льдины;
Живою улыбкой сияет весна;
Весенней красою блистают долины;
Седая зима ослабела: в теснины,
В высокие горы уходит она.
Туда она прячется в злобе бесплодной
И сыплет порою метелью холодной
На свежую, нежную зелень весны, –
Но солнце не хочет терпеть белизны;
Повсюду живое стремленье родится,
Все вырасти хочет, спешит расцвести,
И если поляна еще не цветет,
То вместо цветов нарядился народ.
Взгляни, обернись: из-под арки старинной
Выходит толпа вереницею длинной;

Из душного города в поле, на свет
Теснится народ, оживлен, разодет;
Погреться на солнце – для всех наслажденье.
Они торжествуют Христа воскресенье –
И сами как будто воскресли они:
Прошли бесконечные зимние дни;
Из комнаты душной, с работы тяжелой,
Из лавок, из тесной своей мастерской,
Из тьмы чердаков, из-под крыши резной
Народ устремился гурьбою веселой,
И после молитвы во мраке церквей
Ласкает их воздух зеленых полей.
Смотри же, смотри: и поля и дорога
Покрыты веселой и пестрой толпой;
А там, на реке, и возня, и тревога,
И лодок мелькает бесчисленный рой.
И вот уж последний челнок, нагруженный,
С усильем отчалил, до края в воде;

И даже вверху, на горе отдаленной,
Виднеются пестрые платья везде.
Чу! Слышится говор толпы на поляне;
Тут истинный рай им! Ликуют селяне,
И старый и малый, в веселом кругу.
Здесь вновь человек я, здесь быть им могу!

Вагнер

Люблю прогулку, доктор, с вами,
В ней честь и выгода моя;
Но враг я грубого – и не решился б я
Один здесь оставаться с мужиками.
Их кегли, скрипки, крик и хоровод
Переношу я с сильным отвращеньем:
Как бесом одержим, кривляется народ, –
И это он зовет весельем, пляской, пеньем!

Крестьяне

(танцуя под липой; пляска и пение)

Пустился в пляску пастушок;
На нем и ленты, и венок,
И куртка красовалась.
Народ под липами кишел,
И танец бешеный кипел,
И скрипка заливалась.
В толпу немедля он влетел
И локтем девушку задел
Для первого начала.
Но бойко девушка глядит:
«Как это глупо, говорит,
Потише б не мешало!»
Но он, обвив ее рукой,
Пустился с нею в пляс лихой –
Лишь юбки развевались.
Ее он поднял на локте,
Им стало жарко в тесноте,
И оба задыхались.
«Пусти, меня не проведешь!
Я знаю: ласки ваши – ложь.

И клятвы ваши зыбки!»
Но он, обняв ее, влечет,
А там, вдали, шумит народ
И льются звуки скрипки.

Старый крестьянин

Прекрасно с вашей стороны,
Что вы пришли в веселый час!
Вы так учены и умны,
А не забыли и о нас.
Вас кружкой лучшего питья
Народ признательный дарит,
И громко здесь желаю я:
Пусть грудь она вам освежит,
И сколько капель чистых в ней –
Дай бог вам столько светлых дней.

Фауст

Я за здоровье ваше пью,
А за привет – благодарю.

Народ собирается вокруг.

Старик

Да, мысль благая – посетить
Народ теперь, в веселый час;
Но вам случалось приходить
И в дни беды, трудясь для нас.
Немало здесь стоит таких,
Которых ваш отец лечил:
От верной смерти спас он их
И нам заразу потушил.
Тогда ты, юноша, за ним
Везде ходил среди больных,
Отважен, чист и невредим,
Меж трупов, гноем залитых, –
И жив остался покровитель:
Хранил спасителя Спаситель.

Народ

Ученый муж, ты многих спас;
Живи ж сто лет, спасая нас!

Фауст

Склонитесь лучше перед тем,
Кто учит всех и благ ко всем.

(Идет с Вагнером дальше.)

Вагнер

Что должен был ты, муж великий, ощутить,
Услышав эту речь и эти восклицанья!
О, счастлив, кто дары свои и знанья
С такою пользой мог употребить!
Приход твой мигом изменил картину:
Отец тебя показывает сыну,
Бегут, спешат, теснятся все вокруг;
Замолк скрипач, затихла пляска вдруг;
Проходишь ты – они стоят рядами,
И шапки вверх летят все тут!
Еще момент – и ниц они падут,
Как пред священными дарами.

Фауст

Пойдем туда: на камне том
Присядем мы и отдохнем немного.
Не раз я здесь сидел, томя себя по-
стом,
Молясь и призывая бога.
С надеждой, с верою в творца,
В слезах, стеня, ломая руки,
Для язвы злой, для страшной муки
Просил я скорого конца.
Слова толпы звучат насмешкой злою
В ушах моих, и знаю я один,
Как мало мы, отец и сын,
Гордиться можем этой похвалою.
Отец мой, темный труженик, в тиши
Над тайнами природы тщетно бился;
В ее круги святые он стремился
Проникнуть всеми силами души –
По-своему, но честно. Меж адептов
Сидел он в черной кухне взаперти
И силился бальзам целительный най-

ти,
Мешая разных множество рецептов.
Являлся красный лев – и был он женихом,
И в теплой жидкости они его венчали
С прекрасной лилией, и грели их огнем,
И из сосуда их в сосуд перемещали.
И вслед – блиставшую лучами всех цветов
Царицу юную в стекле мы получали:
Целительный напиток был готов.
И стали мы лечить. Удвоились мученья:
Больные гибли все без исключенья,
А выздоравливал ли кто,
Спросить не думали про то.
Вот наши подвиги леченья!
Средь этих гор губили мы
Страшней губительной чумы!
Я сам дал тысячам отраву:
Их нет – а я живу… И вот
В моем лице воздал народ

Своим убийцам – честь и славу!

Вагнер

Ну стоит ли об этом вам тужить!
Довольно, если правильно и честно
Сумели вы все к делу приложить,
Что от других вам сделалось известно.
Как юноша, трудам отца почет
Воздали вы – он был доволен вами;
Потом науку двинули вы сами,
А сын ваш снова далее пойдет!

Фауст

О, счастлив тот, кому дана отрада –
Надежда выбраться из непроглядной тьмы!
Что нужно нам, того не знаем мы,
Что ж знаем мы, того для нас не надо.
Но перестань: не будем отравлять
Прекрасный этот час печальными речами.
Взгляни: уж солнце стало озарять

Сады и хижины прощальными лучами.
Оно заходит там, скрываясь вдали,
И пробуждает жизнь иного края...
О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли
И мчаться вслед за ним, в пути не уставая!
И я увидел бы в сиянии лучей
У ног моих весь мир: и спящие долины,
И блеском золотым горящие вершины,
И реку в золоте, и в серебре ручей.
Ущелья диких гор с высокими хребтами
Стеснить бы не могли стремления души:
Предстали бы моря, заснувшие в тиши,
Пред изумленными очами.
Вот солнце скрылось, но в душе больной
Растет опять могучее желанье
Лететь за ним и пить его сиянье,
Ночь видеть позади и день передо мной,
И небо в вышине, и волны под ногами.

Прекрасная мечта! Но день уже погас.
Увы, лишь дух парит, от тела отрешась, –
Нельзя нам воспарить телесными крылами!
Но подавить нельзя подчас
В душе врожденное стремленье,
Стремленье ввысь, когда до нас
Вдруг долетает жаворонка пенье
Из необъятной синевы небес,
Когда, внизу оставя дол и лес,
Орел парит свободно над горами
Иль высоко под облаками
К далекой родине своей
Несется стая журавлей.

Вагнер

Хандрил и я частенько, без сомненья,
Но не испытывал подобного стремленья.
Ведь скоро надоест – в лесах, в полях блуждать…
Нет, что мне крылья и зачем быть

птицей!

Ах, то ли дело поглощать

За томом том, страницу за страницей!

И ночи зимние так весело летят,

И сердце так приятно бьется!

А если редкий мне пергамент попадется,

Я просто в небесах и бесконечно рад.

Фауст

Тебе знакомо лишь одно стремленье,

Другое знать – несчастье для людей.

Ах, две души живут в больной груди моей,

Друг другу чуждые, – и жаждут разделенья!

Из них одной мила земля –

И здесь ей любо, в этом мире,

Другой – небесные поля,

Где тени предков, там, в эфире.

О духи, если вы живете в вышине

И властно реете меж небом и землею,

Из сферы золотой спуститесь вы ко мне

И дайте жить мне жизнию иною!

О, как бы я плащу волшебному был рад,

Чтоб улететь на нем к неведомому миру!

Я б отдал за него роскошнейший наряд,

Его б не променял на царскую порфиру!

Вагнер

Не призывай знакомый этот рой,

Разлитый в воздухе, носящийся над нами;

От века он душе людской

Грозит со всех концов и горем и бедами.

То мчатся с севера, и острый зуб их лют,

И языком они язвят нас, как стрелою;

То от востока к нам они бездождье шлют

И сушат нашу грудь чахоткой злою;

То, если из пустынь пошлет их жаркий

юг,

Они палящий зной над головой нам копят;

То с запада они примчат прохладу вдруг,

А после нас самих, луга и нивы топят.

Они спешат на зов, готовя гибель нам:

Они покорствуют, в обман увлечь желая,

Уподобляются небес святым послам,

И пенью ангелов подобна ложь их злая…

Однако нам домой пора давно:

Туман ложится, холодно, темно…

Да, только вечером мы ценим дом укромный!

Но что ж ты стал? И чем в долине темной

Твое вниманье так привлечено?

Чего твой взор во мгле туманной ищет?

Фауст

Ты видишь – черный пес по ниве рыщет?

Вагнер

Ну да; но что ж особенного в том?

Фауст

Всмотрись получше: что ты видишь в нем?

Вагнер

Да просто пудель перед нами:
Хозяина он ищет по следам.

Фауст

Ты видишь ли: спиральными кругами
Несется он все ближе, ближе к нам.
Мне кажется, что огненным потоком
Стремятся искры по следам его.

Вагнер

Ты в зрительный обман впадаешь ненароком:
Там просто черный пес – и больше ничего.

Фауст

Мне кажется, что нас он завлекает
В магическую сеть среди кругов своих.

Вагнер

Искал хозяина – и видит двух чужих!
Взгляни, как к нам он робко подбегает.

Фауст

Круги тесней, тесней... Вот он уж близок к нам.

Вагнер

Конечно, пес как пес – не призрак: видишь сам!
То ляжет, то, ворча, помчится без

оглядки,
То хвостиком вильнет: собачьи все ухватки!

Фауст

Иди сюда! Ступай за нами вслед!

Вагнер

Да, с этим псом конца забавам нет:
Стоишь спокойно – ждет он терпеливо;
Окликнешь – он к тебе идет;
Обронишь вещь – он мигом принесет;
Брось палку в воду – он достанет живо.

Фауст

Ты прав, я ошибался. Да:
Все дрессировка тут, а духа ни следа.

Вагнер

Да, вот к такой собаке приручennой
Привяжется порой и муж ученый.

Воспитанник студентов удалых,
Пес этот стоит милостей твоих.

Они входят в городские ворота.

Сцена третья
Кабинет Фауста

Фауст входит с пуделем.

Фауст

Покинул я поля и нивы;
Они туманом облеклись.
Душа, смири свои порывы!
Мечта невинная, проснись!
Утихла дикая тревога,
И не бушует в жилах кровь:
В душе воскресла вера в бога,
Воскресла к ближнему любовь.
Пудель, молчи, не мечись и не бейся:
Полно тебе на пороге ворчать;
К печке поди, успокойся, согрейся –
Можешь на мягкой подушке лежать.
Нас потешал ты дорогою длинной,
Прыгал, скакал и резвился весь путь;
Ляг же теперь и веди себя чинно.

Гостем приветливым будь.
Когда опять в старинной келье
Заблещет лампа, друг ночей,
Возникнет тихое веселье
В душе смирившейся моей,
И снова мысли зароятся,
Надежда снова зацветет –
И вновь туда мечты стремятся,
Где жизни ключ струею бьет.
Пудель, молчи! К этим звукам небесным,
Так овладевшим моею душой,
Кстати ль примешивать дикий твой вой?
Часто у нас над прекрасным и честным
Люди смеются насмешкою злой,
Думы высокой понять не умея.
Злобно ворчат лишь, собой не владея.
Так ли ты, пудель, ворчишь предо мной? –
Но горе мне! Довольства и смиренья
Уже не чувствует больная грудь моя.

Зачем иссяк ты, ключ успокоенья?
Зачем опять напрасно жажду я?
Увы, не раз испытывал я это!
Но, чтоб утрату счастья возместить,
Мы неземное учимся ценить
И в Откровенье ждем себе ответа,
А луч его всего ясней горит
В том, что Завет нам Новый говорит.
Раскрою ж текст я древний, вдохновенный,
Проникнусь весь святою стариной
И честно передам я подлинник священный
Наречью милому Германии родной.

(Открывает книгу и собирается переводить.)

Написано: «В начале было Слово» –
И вот уже одно препятствие готово:
Я Слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль – всему начало.

Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалека!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли – начало всех начал?
Пишу – и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул – и выход вижу, смело
Могу писать: «В начале было Дело!»
Пудель, не смей же визжать и метаться,
Если желаешь со мною остаться!
Слишком докучен товарищ такой:
Мне заниматься мешает твой вой.
Я или ты; хоть и против охоты,
Гостя прогнать принужден я за дверь.
Ну, выходи же скорее теперь:
Путь на свободу найдешь тут легко ты.
Но что я вижу? Явь иль сон?
Растет мой пудель, страшен он,
Громаден! Что за чудеса!

В длину и в ширину растет!
Уж не походит он на пса!
Глаза горят; как бегемот,
Он на меня оскалил пасть!
О, ты мою узнаешь власть!
«Ключ Соломона» весь свой вес
Тебе покажет, полубес!

Духи

(в коридоре)

Он попался! Поспешим!
Но входить нельзя за ним.
Как лиса среди тенет,
Старый бес сидит и ждет.
Так слетайся же скорей,
Осторожных духов рой,
И старайся всей толпой,
Чтоб избегнул он цепей.
В эту сумрачную ночь
Мы должны ему помочь.
Он велик, могуч, силен:

Помогал не раз нам он!

Фауст

Для покоренья зверя злого
Скажу сперва четыре слова:
Саламандра, пылай!
Ты, Сильфида, летай!
Ты, Ундина, клубись!
Домовой, ты трудись!
Стихии четыре
Царят в этом мире;
Кто их не постиг,
Их сил не проник, –
Чужда тому власть,
Чтоб духов заклясть.
Исчезни в огне,
Саламандра!
Разлейся в волне
Ты, Ундина!
Звездой просверкай
Ты, Сильфида!
Помощь домашнюю дай,

Incubus, Incubus,
Выходи, чтоб закончить союз!
Нет, ни одной из четырех
В ужасном звере не таится:
Ему не больно; он прилег,
И скалит зубы, и глумится.
Чтоб духа вызвать и узнать,
Сильней я буду заклинать.
Но знай же: если ты, наглец,
Из ада мрачного беглец,
То вот – взгляни – победный знак!
Его страшатся ад и мрак,
Ему покорны духи праха.
Пес ощетинился от страха!
Проклятое созданье!
Прочтешь ли ты названье
Его, несотворенного,
Его, неизреченного,
И смерть и ад поправшего
И на кресте страдавшего!
Страшен, грозен, громаден, как слон,
Вырастает за печкою он,

И в тумане он хочет разлиться!
Он весь свод наполняет собой.
Мрачный дух, повелитель я твой:
Предо мною ты должен склониться.
Не напрасно грозил я крестом:
Я сожгу тебя божьим огнем!
Не жди же теперь от меня
Трикраты святого огня!
Не жди, говорю, от меня
Сильнейшего в таинстве нашем!

Туман рассеивается, из-за печи является Мефистофель в одежде странствующего схоласта.

Мефистофель

К чему шуметь? Я здесь к услугам вашим.

Фауст

Так вот кто в пуделе сидел;
Схоласт, в собаке сокровенный!
Смешно!

Мефистофель

Привет мой вам, науки жрец почтенный!
По вашей милости изрядно я вспотел.

Фауст

Как звать тебя?

Мефистофель

Вопрос довольно мелочной
В устах того, кто слово презирает
И, чуждый внешности пустой,
Лишь в суть вещей глубокий взор вперяет.

Фауст

Чтоб узнать о вашем брате суть,
На имя следует взглянуть.
По специальности прозванье вам дается:
Дух злобы, демон лжи, коварства – как придется.

Так кто же ты?

Мефистофель

Часть вечной силы я,
Всегда желавшей зла, творившей лишь благое.

Фауст

Кудряво сказано; а проще – что такое?

Мефистофель

Я отрицаю все – и в этом суть моя,
Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,
Годна вся эта дрянь, что на земле живет.
Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!
Короче, все, что злом ваш брат зовет, –
Стремленье разрушать, дела и мысли злые,
Вот это все – моя стихия.

Фауст

Ты мне сказал: «я часть»; но весь ты предо мной?

Мефистофель

Я скромно высказал лишь правду, без сомненья.

Ведь это только вы мирок нелепый свой

Считаете за все, за центр всего творенья!

А я – лишь части часть, которая была

В начале всей той тьмы, что свет произвела,

Надменный свет, что спорить стал с рожденья

С могучей ночью, матерью творенья.

Но все ж ему не дорасти до нас!

Что б он ни породил, все это каждый раз

Неразделимо связано с телами,

Произошло от тел, прекрасно лишь

в телах,

В границах тел должно всегда остаться,

И – право, кажется, недолго дожидаться –

Он сам развалится с телами в тлен и прах.

Фауст

Так вот твое высокое значенье!

Великое разрушить ты не мог,

Тогда по мелочам ты начал разрушенье!

Мефистофель

Что делать! Да и тут старался я не впрок.

Дрянное Нечто, мир ничтожный,

Соперник вечного Ничто,

Стоит, не глядя ни на что,

И вред выносит всевозможный:

Бушует ли потоп, пожары, грозы, град –

И море и земля по-прежнему стоят.
С породой глупою звериной и людскою
Бороться иногда мне не хватает сил –
Ведь скольких я уже сгубил,
А жизнь течет своей широкою рекою.
Да, хоть с ума сойти – все в мире так ведется,
Что в воздухе, в воде и на сухом пути,
В тепле и в холоде зародыш разовьется.
Один огонь еще, спасибо, остается.
А то б убежища, ей-богу, не найти!

Фауст

И этой силе животворной,
Всегда борящейся со злом,
Грозишь напрасно, дьявол вздорный,
Своим холодным кулаком.
Другое лучше выдумай стремленье,
Хаоса странное творенье!

Мефистофель

О том подумать сами мы хотим...

Но после мы с тобой еще поговорим.
Теперь могу ль я удалиться?

Фауст

К чему такой вопрос? Иди.
Твое знакомство пригодится:
Когда захочешь, приходи.
Не хочешь ли в окно – открытая дорога!
Не то – в трубу ступай; не заперта и дверь.

Мефистофель

Нет, трудновато выйти мне теперь,
Тут кое-что мешает мне немного:
Волшебный знак у вашего порога.

Фауст

Так пентаграмма этому виной?
Но как же, бес, пробрался ты за мной?
Каким путем впросак попался?

Мефистофель

Изволили ее вы плохо начертить,
И промежуток в уголку остался,
Там, у дверей, – и я свободно мог вскочить.

Фауст

Да, случай над тобой удачно посмеялся.
Так ты мой пленник, стало быть?
Вот удалось негаданно, нежданно!

Мефистофель

Не видел пудель этой штуки странной;
Вскочил – и вмиг переменился вид,
И выход был лукавому закрыт.

Фауст

Ступай в окно, не будет затруднений.

Мефистофель

Увы, таков закон чертей и привидений:
Каким путем вошел, таким и выходить.
Во входе волен я, а выходить обязан
Там, где вошел.

Фауст

И ад законом связан?
Вот новости! Ну что ж! Прекрасно: может быть,
С тобой и договор возможно заключить?

Мефистофель

Что обещаем мы, ты можешь получить
Сполна, – ни в чем тебя мы не надуем.
Да, но об этом долго рассуждать.
Другой раз мы подробней потолкуем.
Теперь же я прошу нижайше позволенья
Уйти. Нельзя ль вам пентаграмму

снять?

Фауст

Куда? Чего спешить? Останься на мгновенье.
Не можешь ли мне сказку рассказать?

Мефистофель

Теперь пусти! Ведь я приду опять;
Тогда расспрашивай – на все я дам решенье.

Фауст

Тебя не звал я, ты ведь это знаешь;
Ты сам попался в сеть, не правда ли, скажи?
Кто черта держит, тот его держи:
Не так легко его опять поймаешь.

Мефистофель

Ну, если так уж хочешь, я готов
С тобой остаться несколько часов;
Но попрошу мне волю предоставить

Тебя моим искусством позабавить.

Фауст

Что хочешь делай; лишь сумей
Меня занять повеселей.

Мефистофель

Ты в краткий час среди видений
Получишь больше наслаждений,
Чем в целый год обычных дней.
Ни песни духов бестелесных,
Ни дивный ряд картин чудесных
Не будут сном волшебных чар;
Ты будешь тешить обонянье,
И вкус, и даже осязанье –
Все, все тебе доставлю в дар!
Приготовлений ждать не нужно:
Мы в сборе все. Начните дружно!

Духи

Вы, темные арки,
О, пусть вас не станет!

Пусть светлый и яркий
Приветливо глянет
Эфир голубой!
Пусть туч, исчезая,
Рассеется рой!
Пусть звезды, мерцая,
Пусть, кротко лаская,
Нам солнца блестят!
Как легкая стая,
В роскошном расцвете
Красы бестелесной
Небесные дети,
Порхая, летят;
И рой их прелестный
То выше умчится,
То стелется ниже,
И ближе, все ближе
К земле он стремится,
И тканью эфирной
Одежды их веют
Над кущами мирной,
Блаженной страны,

Где в неге беседки,
Дум сладких полны,
Влюбленные млеют,
Друг другу верны.
И всюду пестреют
Беседки, беседки!
Лоз нежные ветки
Дают виноград;
Давимы тисками,
Сок гроздья струят,
И, пенясь, реками
Стекает вино;
Среди несравненных
Камней драгоценных
Струится оно
И, высь покидая
Сияющих гор,
Течет, ниспадая
В равнины озер.
Холмов вереницы
Меж ними цветут,
И райские птицы

Блаженство там пьют,
И к солнцу стремятся,
И радостно мчатся
Они к островам,
Что в блеске сиянья
Плывут по волнам;
И гимн ликованья
Там слышится нам;
Пленяют нам взоры
Танцующих хоры
На светлых лугах,
Взбираются в горы,
Ныряют в волнах,
И в воздухе реют,
И в сердце лелеют
Стремленья свои
К той жизни блаженной
В безбрежной вселенной,
Где звезды, сверкая,
Дарят им, лаская,
Блаженство любви!

Мефистофель

Он убаюкан, спит. Воздушные творенья,
Спасибо вам мое за ваши песнопенья:
В долгу у вас я за концерт такой.
Нет, Фауст, не тебе повелевать бесами!
Пусть грезит он, объят воздушными мечтами,
Весь погружен в обманчивый покой.
Но надо снять с порога заклинанье:
Его мне крыса отгрызет.
Вот уж одна пришла: бежит и приказанье
Мое исполнить только ждет.
Владыка крыс, мышей, лягушек,
Клопов, и блох, и вшей, и мушек
Тебе изволит приказать
К тому порогу подбежать –
И там, где масло он положит,
Пускай твой зуб усердно гложет.

Живей, зверек! Вперед! Мешает выйти мне

Там, с краю, уголок на левой стороне.

Довольно! Хорошо! Спасибо за старанье!

Ну, Фауст, спи себе! До скорого свиданья!

(Уходит.)

Фауст

(просыпаясь)

Ужели я обманут снова?

Мир духов вновь исчез: во сне

Коварный бес явился мне,

А пудель скрылся из алькова!

Сцена четвертая
Кабинет Фауста

Фауст, Мефистофель.

Фауст

Кто там? Войдите! Вечно помешают.

Мефистофель

Я здесь.

Фауст

Войдите ж!

Мефистофель

Трижды приглашают
Чертей.

Фауст

Войди же!

Мефистофель

Ну, теперь вхожу.
Надеюсь, мы с тобой поладим
И от тебя хандру отвадим.
Примером я тебе служу:
В одежде златотканой, красной,
В плаще материи атласной,
Как франт, кутила и боец,
С пером на шляпе, с длинной шпагой,
Дыша весельем и отвагой, –
Чем я не бравый молодец?
И не пора ли наконец
Тебе одеться в том же роде?
Тогда, на воле, на свободе
И бросив вздорные мечты, –
Что значит жизнь, узнаешь ты!

Фауст

Что ни надень, все мучусь я хандрою,
И уз земных не в силах я забыть.
Я слишком стар, чтоб тешиться иг-

рою,

И слишком юн, чтоб без желаний быть.

Свет ничего не даст мне, я уверен.

«Умерен будь! Лишь будь умерен!» –

Вот песня вечная у нас.

Она терзает наши души,

Ее поют нам хрипло в уши

И каждый день и каждый час!

Встаю ли утром – ждут меня страданья:

Я убежден, что долгий день пройдет

И мне не даст, я знаю наперед,

Ни одного достичь, ни одного желанья!

Мгновенье радости почую ли душой –

Вмиг жизни критика его мне разрушает

И образы, лелеянные мной,

Гримасою ужасной искажает.

Когда же ночь спускается и мне

С тоской в постель приходится ложиться,

Не знаю я покоя и во сне:

Тяжелый сон мне будет сниться.
Тот бог, который жив в груди моей,
Всю глубину ее волнует:
Он правит силами, таящимися в ней,
Но силам выхода наружу не дарует.
Так тяжко, горько мне, что жизнь мне не мила
И жду я, чтоб скорей настала смерти мгла.

Мефистофель

Ну, смерть, однако, гость не очень-то приятный.

Фауст

О, как завиден жребий благодатный
Того, кто, лавры заслужив в бою,
С победою встречает смерть свою,
Того, кто после пляски знойной
Находит смерть в объятьях девы стройной!
Зачем, зачем с восторженной душой
Не пал я мертвым в миг тот роковой,

Когда мне дух явился величавый!

Мефистофель

А все-таки в ту ночь один знакомый мой
Не осушил бокал, наполненный отравой.

Фауст

Шпионство, видно, страсть твоя?

Мефистофель

Я знаю многое, хоть не всеведущ я.

Фауст

Когда от дикого порыва
Отвлек меня знакомый звон
И чувства детские так живо
Восстали, – был я обольщен.
Всему, что душу обольщает,
Я шлю проклятие – всему,
Что наше сердце увлекает,

Что льстит несчастному уму!
Проклятье – выспреннее мненье
О духе, разуме людском!
Проклятье – наше ослепленье
Блестящим всяким пустяком!
Проклятье грезам лицемерным,
Мечтам о славе – тем мечтам,
Что мы считаем счастьем верным,
Семейству, власти и трудам!
Тебе проклятье, идол злата,
Влекущий к дерзким нас делам,
Дары постыдные разврата
И праздность неги давший нам!
Будь проклята любви отрада!
Проклятье соку винограда
И искрометному вину,
Надежд и веры всей святыне, –
Но больше всех тебя отныне,
Терпенье пошлое, кляну!

Хор духов

(невидимо)

Увы, увы!
Разбил ты его,
Прекраснейший мир,
Могучей рукой.
Он пал пред тобой,
Разрушен, сражен полубогом!
И вот мы, послушны ему,
Уносим обломки созданья
В ничтожества тьму
Сквозь плач и рыданья
О дивной погибшей красе…
И молим мы все:
Воспрянь, земнородный, могучий!
Мир новый, чудесный и лучший
Создай в мощном сердце своем;
С душой обновленной
Ты новую жизнь начинай, просветленный,
И новую песнь мы тебе воспоем!

Мефистофель

Слышишь? Дух-малютка
Не лишен рассудка;
Он дает совет разумный:
Кличет к делу, к жизни шумной!
Брось же угол свой,
Где, во мгле сырой,
Стынет кровь и ум смолкает:
Выйди в мир, где жизнь сверкает!
Довольно же играть своей тоскою,
Что рвет, как коршун, грудь твою! Взгляни:
Ты окружен беспечною толпою,
Ты человек такой же, как они.
Впрочем, ведь я не равняю с тобою
Эту толпу, неразумный народ.
Слушай: хоть я не из важных господ,
Все-таки, если ты хочешь со мною
В светлую жизнь веселее вступить, –
Буду усердно тебе я служить,
Я тебе преданным спутником стану

И ни на шаг от тебя не отстану.
Знай, что повсюду помощник я твой,
Стану рабом и покорным слугой.

Фауст

А чем я заплачу за эти попеченья?

Мефистофель

О, нам с тобой еще не близко до того!

Фауст

Нет, нет! Черт – эгоист, нельзя ждать от него,
Чтоб даром стал он делать одолженья.
Ясней условимся, мой друг:
Таких держать опасно слуг.

Мефистофель

Я буду верным здесь тебе слугою,
Твоим веленьям подчинен вполне;
Когда же там мы встретимся с тобою,

Ты отплатить обязан тем же мне.

Фауст

Что будет там – о том мне нет заботы;
Когда разрушишь этот свет легко ты –
Пускай себе иной возникнет свет!
Здесь, на земле, живут мои стремленья,
Под солнцем, здесь мои мученья;
Когда ж придет последнее мгновенье –
Мне до того, что будет, дела нет.
Зачем мне знать о тех, кто там, в эфире, –
Бывает ли любовь и ненависть у них,
И есть ли там, в мирах чужих,
И низ и верх, как в этом мире!

Мефистофель

Что ж, если так – условься же смелей,
И я тебя немедля позабавлю
Своим искусством! Я тебе доставлю,

Чего еще никто не ведал из людей!

Фауст

Что дашь ты, жалкий бес, какие наслажденья?
Дух человеческий и гордые стремленья
Таким, как ты, возможно ли понять?
Ты пищу дашь, не дав мне насыщенья;
Дашь золото, которое опять,
Как ртуть, из рук проворно убегает;
Игру, где выигрыш вовеки не бывает;
Дашь женщину, чтоб на груди моей
Она к другому взоры обращала;
Дашь славу, чтоб чрез десять дней,
Как метеор, она пропала, –
Плоды, гниющие в тот миг, когда их рвут,
И дерево в цвету на несколько минут!

Мефистофель

Ну, это для меня пустое!
Легко б я надавать таких сокровищ

мог;

Но, может быть, захочешь ты, дружок,

Со временем вкусить и что-нибудь другое.

Фауст

Когда на ложе сна в довольстве и покое

Я упаду, тогда настал мой срок!

Когда ты льстить мне лживо станешь

И буду я собой доволен сам,

Восторгом чувственным когда меня обманешь,

Тогда – конец! Довольно спорить нам!

Вот мой заклад!

Мефистофель

Идет!

Фауст

Ну, по рукам!

Когда воскликну я: «Мгновенье,

Прекрасно ты, продлись, постой!» –
Тогда готовь мне цепь плененья,
Земля, разверзнись подо мной!
Твою неволю разрешая,
Пусть смерти зов услышу я –
И станет стрелка часовая,
И время минет для меня!

Мефистофель

Я буду помнить все; рискуешь ты, не скрою.
Подумай же.

Фауст

Свободен ты во всем.
Поверь, я не кичусь собою;
Тебе ль, другому ли – рабом
Готов я быть, когда того я стою.

Мефистофель

Итак, пируйте ж, доктор, на досуге,
А я сегодня же исполню роль прислуги!

Еще одно: неверен жизни срок;
Могу ль у вас просить я пару строк?

Фауст

Расписку? Вот педант! Тебе ли видеть ново,
Что значит человек и данное им слово?
То, что сказал я, власть тебе дает
Над всей земною жизнию моею;
Весь мир меняется, несется все вперед,
А я – нарушить клятву не посмею?
Что делать: рождены мы с глупостью такой!
Кто от нее избавиться сумеет?
Блажен, кто верен, чист душой:
Он жертвовать ничем не пожалеет.
Но лист пергамента с печатями на нем –
Вот призрак, всех пугающий, к несчастью.
Мы слову смолкнуть на пере даем,
А воск и кожу – одаряем властью!

Итак, чего ж ты хочешь, бес? Ответь!
Пергамент ли, бумагу, мрамор, медь –
Решай же, выбирай свободно!
Перо ли взять, резец иль грифель? Что еще?

Мефистофель

Как ты словами сыплешь горячо!
Без них уладим дело превосходно.
Любой листок лишь взять решись
И каплей крови подпишись.

Фауст

Изволь, уж если так тебе угодно.
Итак, обряд нелепый, совершись!

Мефистофель

Кровь – сок совсем особенного свойства.

Фауст

Но только чтоб ни тени беспокойства

За мой залог; я сам стремлюсь, поверь,
Всей силою к тому, что обещал теперь!
Собой напрасно слишком я кичился;
Мое достоинство лишь твоему равно.
Великий дух презреть меня решился,
И тайн природы знать мне не дано.
Теперь конец всему: порвалась нить мышленья;
К науке я давно исполнен отвращенья,
Тушить страстей своих пожар
В восторгах чувственных я буду
И под густой завесой чар
Готов ко всякому я чуду!
Я кинусь в шумный времени поток,
В игру случайностей, куда забросит рок,
И пусть страданье и отрада,
И пусть удача и досада
Причудливой промчатся чередой;
Кто хочет действовать – тот позабудь покой!

Мефистофель

Не будет вам ни в чем ни меры, ни преграды;
Чем ни захочется полакомиться вам –
Все смело на лету хватайте здесь и там,
Что послужить вам может для отрады!
Не надо лишь робеть и выбор свой стеснять.

Фауст

Не радостей я жду, прошу тебя понять!
Я брошусь в вихрь мучительной отрады.
Влюбленной злобы, сладостной досады;
Мой дух, от жажды знанья исцелен,
Откроется всем горестям отныне:
Что человечеству дано в его судьбине,
Все испытать, изведать должен он!
Я обниму в своем духовном взоре

Всю высоту его, всю глубину;
Все счастье человечества, все горе –
Все соберу я в грудь свою одну,
До широты его свой кругозор раздвину
И с ним в конце концов я разобьюсь и сгину!

Мефистофель

Старался разжевать я смысл борьбы земной
Немало тысяч лет. Поверь ты мне, мой милый:
Никто еще, с пеленок до могилы,
Не переваривал закваски вековой.
Весь этот свет, все мирозданье –
Для бога лишь сотворены;
Себе он выбрал вечное сиянье,
Мы в вечный мрак погружены;
А вы – то день, то ночь испытывать должны.

Фауст

Но я хочу!

Мефистофель

Я понимаю это;
Боюсь я за одно, в одном лишь мой протест:
Ars longa, vita brevis est[1].
Позвольте вам сказать словцо совета:
Коль уж на то пошло, сыщите вы поэта, –
Пусть мыслью в небе он парит
И все возвышенное света
В особе вашей пусть осуществит:
Отвагу пламенную львов,
Оленя быстроту,
Испанца огненную кровь,
Норвежца прямоту.
Пускай найдет он тайное искусство
С коварством согласить возвышенное

[1] Сноски: 1
Искусство вечно, жизнь коротка *(лат.).*

чувство,

По плану вам составить идеал,

По плану вас влюбить не затруднится;

Ну, словом, если б мог тот идеал явиться,

Ему б я имя Микрокосма дал.

Фауст

Что ж значу я, коль не достигну цели,

Венца, к которому стремится род людской,

К которому и сам стремлюсь я всей душой?

Мефистофель

Ты значишь то, что ты на самом деле.

Надень парик с мильонами кудрей,

Стань на ходули, но в душе своей

Ты будешь все таким, каков ты в самом деле.

Фауст

Да, вижу, что напрасно я собрал
Сокровища познания людского;
Не нахожу в себе я силы снова,
Когда свести я счеты пожелал;
Ни на волос не выше я, не ниже
И к бесконечному не ближе.

Мефистофель

Привык смотреть на вещи ты, мой друг,
Как все на них вы смотрите; а надо
Умней, толковей тратить свой досуг,
Пока доступна жизни вся отрада.
Тьфу, пропасть! Руки, ноги, голова
И зад – твои ведь, без сомненья?
А чем же меньше все мои права
На то, что служит мне предметом наслажденья?
Когда куплю я шесть коней лихих,
То все их силы – не мои ли?

Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были!
Итак, смелей! Раздумье все – долой,
И прямо в шумный мир за мной
Спеши, надеждой окрыленный!
Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойденный,
А вкруг цветет роскошный луг зеленый!

Фауст

С чего ж начать?

Мефистофель

Уйти скорей.
Что делать нам в тюрьме твоей?
Что здесь за жизнь? Тоской да пустяками
Морить себя с учениками?
Оставь соседу эту честь.

Толочь ли воду ты желаешь?

Все лучшие слова, какие только знаешь,

Мальчишкам ты не можешь преподнесть.

Да вот один идет уж в коридоре.

Фауст

Я не могу его принять.

Мефистофель

Нельзя же так его прогнать:

Бедняжка долго ждал, он будет в страшном горе.

Твой плащ да шапочку на время я возьму;

Как раз к лицу мне быть в таком уборе!

(Переодевается.)

Ты остроумию доверься моему –

Всего лишь четверть часика мне нужно, –

А сам иди да в путь сготовься дружно.

Фауст уходит.

Мефистофель

(один, в длинной одежде Фауста)

Лишь презирай свой ум да знанья светлый луч –
Все высшее, чем человек могуч;
Пусть с чародейскою забавой
Тебя освоит дух лукавый, –
Тогда ты мой без дальних слов!
Ему душа дана судьбою,
Стремящаяся вдаль, не вынося оков;
В своем стремленье пылкою душою
Земные радости он презирать готов.
Он должен в шумный мир отныне погрузиться:
Его ничтожеством томим,
Он будет рваться, жаждать, биться,
И призрак пищи перед ним
Над ненасытною главою будет виться;
Напрасно он покоя будет ждать.
И даже, не успей он душу мне продать,

Сам по себе он должен провалиться.

Входит ученик.

Ученик

Я только что приехал по делам,
И вот, исполнен преданности к вам,
Я утруждать решаюсь посещеньем
Того, о ком все говорят с почтеньем.

Мефистофель

Учтивость ваша делает вам честь:
Таких, как я, немало, впрочем, есть.
Вам приходилось где-нибудь учиться?

Ученик

Я прямо к вам намерен обратиться!
От всей души стараться я готов;
И деньги есть, и телом я здоров.
Меня пускать мать долго не хотела,
Да слишком мной охота овладела
Узнать побольше дельного у вас.

Мефистофель

О, если так – на месте вы как раз.

Ученик

Признаться, я б уехал хоть сейчас
Назад: все эти стены, коридоры
Мучительно мои стесняют взоры;
Так неприветлив, тесен этот дом:
Ни зелени, ни деревца кругом!
А в залах, на скамьях – в одно мгновенье
Теряешь сразу ум, и слух, и зренье.

Мефистофель

На все привычка есть, мой юный друг:
Дитя – и то у матери не вдруг
Берет сосец, чтоб присосаться плотно,
Впоследствии ж питается охотно.
А мудрости божественная грудь
Что день, то больше даст вам наслажденья.

Ученик

Всем сердцем я желаю к ней прильнуть;
Но как мои осуществить стремленья?

Мефистофель

Сначала дайте мне ответ:
Какой милей вам факультет?

Ученик

Хочу я быть ученым чрезвычайным,
Приблизиться ко всем земли и неба тайнам –
Обнять желаю, словом, полный круг
Природы всей и всех наук.

Мефистофель

Вы верный путь себе избрали,
Лишь развлекаться не должны.

Ученик

И телом и душой, от сердца глубины
Отдамся я ученью; но нельзя ли
И отдохнуть – гулять по временам,
Хотя бы летом, по воскресным дням?

Мефистофель

Цените время: дни уходят невозвратно!
Но наш порядок даст привычку вам
Распределять занятья аккуратно.
А потому, мой друг, на первый раз,
По мне, полезно было бы для вас
Курс логики пройти: в ее границах
Начнут сейчас дрессировать ваш ум,
Держа его в ежовых рукавицах,
Чтоб тихо он, без лишних дум
И без пустого нетерпенья
Всползал по лестнице мышленья,
Чтоб вкривь и вкось, по всем путям
Он не метался там и сям.

Затем внушат вам ради той же цели,
Что в нашей жизни всюду, даже в том
Для всех понятном и простом,
Что прежде сразу делать вы умели –
Как, например, питье, еда, –
Нужна команда «раз, два, три» всегда.
Так фабрикуют мысли. С этим можно
Сравнить хоть ткацкий, например, станок,
В нем управленье нитью сложно:
То вниз, то вверх снует челнок,
Незримо нити в ткань сольются;
Один толчок – сто петель вьются.
Подобно этому, дружок,
И вас философ поучает:
«Вот это – так, и это – так,
А потому и это – так,
А если первая причина исчезает,
То и второму не бывать никак».
Ученики пред ним благоговеют,
Но ткань соткать из нитей не сумеют.

Иль вот: живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нем познанье получить, –
Ученый прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!
Encheiresin naturae[2] *именует*
Все это химия: сама того не чует,
Что над собой смеется.

Ученик

Виноват:
Неясно это мне.

Мефистофель

О, все пойдет на лад:
В редукцию лишь надо вникнуть,
К классификации привыкнуть.

---

[2] Сноски: 2
Способ действия природы *(гр., лат.).*

Ученик

Все дико мне! В мозгу моем
Все завертелось колесом.

Мефистофель

Затем, первей всего, займетесь неизбежно
Вы метафизикой: учитесь ей прилежно;
Глубокомысленно трудясь,
Вместить старайтесь то, что отродясь
В мозг человеческий не входит;
Вместите ль, нет ли – не беда:
Словечко громкое всегда
Из затрудненья вас выводит!
Но в первые полгода, милый друг,
Порядок вам нужнее всех наук;
Вам в день занятий пять часов нормально:
С утра к звонку являйтесь пунктуально!

Старайтесь раньше дома протвердить
Параграф, чтобы в классе проследить,
Что вам твердит учитель, слово в слово,
Лишь то, что в книге, – ничего другого,
И так старательно пишите все в журнал,
Как будто б дух святой вам диктовал.
Об этом мне напоминать не надо!
Сам знаю я, какая в том отрада.
Спокойно мы домой тетрадь несем:
Топор не вырубит, что писано пером.

Мефистофель

Так изберите ж факультет.

Ученик

К юриспруденции не чувствую влеченья.

Мефистофель

Что ж, не во вред вам это отвращенье:
По правде, в ней большого проку нет.

Законы и права, наследное именье,
Как старую болезнь, с собой
Несет одно другому поколенье,
Одна страна – стране другой.
Безумством мудрость станет, злом – благое:
Терпи за то, что ты не дед!
А право новое, родное –
О нем – увы! и речи нет!

Ученик

К ней утвердили вы мое презренье.
Блажен, кому вы можете помочь!
Я богословие избрать теперь не прочь.

Мефистофель

Не стану вас вводить я в заблужденье,
Мой юный друг. В науке сей
Легко с дороги сбиться: все в ней ложно;
Так яду скрытого разлито много в ней,
Что с пользой различить его едва ли

можно.

И здесь учителя вы слушать одного

Должны и клясться за слова его.

И вообще: держитесь слова

Во всем покрепче, каждый раз!

Тогда дорога верная для вас

В храм несомненности готова.

Ученик

Но ведь понятия в словах должны же быть?

Мефистофель

Прекрасно, но о том не надо так крушиться:

Коль скоро недочет в понятиях случится,

Их можно словом заменить.

Словами диспуты ведутся,

Из слов системы создаются;

Словам должны вы доверять:

В словах нельзя ни йоты изменять.

Ученик

Простите, вам наскучил я; но снова
Решусь я вас вопросом утруждать:
Нельзя ли будет мне узнать
О медицине ваше слово?
Три года – много ли? А время ведь не ждет,
И – бог мой! – мудрости так необъятно поле!
Когда указан путь, тогда гораздо боле
Почувствуешь себя подвинутым вперед.

Мефистофель

(в сторону)

Ну, речь педантская порядком мне приелась:
Мне сатаной опять явиться захотелось.

(Вслух.)

Дух медицины всяк легко поймет!

Большой и малый свет вам изучать придется,
А там – пускай все остается,
Как бог пошлет.
В науке здесь парить не надо через меру:
Все учатся кой-как, по мере сил;
А кто мгновенье уловил,
Тот мигом делает карьеру.
Притом же вы недурно сложены,
А стало быть, робеть лишь не должны:
Кто верить сам в себя умеет,
Тот и других доверьем овладеет,
И вот – ему успехи суждены.
Особенно ж всегда умейте к дамам
Подделаться: их вечный «ох» да «ах»
Во всех его бесчисленных тонах
Лечите все одним, все тем же самым;
Тут стоит такта чуточку иметь –
И, смотришь, все попались в вашу сеть.
Ваш титул им внушит тот вывод ясный,

Что вы – искусник редкостный, прекрасный,

Каких на свете мало есть; а там –

Вы сразу приметесь за всяческие штучки,

Которых ждут иные по годам;

Пожмете нежно пульс прелестной ручки

И, пламя хитрое придав своим глазам,

Изящный стан вы обовьете ловко:

Уж не тесна ли, мол, у вас шнуровка?

Ученик

Вот это лучше, видно – как и где.

Мефистофель

Суха, мой друг, теория везде,

А древо жизни пышно зеленеет!

Ученик

Клянусь, теперь брожу я как во сне!

Еще разок прийти нельзя ли мне?

Никто учить так мудро не умеет!

Мефистофель

Чем я могу, служить всегда готов.

Ученик

Нельзя ж мне так уйти от вас! Позвольте

Просить вас написать в альбом мне пару слов

В знак вашей благосклонности!

Мефистофель

Извольте!

(Пишет и возвращает ученику альбом.)

Ученик

(читает)

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum[3].

(Почтительно закрывает альбом и отклани-

---

[3] Сноски: 3
И будете, как бог, знать добро и зло *(лат.).*

вается.)

Мефистофель

Следуй лишь этим словам да змее, моей тетке,
покорно:
Божье подобье свое растеряешь ты, друг мой,
бесспорно!

Фауст

(входя)

Куда ж теперь?

Мефистофель

Куда стремишься ты душой.
Сначала в малый свет, потом в большой.
С каким весельем, друг ты мой любезный,
Ты просмакуешь этот курс полезный!

Фауст

Ну нет, я – с этой длинной бородой –
Далек от жизни легкой, молодой.
Не верю я в попытку эту,
Притом всегда я чужд был свету;
Я ниже всех себе кажусь,
Всегда стесняюсь и стыжусь.

Мефистофель

Уменье жить придет само собою;
Лишь верь в себя, так жизнь возьмешь ты с бою!

Фауст

Но как же нам пуститься в путь?
Где экипаж, где кони, слуги?

Мефистофель

Мне стоит плащ мой развернуть –
И мы взовьемся легче вьюги.
Но на полет отважный свой

Ты не бери узлов с собой;

Вот я дыханьем огненным повею,

И мы поднимемся с поверхности земной:

Чем легче, тем скорей помчишься ты со мной.

Ну-с, с новой жизнью вас поздравить честь имею!

Сцена пятая
Погреб Ауэрбаха в Лейпциге

Компания гуляк.

Фрош

Никто не пьет! И смеха нет ни в ком!
Эх, проучить бы вас за эти рожи!
Сегодня вы – что мокрые рогожи.
А ведь могли б быть парни с огоньком!

Брандер

Ты виноват – кого ж винить другого?
Ни глупости, ни свинства никакого!

Фрош

(выливая ему на голову стакан вина)

Так получи сполна!

Брандер

Свиньей свинья!

Фрош

Ты сам просил – исполнил я.

Зибель

Кто ссорится, тех вон! Их нам не нужно!
Знай пойте, пейте да ревите дружно:
«Гоп, голла, го!»

Альтмайер

Пропали мы, беда!
Где вата? Уши мне он раздерет! Ужасно!

Зибель

Когда трясутся своды, лишь тогда
Вся сила баса чувствуется ясно!

Фрош

Идет! А кто перечит, тех – за дверь!
Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Альтмайер

Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Фрош

Ну, глотки все настроены теперь!

(Поет.)

Святой, высокий римский трон,
Как до сих пор не рухнет он?

Брандер

Дрянная песня, тьфу, политикой звучит!
Создателя благодарите смело,
Что римский трон блюсти не ваше дело!
Конечно, уж судьба ко мне благоволит,
Что быть мне канцлером иль князем не велит.
Но старшину иметь не худо и меж нами:
Так изберем мы папу сами.

Известно вам, какой чертой
Решается избранье в сан святой?

Фрош

(поет)

Взвейся, подымися к небу, соловей,
Сто раз поклонися милой ты моей!

Зибель

Поклона милой нет – и чтоб о том ни слова!

Фрош

Поклон и поцелуй – стою на этом снова!

(Поет.)

Прочь замок! – в тиши ночной –
Прочь замок! – ждет милый твой;
Щелк замок! – горит восток.

Зибель

Ну ладно, величай да песнями воспой!

Тебя же осмеют, а никого другого:

Как провела меня, так проведет любого.

Пускай с ней встретится влюбленный домовой,

На перекрестке пусть ей отведет он очи!

Пусть в полночь с Блоксберга несущийся домой

Проблеет ей козел спокойной ночи!

Чтоб парень спину гнул пред ней –

Нет, много чести будет ей!

Повыбить окна ей: вот это

Я одобряю для привета!

Брандер

(ударяя кулаком по столу)

Молчать! Молчать! Послушайте меня!

Я, как известно, жить умею!
Ведь здесь влюбленных целая семья –
И всем доставить по порядку я
Им кое-что приятное имею.
На новый песенка покрой:
Вы петь припев должны за мной!

(Поет.)

Раз крыса в погребе жила,
Все ела жир да сало;
Как доктор Лютер, завела
Брюшко и бед не знала.
Но повар яду ей подлил –
И крысе белый свет постыл:
Ужель она влюбилась?

Хор

(весело)

Ужель она влюбилась?

Брандер

Бежит назад, бежит вперед,

Везде грызет и гложет;
Во всякой грязной луже пьет,
А боль унять не может.
Бедняга скачет там и тут,
Но скоро ей пришел капут:
Ужель она влюбилась?

Хор

Ужель она влюбилась?

Брандер

Средь бела дня она в пылу
Вбежала в кухню, села
В предсмертных корчах на полу
И жалобно пыхтела.
А повар злой, смеясь, твердит:
Ага! Со всех концов свистит –
Ужель она влюбилась?»

Хор

Ужель она влюбилась?

Зибель

Вишь, умники! Нашли себе отраду!
Как будто нет и подвига славней,
Чем дать бедняжке крысе яду!

Брандер

Давно ли крысы в милости твоей?

Альтмайер

Эх ты, пузан с башкою лысой!
В несчастье тих и кроток он:
Сравнил себя с распухшей крысой –
И полным сходством поражен.

Входят Фауст и Мефистофель.

Мефистофель

(Фаусту)

Тебя ввожу я с первого же шага
В веселый круг. Вот буйная ватага:
Взгляни, как жить возможно без за-

бот!

Для них – что день, то праздник настает.

С плохим умом, с большим весельем в мире

Ребята скачут в танце круговом,

Точь-в-точь котята за хвостом.

Им только б был кредит в трактире

Да не трещала б голова –

Так все на свете трын-трава!

Брандер

Душа моя приезжих сразу чует:

В них по манерам я чужих узнал сейчас;

Они и двух часов не пробыли у нас.

Фрош

Ты прав! Ни перед кем наш Лейпциг не спасует:

Как маленький Париж, он свой народ шлифует.

Зибель

Ты их откуда же считаешь, из каких?

Фрош

Уж предоставьте мне! Я только им поставлю
Бутылочку винца, так без труда я их
Всю подноготную поведать нам заставлю.
Они, должно быть, не простые, брат:
Недаром зло и гордо так глядят.

Брандер

Знать, шарлатаны, черт их подери!

Альтмайер

Должно быть, так.

Фрош

Так надо к ним придраться.

Мефистофель

(Фаусту)

Народец! Черт меж них, а им не догадаться:
Хоть прямо их за шиворот бери.

Фауст

Поклон вам, господа!

Зибель

Спасибо за поклон.

(Взглянув искоса на Мефистофеля, в сторону.)

Но отчего прихрамывает он?

Мефистофель

Присесть к столу прошу я позволенья.
Хорошего вина здесь получить нельзя,
Так мы найдем в беседе наслажденье.

Альтмайер

Вы избалованы порядком, вижу я.

Фрош

Вы в Риппахе вчера, должно быть, ночевали?

И ужинали вы у Ганса-дурачка?

Мефистофель

Нет, нынче мы пришли издалека,

Но прошлый раз мы долго с ним болтали,

Нам говорил он много о родне:

Ей снесть поклон приказывал он мне.

(Кланяется Фрошу.)

Альтмайер

(тихо)

Что, съел?

Зибель

Да, это парень не простой.

Фрош

Еще его поддену я, постой!

Мефистофель

Входя сюда, мы слышали сейчас,
Как стройно вы здесь хором песни пели.
Здесь голоса должны звучать: как раз
Хорош высокий свод для этой цели.

Фрош

Вы, верно, сами музыкант?

Мефистофель

Охота есть, да невелик талант.

Альтмайер

Что ж, спойте песню нам.

Мефистофель

Хоть сто, когда хотите.

Зибель

С условием одним, что новую дадите.

Мефистофель

О да! В Испании мы были, а она –
Известно – родина и песни и вина!

(Поет.)

Жил-был король когда-то.
Имел блоху-дружка...

Фрош

Вы слышите – блоху! Понятно ли для вас?
Блоха – вот славный гость у нас!

Мефистофель

(поет)

Жил-был король когда-то,
Имел блоху-дружка;
Берег блоху, как злато,
Лелеял, как сынка.
Вот шлет король к портному, –
Портной пришел сейчас.
«Сшей плащ дружку родному
Да брюки в самый раз».

Брандер

Да вы бы подтвердить портному не забыли,
Чтобы с бедняжки снял он мерку поверней
И чтоб, коль дорожит он головой своей,
Без складок и морщин штанишки сшиты были!

Мефистофель

(поет)

И в шелк и в бархат чудный
Блоха наряжена
И носит крест нагрудный,
На ленте ордена.
Блоха министром стала.
Блестит на ней звезда!
Родня ее попала
В большие господа.
Блоха, дав волю гневу,
Всех жалит с этих пор:
Вельмож, и королеву,
И фрейлин, и весь двор.
Никто не смей чесаться,
Хоть жалит всех наглец!
А мы – посмей кусаться, –
Прищелкнем – и конец!

Хор

(весело)

А мы – посмей кусаться, –
Прищелкнем – и конец!

Фрош

Bis, bravo, bis! Что за припев лихой!

Зибель

Да будет так со всякою блохой!

Брандер

На ноготь лишь ее – и нет блохе исхода.

Альтмайер

Да здравствует вино! Да здравствует свобода!

Мефистофель

Я в честь свободы рад бы выпить сам,

Когда бы вин получше дали нам.

Зибель

Опять! Не нравится нам речь такого рода!

Мефистофель

Хозяина боюсь обидеть я,
А то бы мы гостям почтенным удружили:
Свой погреб мы бы вам охотно предложили.

Зибель

Сюда его, сюда! Беру все на себя!

Фрош

Что ж, выпить мы не прочь. Смотрите только, чтобы
Не слишком мелки были ваши пробы:
Мне, чтоб о винах правильно судить,
Немало надо в глотку пропустить.

Альтмайер

(тихо)

А! гости с Рейна перед нами!

Мефистофель

Достаньте мне бурав.

Брандер

На что бурав-то вам?
У вас не бочка за дверями?

Альтмайер

Вон ящик на столе: бурав найдется там.

Мефистофель

(взяв бурав, Фрошу)

Какого же вина отведать вам угодно?

Фрош

Что за вопрос? Иль много их у вас?

Мефистофель

Чего желает кто, всяк выбирай свободно.

Альтмайер

(Фрошу)

А ты уж губы стал облизывать сейчас!

Фрош

Что ж, если так, рейнвейну наливайте:
Я предпочту всему отечества дары.

Мефистофель

(буравя на краю стола перед Фрошем)

Нельзя ли воску для дыры?

Альтмайер

Ах, это фокусы! Вы нас не надувайте!

Мефистофель

(Брандеру)

А вам?

Брандер

Шампанское вино!

Чтоб било в потолок оно!

Мефистофель буравит, один из гостей сделал тем временем восковые пробки и затыкает отверстия.

Дары мы примем чужеземцев:

И вдалеке добро бывает рождено;

Хотя французы не родня для кровных немцев,

Но с радостью мы пьем французское вино.

Зибель

(видя, что Мефистофель приближается к нему)

Я кислых вин, признаться, не любитель.
Чего-нибудь послаще не дадите ль?

Мефистофель

(буравит)

Токайского предложим вам тогда.

Альтмайер

Нет, нет! Взгляните-ка в глаза мне, господа:
Я вижу, вы смеетесь лишь над нами.

Мефистофель

Ай-ай, как смеем мы? С такими господами
Опасно было бы шутить.
Ну, поскорей решайте сами,

Каким вином могу служить?

Альтмайер

Любым, чтоб слов не тратить с вами.

Все отверстия провернуты и заткнуты восковыми пробками.

Мефистофель

(делая странные жесты)

Нам виноград лоза дала,
На лбу рога есть у козла,
Вино на древе рождено,
Стол деревянный даст вино.
В природу вникните верней:
Поверьте, чудо скрыто в ней!
Ну, пробки прочь – и пейте живо!

Все

(вынимают пробки, требуемое вино льется в стаканы)

О чудный ключ! Какое диво!

Мефистофель

Но берегись, ни капли не пролей!

Они пьют еще раз.

Все

(поют)

По-каннибальски любо нам,
Как в луже свиньям пятистам!

Мефистофель

Народ свободен стал: любуйтесь на него!

Фауст

Мне кажется, что нам пора бы удалиться.

Мефистофель

Постой, должно еще все их скотство
Во всей красе пред нами проявиться.

Зибель пьет неосторожно, вино льется на землю и вспыхивает.

Зибель

Огонь! Спасите! Ад! Мы все сгорим сейчас!

Мефистофель

(заговаривая огонь)

Смирись, мне верная стихия!

(Всем.)

Огонь чистилища был тих на этот раз.

Зибель

Что это? Берегись! За шуточки такие
Ответить можешь ты! Не знаешь, видно, нас!

Фрош

Посмей-ка повторить дурачество такое!

Альтмайер

Пусть убирается, оставив нас в покое.

Зибель

Нет, как вы смели? Как вам в ум взбрело
Творить здесь фокусы? Что это за игрушки?

Мефистофель

Цыц, бочка!

Зибель

Сам ты помело!
Ты хочешь, чтоб до кулаков дошло?

Брандер

Смотри! Еще дождемся колотушек!

Альтмайер вынимает пробку из стола; на него вылетает огонь.

Альтмайер

Пожар! Горю!

Зибель

Да это колдовство!
За голову его награда! Режь его!

Вынимают ножи и бросаются на Мефистофеля.

Мефистофель

(с важным видом)

Ум, смутися по словам!
Ложный вид, предстань очам!
Будьте здесь и будьте там!

Все останавливаются в изумлении, глядя друг на друга.

Альтмайер

Где я и что со мной? Ах, что за сад прелестный!

Фрош

Что вижу я? Лоза!

Зибель

И виноград чудесный!

Брандер

Взгляните, что за куст густой!
И что за гроздья! Боже мой!

Брандер хватает Зибеля за нос. Другие делают то же и поднимают ножи.

Мефистофель

(по-прежнему)

Спади с очей, повязка заблужденья!
И помните, как дьявол пошутил!

(Исчезает с Фаустом.)

Приятели выпускают друг друга.

Зибель

Что?

Альтмайер

Как?

Фрош

Так это нос твой был?

Брандер

(Зибелю)

А я за твой схватился? Наваждень!

Альтмайер

Каков удар! Всего меня потряс!
Подайте стул, я упаду сейчас.

Фрош

Но что же было тут, я спрашиваю вас?

Зибель

Где этот молодец? Ну, встреться в одиночку
Мне где-нибудь, так жив не будет он!

Альтмайер

Я видел сам, как он вскочил на бочку
И вмиг на ней верхом умчался вон.
В ногах свинец: со мной недоброе творится.

(Оборачиваясь к столу.)

Я думаю, вино могло б еще политься?

Зибель

Все было тут обман, предательство и ложь.

Фрош

А тем не менее мне кажется, что все ж
Я пил вино.

Брандер

А как же гроздья эти?

Альтмайер

Пусть говорят теперь, что нет чудес на свете!

Сцена шестая
Кухня ведьмы

На низком очаге на огне стоит большой котел. В паре, поднимающемся кверху, виднеются различные образы. Мартышка-самка сидит у котла, снимает пену и смотрит, чтобы котел не перекипел. Мартышка-самец с детенышами сидит подле и греется. Стены и потолок увешаны причудливой утварью ведьмы.

Фауст и Мефистофель.

Фауст

К бессмысленным их чарам отвращенье
Питаю я: найдется ль исцеленье
Здесь, в этой тьме безумства, для меня?
Я не хочу советов старой бабы!
Но, может быть, дрянная пачкотня
Лет тридцать с плеч моих долой сняла бы?

Нет, мир надежды для меня потух:
Беда, коль не найдешь другого мне леченья.
Ужель природа и могучий Дух
Нам не дадут бальзама возрожденья?

Мефистофель

Мой друг, ты говоришь умно:
Природное есть средство стать моложе;
Жаль, не про нас лишь писано оно,
Да и довольно странно тоже.

Фауст

Я знать хочу его скорей!

Мефистофель

Изволь, вот средство возрожденья
Без чар, без денег, без леченья:
Уединись в глуши полей,
Руби, копай, потей за плугом
И ограничить тесным кругом

Себя и ум свой не жалей;
Питайся просто в скромной доле,
Живи, как скот, среди скотов
И там, где жал ты, будь готов
Сам удобрять навозом поле.
Поверь мне: в этом весь секрет
Помолодеть хоть в восемьдесят лет.

Фауст

Но не привык я к плугу и лопате,
За них мне взяться было бы некстати;
Нет, жалкая мне жизнь не суждена!

Мефистофель

Так ведьма, стало быть, нужна.

Фауст

К чему тут баба – непонятно!
Свари напиток сам, без лишних слов.

Мефистофель

Да! Вот бы время я провел приятно!

Уж лучше выстрою я тысячу мостов.

Здесь мало знанья и уменья;

Здесь нужно, друг, немало и терпенья.

Корпеть пришлось бы тут немало лет:

Ведь раньше времени броженью ходу нет.

Чего-чего тут нет в бродилах,

И надо знать уловок тьму!

Хоть черт и учит их всему,

А сам все сделать он не в силах.

(Показывая на зверей.)

Не правда ль, миленький народ?

Вот вам слуга, служанка – вот!

(Зверям.)

А что, хозяйка улетела?

Звери

Она поела,

В трубу взвилась

И унеслась.

Мефистофель

А долго ли она там реет?

Звери

Пока огонь нам лапы греет.

Мефистофель

(Фаусту)

Как ты находишь, – хороши?

Фауст

Нет слов сказать, насколько гадки.

Мефистофель

А мне так нравятся их речи и повадки;
Беседу их люблю я от души.

(Зверям.)

Ну, куклы чертовы, скажите,
Что тут за варево? Над чем вы ворожите?

Звери

Для нищих жидкий суп кипит!

Мефистофель

На этот раз
Немало будет публики у вас.

Самец

(подползая и ласкаясь к Мефистофелю)

Разочек сыграй
Со мной и дай
Набиться карману!
Без денег – шабаш,
А денег мне дашь –
Я умником стану!

Мефистофель

Тварь эта с радости совсем бы очумела,
Когда б она в лото играть умела.

Детеныш, играя большим шаром, катит его.

Самец

Вот мир летит,
Спешит, бежит,
Крутясь в пустыне.
Стеклянный звон,
Как хрупок он!
Пустой в средине,
Он тут блестит,
А там горит.
Я жив доныне!
Дитя, мой друг,
Пусти из рук,
Не то умрешь ты.
Здесь глина: стук –
И разобьешь ты.

Мефистофель

Что в решете у вас?

Самец

(доставая решето)

Случись тут вор у нас,
Могли б его узнать мы.

(Бежит к самке и дает ей взглянуть в решето.)

Взгляни-ка в решето:
Вор виден нам, но кто –
Посмеем ли сказать мы?

Мефистофель

А что за польза вам от этого горшка?

(Приближается к огню.)

Самец и самка

Пустая башка!
Не понял горшка,
Котла не поймет он!

Мефистофель

Невежа ты, зверь!

Самец

Присел бы теперь
Ты с веником: вот он.

(Заставляет Мефистофеля сесть.)

Фауст

(который тем временем глядел в зеркало, то приближаясь, то удаляясь)

Что вижу я! Чудесное виденье
В волшебном зеркале мелькает все ясней!
О, дай, любовь, мне крылья и в мгновенье
Снеси меня туда, поближе к ней!
О, если б был не в комнате я тесной,
О, если б мог лететь к богине той!
Но нет, она полузакрыта мглой…
О дивный образ красоты телесной!
Возможна ли подобная краса?
Возможно ли, чтоб в прелести чудесной

Вмещалися все неба чудеса?
Найдется ль чудо на земле такое?

Мефистофель

Понятно: шесть ведь дней трудился наш творец
И «браво» сам себе промолвил наконец, –
Так, верно, что-нибудь да вышло же благое.
Теперь любуйся тем, что видишь пред собой.
А там найду тебе подобное созданье,
И счастлив тот, кому дано судьбой
Сокровищем подобным обладанье.

Фауст все смотрит в зеркало. Мефистофель, потягиваясь и играя веником, продолжает говорить.

Сижу, как царь, на возвышенье трона
Со скипетром в руках; нужна еще корона.

Звери

(делавшие до этого разные странные движения, с громкими криками приносят Мефистофелю корону)

Корону ты склей:
Пот нужен для ней
И кровь со слезами.

(Они неловко обращаются с короной, ломают ее пополам и прыгают кругом с ее кусками.)

Свершилось! Мы зрим,
Мы слышим, кричим,
И даже стихами.

Фауст

(перед зеркалом)

Ах, я с ума сойду!

Мефистофель

(указывая на зверей)

Увы, на этот раз
И у меня башка кружиться начинает.

Звери

И даже подчас
Бывает, что нас
И мысль осеняет.

Фауст

(как выше)

Я весь горю, нет больше сил моих!
Нельзя ли нам отсюда удалиться?

Мефистофель

(в том же положении)

По крайней мере надо согласиться,
Что откровенная поэзия у них.

Котел, оставленный самкой без присмотра, начинает перекипать; возникает большое пламя,

бьющее в трубу. Ведьма прилетает в этом огне со страшным воплем.

Ведьма

Ай-ай-ай-ай! Вот всех вас я!
Проклятый зверь, свиньей свинья!
Проспал котел! Обжег меня!
Вот всех вас я!

(Замечая Фауста и Мефистофеля.)

Что вижу я!
Зачем вы к нам?
Что нужно вам?
Вот я вам дам:
Сожгу я вас
Огнем сейчас!

(Черпает ложкой из котла и брызжет на всех огнем.)

Звери визжат.

Мефистофель

(обернув веник, бьет посуду)

Раз – бью, два – бью!
Котлы свалю,
Стряпню пролью!
Знай, морда: так
Стучу я в такт
Под песнь твою.

Ведьма отступает в ярости и ужасе.

Ну что, костлявая? Теперь узнала ты?
Узнала, пугало, царя и господина?
Махну рукой – и все твои скоты
И ты сама – все прахом, образина!
Не уважаешь красный мой камзол?
Петушьего пера узнать не можешь?
Иль я, закрыв лицо, сюда пришел?
Что ж, самому назваться мне предложишь?

Ведьма

Простите, сударь, мне за грубый мой привет!

Но конского при вас копыта нет,
И вороны куда, скажите мне, девались?

Мефистофель

На этот раз уж пусть тебе сошло!
С тех пор воды немало утекло,
Как мы с тобой в последний раз видались.
Цивилизация велит идти вперед;
Теперь прогресс с собой и черта двинул.
Про призрак северный забыл везде народ,
И, видишь, я рога, и хвост, и когти кинул.
Хоть ногу конскую иметь я должен все ж,
Но с нею в публике являться не желаю
И вот в фальшивых икрах щеголяю,
Как франтовская молодежь.

Ведьма

(пляшет)

Ах, голова пошла от радости кругом!
Голубчик сатана, вы снова здесь со мною!

Мефистофель

Тсс! Не зови меня, старуха, сатаною!

Ведьма

Как? Почему же? Что дурного в том?

Мефистофель

Давно попало в басни это слово!
Что толку, впрочем, от таких затей?
Не меньше стало злых людей,
Хоть и отвергли духа злого.
Теперь мой титул – «господин барон»:
Других не хуже, рыцарь я свободный;
А что я крови благородной –
Так вот мой герб! Хорош ли он?

(Делает неприличный жест.)

Ведьма

(смеясь во все горло)

Ха-ха-ха-ха! Да, это в вашем роде!
Вы все шалун такой же продувной!

Мефистофель

(Фаусту)

Учись, мой друг, и поспевай за мной:
Вот что приятно ведьмам в обиходе.

Ведьма

Чем, господа, служить могу вам я?

Мефистофель

Подай стакан известного питья;
Но только, знаешь, постарее!
Оно что год, то действует сильнее.

Ведьма

Охотно. У меня имеется флакон:

Я лакомлюсь порой сама, когда придется.

Притом нисколько не воняет он.

Для вас стакан-другой всегда найдется.

(Тихо, Мефистофелю.)

Но если чарами ваш друг не защищен,

Ему и часу жить не остается.

Мефистофель

Не бойся: без вреда приятель выпьет мой

Венец стряпни твоей и знанья.

Черти же круг, промолви заклинанья

И влей в стакан напиток чудный твой.

Ведьма со странными жестами чертит круг и ставит в него разные предметы. Стаканы и горшки звенят, издавая музыкальные звуки. Наконец она приносит большую книгу и ставит мартышек вкруг; одна из них держит на спине книгу, другие стоят с факелами. Затем она кивает Фаусту, чтобы он подошел.

Фауст

(Мефистофелю)

К чему, скажи мне, эти представленья?
Чушь глупая, безумные движенья,
Обман и ложь пошлейшие кругом.
Мне этот вздор давно знаком.

Мефистофель

Чудак, ведь это лишь для смеха!
Не будь к старухе слишком строг:
Она ведь тоже врач. Пусть будет ей потеха.
Без этого питье тебе пойдет не впрок.

(Заставляет Фауста войти в круг.)

Ведьма

(напыщенно декламируя по книге)

Пойми: причти
Раз к десяти,

Два опусти,
А три ставь в ряд –
И ты богат.
Четыре сгладь,
А шесть и пять
За семь считать
И восемь раз –
Закон у нас.
Пусть девять в счет
За раз пойдет,
А десять сгладь.
Так ведьма учит умножать!

Фауст

Старуха в лихорадке бредить стала.

Мефистофель

О, это, друг, пока еще начало,
А далее вся книга так гласит!
Понять ее стараться – труд напрасный:
Глупец и умный с толку будет сбит

Противоречий массою ужасной.
Все это и старо и ново! Посмотри
В историю и вспомни: не всегда ли,
Три за одно, одно за три
Считая, люди вздор за правду выдавали?
Так учат зря болтать с начала всех веков –
С глупцами заводить никто не хочет спора,
Да людям редко что и нужно, кроме слов:
Что в них есть мысли, верят без разбора!

Ведьма

(продолжая)

Познанья свет
Для всех секрет,
Для всех без исключенья!
Порою он,
Как дар, сужден

И тем, в ком нет мышленья!

Фауст

Какая чушь! Я убежать готов:
Пожалуй, лопнет голова от вздора.
Я точно слышу песню хора
Ста тысяч круглых дураков!

Мефистофель

Ну, будет, будет, мудрая Сивилла!
Ты лучше бы стаканчик предложила,
Налив его полнее, до краев.
Приятелю он не придется солон:
Недаром ведь все степени прошел он
И много разных делывал глотков.

Ведьма с разными церемониями наливает питье в бокал; когда Фауст подносит его к губам, вылетает легкое пламя.

Живее пей до дна бокал –
И ты мгновенно ободришься.
На «ты» давно ты с чертом стал,
А все еще огня боишься.

Ведьма разрывает круг; Фауст выходит.

Теперь стоять не надо; живо в путь!

Ведьма

Пусть вам глоточек принесет отраду!

Мефистофель

(ведьме)

При случае получишь ты награду;
В Вальпургиеву ночь мне можешь на-
мекнуть.

Ведьма

Вот песенка: чтоб дать всю силу соку,
По временам ее должны вы петь.

Мефистофель

(Фаусту)

Скорей! Иди, а то не будет проку:
Ты непременно должен пропотеть,
Чтоб весь насквозь ты пропитался зе-

льем.

Ты прогуляешься спокойно, без забот –

И вдруг почувствуешь с отрадой и весельем,

Как сладко Купидон играть в тебе начнет.

Фауст

Дай в зеркало мне бросить взор прощальный:

Так был прекрасен образ идеальный!

Мефистофель

Не стоит: наяву увидишь ты

Образчик лучший женской красоты.

(В сторону.)

Да, этим зельем я тебя поддену.

Любую бабу примешь за Елену!

Сцена седьмая
Улица

Фауст. Маргарита проходит.

Фауст

Прекрасной барышне привет!
Я провожу вас, если смею.

Маргарита

Прекрасной барышни здесь нет!
Домой одна дойти сумею.

(Увернувшись, уходит.)

Фауст

Как хороша! Я клятву б дал,
Что в жизнь подобной не видал!
Так добродетельна, скромна –
И не без колкости она.
А взор потупленных очей
Запечатлен в душе моей.

Румяных губ и щечек цвет…
Ах, позабыть его нет сил!
А как суров и краток был
Ее находчивый ответ!
Восторг – и слов тут больше нет!

Входит Мефистофель.

Ты должен мне добыть девчонку непременно.

Мефистофель

Какую?

Фауст

Ту, что только что прошла.

Мефистофель

Как, эту? У попа она сейчас была
И от грехов свободна совершенно:
К исповедальне подойдя,
Отлично все подслушал я.
Она на исповедь напрасно
Пришла: невинна, хоть прекрасна, –

И у меня над нею власти нет.

Фауст

Не меньше ж ей четырнадцати лет?

Мефистофель

Ты говоришь, как сердцеед порочный:
Подай ему сейчас любой цветок!
Он мнит, что нет любви, нет чести прочной,
Которой он похитить бы не мог!
Но не всегда бывает это впрок.

Фауст

Достопочтенный ментор мой, нельзя ли
Меня теперь избавить от морали?
Без лишних слов скажу тебе одно:
Знай, если эту ночь я в неге страстной
Не проведу с малюткою прекрасной,
То в полночь нам с тобой расстаться суждено!

Мефистофель

Подумай, друг: не все же мне подвластно!
Мне надобно не меньше двух недель,
Чтоб достижимой сделать эту цель, –
Сыскать предлог, найти заручку...

Фауст

Будь семь часов спокоен я –
Не надо черта мне в друзья,
Чтоб соблазнить такую штучку!

Мефистофель

Ты судишь как француз, слегка.
Прошу тебя, однако, не сердиться.
К чему так сразу: взять и насладиться?
Утеха, право, тут не велика.
Не лучше ли пойти путем интрижки,
Увлечь ее, водить и так и сяк,
Как учат нас иные книжки?

Фауст

Мой аппетит хорош и так.

Мефистофель

Нет, кроме шуток: лишь впросак
Попасть с горячностью здесь можно.
Здесь надо дело осторожно
Вести – тут сила не возьмет:
Тут хитрый надобен подход.

Фауст

Достань же мне вещицу от бесценной,
Сведи меня в покой ее священный,
Достань платочек мне с ее груди,
Подвязку хоть на память мне найди!

Мефистофель

Ну, если так влюбился ты в девицу –
Смотри, как верно я тебе служу
И каждою минутой дорожу:
Сегодня ж к ней сведу тебя в светлицу.

Фауст

К ней? Ею обладать?

Мефистофель

Ну вот!
Не сразу же! Она уйдет
К соседке; ты ж, в уединенье скромном,
О счастье будущем мечтам отдайся томным.

Фауст

Когда ж? Сейчас?

Мефистофель

Немного попоздней.

Фауст

Так не забудь достать подарок ей!

(Уходит.)

Мефистофель

Как, уж дарить? Недурно для начала!
Успехи делать может он вполне!
Известно много старых кладов мне:
Теперь пора проведать их настала.

Сцена восьмая
Вечер

Маленькая опрятная комната. Маргарита заплетает косу.

Маргарита

Я, право, дорого б дала,
Когда б узнать могла,
Кто этот видный господин!
Должно быть, это дворянин:
Так благородно он глядел
И так уверен был и смел.

(Уходит.)
Мефистофель и Фауст.

Мефистофель

За мной, потише – вот сюда!

Фауст

(после некоторого молчанья)

Я здесь один хочу остаться.

Мефистофель

(оглядывая комнату)

Да!
У девушек так чисто не всегда!

(Выходит.)

Фауст

(осматриваясь кругом)

О милый сумрак, о приют святой,
Привет мой вам! Владей, любви томленье,
Душой моей; питай свое стремленье
Надежды милой сладкою росой!
Как дышит здесь повсюду дух покоя,
Порядком все проникнуто кругом!
Средь бедности довольство здесь какое!

Святой приют! Благословенный дом!

(Бросается в кожаное кресло у постели.)

Прими ж меня, семейный старый трон!

Отцов и дедов нежил ты покоем

В дни радости и горя, окружен

Детей беспечным шумным роем!

Быть может, милая моя в кругу детей,

Горя румянцем щечек, ликовала

И, благодарная за елку, всех нежней

Сухую руку деда целовала.

Твой дух, о дева, надо мной парит,

Дух тихого довольства и порядка;

Устами матери тебе он говорит,

Чтоб чистой скатертью твой стол был устлан гладко,

И учит посыпать, узоры выводя,

Песком весь чистый пол каморки тесной.

О милая рука! Божественность твоя

Из хижины создать способна рай небес-

ный!

А здесь!

(Отдергивает полог кровати.)

Святой меня объемлет страх!
Я не ушел бы, кажется, отсюда!
Лелеяла природа в легких снах
Здесь ангела, и вот – явилось чудо!
Дитя дышало в сладком сне,
И чистой творческою силой
Прекрасный образ в тишине
Расцвел, божественный и милый!..
А я? Сюда что привело меня?
О небо, как глубоко тронут я!
Чего хочу? Чем совесть так задета?
О бедный Фауст, ты ли, ты ли это?
Не чары ли, под кровом полутьмы,
Здесь в воздухе? Я шел, чтоб насладиться, –
Пришел – и сердце грезами томится!
Иль ветерка игрушкой служим мы?
Как я своих бы мыслей устыдился,
Когда ее сейчас бы увидал!

Я за минуту был не больше как нахал,
Теперь же в прах пред нею бы склонился.

Мефистофель

(входя)

Скорей беги! Она сюда идет!

Фауст

Прочь! Навсегда! Ее мне видеть больно!

Мефистофель

А я принес и ларчик; вот –
Увесист, кажется, довольно!
Ей в шкаф поставим мы его:
Она с ума сойдет, ручаюсь!
Такой вещицей хоть кого
Для вас сманить я обещаюсь:
Игра – всегда игра; дитя – всегда дитя!

Фауст

Осмелюсь ли?

Мефистофель

Вы это не шутя?

Хотите ларчик вы себе оставить?

Так раньше бы сказать, не ждать до этих пор,

Чтоб нам не тратить времени на вздор

И от пустых меня хлопот избавить!

Не скряга ж вы, надеюсь, милый мой!

Для вас затылок трешь, мозолишь руки...

(Ставит ларчик в шкаф и запирает его.)

Ну, прочь! Скорей теперь за мной!

Пусть соблазняется: ей надо быть одной!

А вы – стоите с видом скуки,

Как будто вам приходится идти

На лекцию, и вот уж на пути

И метафизика и физика пред вами

Как бы стоят с постылыми словами!

Уходят.

Маргарита входит с лампой.

Маргарита

Как душно! Тяжесть в воздухе какая!

(Открывает окно.)

А ночь совсем не так тепла.
Скорей бы маменька пришла!
Чего-то все боюсь одна я,
И страх и дрожь меня берет:
Такой мы глупенький народ!

(Начинает петь и раздеваться.)

Жил в Фуле король; до могилы
Был верен любимой одной.
Ему, умирая, вручила
Кубок она золотой!
И стал ему кубок заветный
Дороже всего с этих пор;
Он пил – и слезой чуть заметной
Средь пира туманился взор.
И роздал король пред кончиной
Наследникам все города;

Но кубок – лишь кубок единый –
Оставил себе навсегда.
Морские валы грохотали
Под башней, бушуя у скал;
Меж рыцарей, в дедовской зале,
Прощаясь, король пировал.
Наполнивши влагою пенной,
Свой кубок он выпил до дна
И бросил тот кубок священный
Туда, где шумела волна.
Он видел, как кубок, волною
Подхвачен, черпнул и пропал;
И очи покрылися тьмою –
И пить он и жить перестал.

(Отпирает шкаф, чтобы убрать платье, и видит ларчик.)

Как этот ларчик тут явиться мог?
Шкаф, кажется, был заперт на замок.
Вот странно! Что за вещи тут – не знаю!
Но, впрочем, понимать теперь я начинаю:

Не взят ли, может быть, он маменькой в залог?

А! ключик здесь, привязанный тесьмою.

Что, если я его возьму да и открою?

(Отпирает.)

Что это! Боже мой! Чудеснейший убор!

Мне видеть не пришлось такого до сих пор!

Его б и дама знатная надела

И на гулянье в нем отправилась бы смело.

С цепочкой золотой какой приму я вид?

Чья ж эта роскошь вся? Кому принадлежит?

(Наряжается и смотрит в зеркало.)

Хоть серьги мне иметь хотелось бы ужасно!

Наденешь их – сейчас совсем уже не то!

К чему красивой быть? Совсем, совсем напрасно!

Не худо это – я, конечно, в том согласна;

Да люди красоту нам ставят ни во что

И хвалят только нас из жалости. Вот слава:

Все денег ждут,

Все к деньгам льнут;

Ах, бедные мы, право!

Сцена девятая
Гулянье

Фауст прохаживается в раздумье.
Подходит Мефистофель.

Мефистофель

Проклятья вам, негодные исчадья ада!
Ругался б хуже я, да нечем, вот досада!

Фауст

Ну что с тобой? Вот морда-то из морд!
Что там могло с тобою приключиться?

Мефистофель

Я рад бы к черту провалиться,
Когда бы сам я не был черт!

Фауст

Да ты не спятил ли, приятель?

К лицу ль тебе беситься, кстати ль?

Мефистофель

Подумай: ценный наш убор
Поп утащил, как ловкий вор.
Мамаше Гретхен показала,
А той сейчас же жутко стало:
В молитвы вся погружена
И чуткой быть приучена,
Повсюду нюхает она,
Свята ли вещь или грешна, –
А тут разгадка, видимо, простая:
Что святость в этом ларчике плохая.
«Дитя мое, – старуха шепчет ей, –
Неправое именье – лютый змей!
Снесем его царице мы небесной –
И манны нам пошлет она чудесной».
Бедняжка Гретхен от таких речей
Поморщилась, надула молча губы:
Дареному коню не смотрят, дескать, в зубы,
И чем же, мол, уж так безбожен был,

Кто мне сережки подарил?
Мать между тем попа призвать успела;
Тот сразу видит, в чем тут дело.
«Поступку вашему я рад, –
Им говорит он с постной рожей, –
Кто воздержался, тот богат».
Желудок, мол, хорош у церкви божьей;
Немало стран уж слопала она
И несвареньем все же не больна.
Одна лишь церковь может, без сомненья,
Переварить неправые именья.

Фауст

Да, все берет она сегодня, как вчера!
Король и ростовщик – такие ж мастера.

Мефистофель

Потом браслеты, кольца, брошки
Загреб он, как грибы в лукошке,

Прибрал – спасибо не сказал,
Как будто горсть орехов взял,
И посулил за то награды
В раю, а те стоят – и рады!

Фауст

А Гретхен?

Мефистофель

Мучится, жалеет:
Подарок спать ей не дает,
И день и ночь с ума нейдет,
А с ним – кто так дарить умеет.

Фауст

Бедняжка! Как ее мне жаль!
Другой достать для ней нельзя ль?
Да не такие безделушки.

Мефистофель

Для вас, конечно, всё игрушки!

Фауст

Я так хочу – хоть разорвись!
Да ты к соседке подберись:
Будь бес как бес, не размазня!
Чтоб был подарок у меня!

Мефистофель

Так точно, сударь: рад служить на славу!

Фауст уходит.

Влюбившийся дурак на глупости горазд:
И солнце, и луну, и звезды он отдаст
На фейерверк – красотке на забаву!

Сцена десятая
Дом соседки

Марта

(одна)

Господь с тобой, мой муж! Скажу правдиво:
Ты поступил со мной несправедливо!
Пропал куда-то с буйной головой,
А я – сиди соломенной вдовой!
А чем его я в жизни оскорбила?
Свидетель бог, как я его любила!

(Плачет.)

Давно уж он и умер, может быть!
О смерти б хоть свидетельство добыть.
Входит Маргарита.

Маргарита

Ах, Марта!

Марта

Гретхен, что с тобою?

Маргарита

Колена гнутся подо мною:
В шкафу я вновь ларец такой
Нашла с чудесною резьбой;
А вещи – просто загляденье
И лучше прежних без сравненья.

Марта

Ты матери о том не говори,
А то опять снесет на покаянье!

Маргарита

Ах, погляди! Ах, посмотри!

Марта

(наряжая ее)

Ах ты, счастливое созданье!

Маргарита

Что толку в том! Ведь в них не смею я
Ни погулять, ни в церкви показаться…

Марта

А ты бывай почаще у меня:
Тихонько здесь ты можешь наряжаться.
Пред зеркальцем повертишься часок –
Вот нам и радость будет, мой дружок!
А там, при случае – ну в праздник, что ли, – станем
Мы вещь за вещью в люди надевать:
Цепочку, серьги там… Твоя старуха-мать
И не заметит их; а то ведь и обманем!

Маргарита

Но ларчик как ко мне поставлен в шкаф и кем?
Тут, Марта, что-то есть, тут чисто не совсем.

Стучатся.

Ах, боже мой, не мать ли уж за мною?

Марта

(смотрит в дверное окошечко, отдернув занавеску)

Какой-то господин. Сейчас ему открою.

(Отворяет дверь.)

Пожалуйте.

Мефистофель

(входя)

Прошу простить меня,
Что прямо к вам вхожу я так свободно.

(Почтительно отступает перед Маргаритой.)

Я к Марте Швердтлейн.

Марта

Марта – это я.
Что, сударь, будет вам угодно?

Мефистофель

(тихо, Марте)

Благодарю: теперь я знаю вас;
Но барышня в гостях у вас сейчас…
Итак, прошу прощенья за помеху.
Я к вам зайду попозже: мне не к спеху.

Марта

Вы, сударь, приняли за барышню ее?
Подумай, что за честь тебе, дитя мое!

Маргарита

Ах, вовсе нет! Я девушка простая…
Вы чересчур добры… Цепочка золотая
И эта брошка – не моя.

Мефистофель

Сударыня, судил не по цепочке я!
Осанка, взгляд ваш – как у дамы знатной.
Так я могу остаться? Как приятно!

Марта

Ну что ж, какую вы приносите мне весть?

Мефистофель

О, как желал бы я вам лучшую принесть!

Да, тяжело слова мне выговорить эти:

Ваш добрый муж велел вам долго жить на свете.

Марта

Он умер? Мой дружок, супруг мой дорогой!

Ах, я не вынесу! За что беда такая!

Маргарита

Ах, Марта, не тужи, утешься, дорогая!

Мефистофель

Угодно ль выслушать рассказ печальный мой?

Маргарита

Нет, лучше жить, любви совсем не зная:
Я б умерла от горести такой!

Мефистофель

Нет худа без добра, и нет добра без худа!

Марта

Скажите ж, как и где он дух свой испустил?

Мефистофель

Лежит он в Падуе, там, далеко отсюда,
Его святой Антоний приютил.
Он спит теперь сном вечным и отрадным
В священном месте, тихом и прохладном.

Марта

Что ж поручил он вам?

Мефистофель

Мне долг велит
Большую передать вам просьбу: непременно
Просил он отслужить три сотни панихид.
Карманы ж у меня – пустые совершенно.

Марта

Как? Ни одной монетки? Ни одной
Вещицы? Да любой мастеровой
В своей котомке что-нибудь приносит
На память в дом и делится с женой;
Скорей не ест, не пьет и милостыню просит!

Мефистофель

Мадам, мне очень жаль; а впрочем, ваш супруг
Не расточитель был. Он вынес много мук,
Когда в грехах своих он каялся душевно
И жаловался всем, как жизнь его плачевна.

Маргарита

О, как несчастны люди! За него
Я помолюсь от сердца моего.

Мефистофель

Вы замуж выйти хоть сейчас достойны:
Такое вы премилое дитя!

Маргарита

Ах нет, мне рано!..

Мефистофель

Будьте в том спокойны,
И поручусь вам чем угодно я,
Что лучший кавалер обрадовался б счастью
Такую прелесть обнимать со страстью.

Маргарита

Обычай скромный наш на это не похож.

Мефистофель

Обычай или нет – бывает это все ж!

Марта

Ну, продолжайте же!

Мефистофель

Я был при смертном ложе
Супруга вашего: под ним всего была

Солома лишь одна навозная, но все же

Он умер во Христе, кляня свои дела.

«Увы! – он восклицал. – Достоин я проклятья

За то, что бросил так жену и все занятья!

Воспоминание об этом – казнь моя.

Ах, если бы жена грехи мне отпустила!»

Марта

(плача)

Мой добрый муж, давно я все тебе простила!

Мефистофель

«Но, видит бог, она еще грешней, чем я!»

Марта

Он лгал! Бездельник! Лгал он без конца и края!..

Мефистофель

О да! Поверьте мне, подумал сам тогда я,
Что это бредит зря в предсмертных муках он.
Он говорил: «Я жил не праздно, не зевая,
Плодил детей и, хлеб работой добывая,
Ел только черствый хлеб, измучен, истощен,
Но и того не мог ни разу съесть в покое».

Марта

А всю мою любовь, денное и ночное
Страданье он забыл? Вся верность – нипочем?

Мефистофель

О нет, он свято помнил обо всем!
Он говорил: «Из Мальты уезжая,
Молился я о детях, о жене –
И милость небо ниспослало мне:

Нам в море барка встретилась большая
Турецкая, которая везла
Несметные сокровища султана.
Напали мы, и храбрость верх взяла,
И мне уделена частичка тут была
При дележе богатства басурмана».

Марта

Ах! Где ж он деньги дел? Быть может, их зарыл?

Мефистофель

Ну, денег тех искать – что ветра в поле!
Когда потом в Неаполе он был
И здесь, как гость, покучивал на воле,
Им крепко занялась красавица одна;
И вот участье приняла она
Столь близкое в его печальной доле,
Что он ее любовь и верность оценил
И знаки нежности до гроба сохранил.

Марта

Подлец! Мерзавец! Вор! Враг своего семейства!

Ни горе, ни нужда, ни смертный час – ничто

Не сокрушило в нем бесстыдства и злодейства!

Мефистофель

Ну, вот и умер он зато!

На вашем месте я, даю вам слово,

Всего лишь год бы траур поносил,

А там бы мужа стал искать другого.

Марта

Увы, каков мой первый был,

Навряд ли я найду второго!

Такой он был милейший дурачок!

Любил он только жен чужих, к несчастью.

Вино чужое пил, где только мог,

Да был бродягою, да был еще порок:

Игре проклятой предан был со страстью.

Мефистофель

И только? Что ж, когда и вам
Он позволял, что делал сам,
Так жить с ним было превосходно!
С таким условьем с вами нам
Ударить можно по рукам.

Марта

Насмешник! Вам шутить угодно.

Мефистофель

(про себя)

Удрать теперь: у ней такая прыть,
Что даже черта рада подцепить.

(Маргарите.)

А ваше сердце все еще свободно?

Маргарита

Что вы сказать хотите?

Мефистофель

(про себя)

О, дитя
Невинное!

(Громко.)

Я ухожу. Простите!

Маргарита

Прощайте!

Марта

Ах, минутку подождите:
Свидетельство иметь хотела б я,
Где ясно б каждый пункт обозначался –
Когда, и где, и как мой муж скончался.
Порядка другом я всегда была,
А потому охотно бы прочла

Известие о смерти и в газете.

Мефистофель

Сударыня, повсюду, в целом свете
Свидетелей достаточно двоих,
Чтоб истину упрочить. Вот, пожалуй,
Есть у меня приятель, славный малый;
Он подтвердит правдивость слов моих.
Я приведу его сюда.

Марта

Ах, приведите!

Мефистофель

А барышня придет?
Прошу вас, приходите!
Он молодец собой, умен –
Ну, словом, кавалер вполне изящный он.

Маргарита

Боюсь, придется мне краснеть пред господином!

Мефистофель

Краснеть? – Ни пред одним на свете властелином!

Марта

Так вечерком у нас в саду
Я с нею вас сегодня жду.

Сцена одиннадцатая
Улица

Фауст и Мефистофель.

Фауст

Ну что? Ну как? Идет на лад?

Мефистофель

Ого! В огне вы! Вот так диво!
Не бойтесь: птичку схватим живо!
Пойдем сегодня к Марте в сад.
Вот баба, доложу вам! Точно
Быть сводней создана нарочно.

Фауст

Прекрасно!

Мефистофель

Но и ей должны мы удружить.

Фауст

Что ж, за услугу я готов служить.

Мефистофель

Она добыть от нас свидетельство б хотела
О том, что бренное ее супруга тело
В могиле, в Падуе, почило вечным сном.

Фауст

Умно! Так съездить мы туда должны сначала?

Мефистофель

Sancta simplicitas! Еще недоставало!
Свидетельство и так, без справок, подмахнем.

Фауст

Когда нет лучшего, то, значит, все пропало.

Мефистофель

О муж святой, ужель вы всех других честней

Хотите быть? Ужель ни разу не давали

Свидетельств ложных в жизни вы своей?

О боге, о земле, о том, что скрыто в ней,

О том, что в голове и в сердце у людей

Таится, – вы давно ль преважно толковали

С душою дерзкою, с бессовестным челом?

А если мы вникать поглубже начинаем,

Сейчас же видим мы, что знали вы о том

Не более, чем мы о муже Марты знаем.

Фауст

Софист и лжец ты был и будешь!

Мефистофель

Обмануть
Меня не пробуйте: я знаю, в чем тут суть.
Не завтра ли, душа святая,
Бедняжку Гретхен надувая,
В любви ей клясться станешь ты?

Фауст

И от души!

Мефистофель

Ну да, конечно,
И в вечной верности, и в вечной
Любви, и в страсти бесконечной.
И все от сердца полноты?

Фауст

Оставь! Когда я чувством нежным
Томлюсь, назвать его хочу,
Порывам бурным и мятежным

Напрасно имени ищу,
И мыслью мир весь облетаю,
И высшие слова хватаю,
Какие лишь найти могу,
И называю пыл сердечный
Любовью вечной, бесконечной, –
Ужель тогда, как бес, я лгу?

Мефистофель

А все-таки я прав!

Фауст

Послушай: всяк имеет
Свой взгляд, но, чем надсаживать нам грудь,
Скажу тебе одно, а ты не позабудь:
Кто хочет правым быть и языком владеет,
Тот правым быть всегда сумеет.
Итак, скорей! Что толку в болтовне?
Будь прав хоть потому, что нужно это мне!

Сцена двенадцатая
Сад

Маргарита под руку с Фаустом, а Марта с Мефистофелем прогуливаются по саду.

Маргарита

Я чувствую, что вы жалеете меня,
Ко мне снисходите; мне перед вами стыдно;
Вы путешественник: привыкли вы, как видно,
Всегда любезным быть. Ведь понимаю я,
Что вас, кто столько видел, столько знает,
Мой бедный разговор совсем не занимает.

Фауст

Одно словечко, взор один лишь твой
Мне занимательней всей мудрости

земной.

(Целует ее руку.)

Маргарита

Ах, как решились вы! Ну что вам за охота!

Взгляните, как жестка, груба моя рука;

Лежит на мне ведь всякая работа:

У маменьки любовь к порядку велика.

Проходят.

Марта

И что же? Так должны вы ездить вечно?

Мефистофель

Что делать: ремесло и долг нам так велят.

В иных местах остаться был бы рад,

А надо ехать, хоть скорбишь сердечно.

Марта

Пока кто молод, почему
По свету вольной птицей не кружиться!
А вот как в старости придется одному
К могиле сирому, холостяком тащиться –
Едва ли это нравится кому.

Мефистофель

Увы, со страхом я предвижу это.

Марта

Ну, что же, вовремя послушайте совета!

Проходят.

Маргарита

Да, с глаз долой – из сердца вон!
Лишь по привычке вы учтивы.
Других друзей всегда б найти могли вы,

Кто вправду сведущ и умен.

Фауст

О друг мой, верь, что мудрость вся людская –
Нередко спесь лишь пошлая, пустая!

Маргарита

Как?

Фауст

О, зачем невинность, простота
Не знает, как она бесценна и свята!
Смиренье, скромность чувств невинная, святая –
Вот самый лучший дар для нас.

Маргарита

Когда б вы обо мне подумали хоть раз,
О вас бы думала с тех пор всегда, всегда я.

Фауст

И часто ты одна?

Маргарита

Да, хоть невелико
У нас хозяйство, все же нелегко
Его вести. Служанки нет: должна я
Варить, мести и шить; с рассвета на ногах…
А маменька во всем престрогая такая
И аккуратна так, что просто страх!
И не от бедности: мы вовсе не такие,
Чтоб хуже жить, чем все живут другие.
Отец покойный мой довольно был богат,
Оставил домик нам, а с ним и старый сад.
Теперь наш дом затих, труды мне легче эти:
Ушел служить в солдаты брат,
Сестрички нет уже на свете…

Немало с ней хлопот я приняла,
Но вновь все перенесть я с радостью б могла:
Так было мне дитя родное мило!

Фауст

О, если на тебя малютка походила,
Она, конечно, ангелом была!

Маргарита

Да. Я ее вскормила, воспитала…
И как меня любить малютка стала!
Отца уж не было в живых, когда на свет
Она явилась; матушка ж, бедняжка,
Слегла в постель и захворала тяжко;
Мы думали, что уж надежды нет,
И времени прошло у нас немало,
Пока она поправилась и встала.
Где ж было ей самой кормить дитя!
И вот его взялась лелеять я,
Кормила крошку молоком с водою, –

Она совсем, совсем моя была.

И на руках моих, по целым дням со мною,

Барахталась, ласкалась и росла.

Фауст

Чистейшим счастьем ты в то время обладала!

Маргарита

И горя тоже много я видала.

Со мною по ночам стояла колыбель

Рядком; дитя чуть двинется – я встану,

Беру из люльки и к себе в постель

Кладу иль молоком кормить, бывало, стану;

А не молчит – должна опять вставать,

Чтоб проходить всю ночь да песни распевать.

А по утрам – белье: чуть свет встаю и мою;

Там время на базар, на кухню там пора –

И так-то целый день, сегодня, как вчера!

Да, сударь: иногда измучишься заботой!

Зато и сладко спишь, зато и ешь с охотой.

Проходят.

Марта

Холостяки – всегда вы таковы:

Чрезмерно к бедным женщинам суровы!

Мефистофель

О, мы всегда исправиться готовы,

Найдя такую женщину, как вы!

Марта

Признайтесь: есть у вас кто на примете?

Привязанность есть где-нибудь на све-

те?

Мефистофель

Пословица гласит: жена своя и кров
Дороже всех на свете нам даров.

Марта

Но до любви у вас не доходило дело?

Мефистофель

Я всюду и всегда любезно принят был.

Марта

Не то! Серьезен ли был ваш сердечный пыл?

Мефистофель

Ну, с дамами шутить – чрезмерно было б смело!

Марта

Ах, вы не поняли!

Мефистофель

Жалею всей душой!
Но очень понял я, как вы добры со мной!

Проходят.

Фауст

Так ты меня сейчас, мой ангелок, узнала,
Когда перед тобой в саду явился я?

Маргарита

Вы видели, что я потупилась сначала.

Фауст

И ты меня простишь, прекрасная моя,
Что я себе тогда позволил слишком много,
Когда к тебе я подошел дорогой?

Маргарита

Смутилась я: мне это в первый раз.
Насчет меня нигде не говорят дурного.
Уж не нашел ли он – я думала о вас –
Во мне бесстыдного чего-нибудь такого,
Что прямо так решился подойти,
Игру с такой девчонкой завести.
Но все ж во мне, признаться, что-то было,
Что в вашу пользу сильно говорило.
И как же на себя сердита я была,
Что я на вас сердиться не могла!

Фауст

Мой друг!

Маргарита

Пустите-ка!

(Срывает астру и ощипывает лепестки.)

Фауст

Что рвешь ты там? Букет?

Маргарита

Нет, пустяки – игра!

Фауст

Что?

Маргарита

Полно вам смеяться!

(Шепчет.)

Фауст

Что шепчешь ты?

Маргарита

(вполголоса)

Он любит – нет; он любит – нет!

Фауст

О ангел, как тобой не восхищаться!

Маргарита

(продолжает)

Он любит – нет; он любит – нет!

(Вырывая последний лепесток, радостно.)

Он любит! Да!

Фауст

О, пусть цветка ответ
Судьбы решеньем будет нам, родная!
Да, любит он! Поймешь ли, дорогая?

(Берет ее за обе руки.)

Маргарита

Я вся дрожу!

Фауст

О, не страшись, мой друг!

Пусть взор мой, пусть пожатье рук
Тебе расскажут просто и не ложно,
Что выразить словами невозможно!
Отдайся вся блаженству в этот час
И верь, что счастье наше бесконечно:
Его конец – отчаянье для нас!
Нет, нет конца! Блаженство вечно, вечно!

Маргарита жмет ему руку, вырывается и убегает; Фауст стоит несколько минут в задумчивости, потом следует за нею.

Марта

(подходя)

Смеркается.

Мефистофель

Да, нам пора домой.

Марта

Я вас подольше б удержать хотела,
Но, знаете, уж город наш такой:

Как будто здесь у всех другого нет и дела,

Заботы будто нет у них другой,

Как только за соседями день целый

Подсматривать; и что ты тут ни делай –

Глядишь, пошла уж сплетня меж людей.

А наша парочка?

Мефистофель

Вдоль по саду пустилась,

Как пара мотыльков.

Марта

Она в него влюбилась.

Мефистофель

А он в нее. Таков уж ход вещей!

Сцена тринадцатая
Беседка

Маргарита вбегает, становится за дверью, прикладывает пальцы к губам и смотрит сквозь щель.

Маргарита

Идет!

Фауст

Меня ты дразнишь? Ах, плутовка!
Постой же: я тебя поймаю ловко.

(Целует ее.)

Маргарита

(обнимая его и возвращая поцелуй)

Люблю тебя всем сердцем, милый мой!

Мефистофель стучится.

Фауст

(топая ногой)

Кто там?

Мефистофель

Приятель.

Фауст

Скот!

Мефистофель

Пора домой.

Марта входит.

Марта

Да, сударь, поздно уж.

Фауст

Позволите ль из сада
Вас проводить?

Маргарита

А маменька? Меня
Так проберет она за это!.. Нет, не надо!
Прощайте!

Фауст

Очень жаль, что должен я
Уйти так скоро, против ожиданья.
Прощайте же!

Марта

Адье!

Маргарита

До скорого свиданья.

Фауст и Мефистофель уходят.

Маргарита

Ах, боже мой, как он учен!
Чего не передумал он!
А я – краснею от стыда,

Молчу иль отвечаю: да…
Ребенок я – он так умен!
И что во мне находит он?

(Уходит.)

Сцена четырнадцатая
Лес и пещера

Фауст

(один)

Могучий дух, ты все мне, все доставил,
О чем просил я. Не напрасно мне
Свой лик явил ты в пламенном сиянье.
Ты дал мне в царство чудную природу,
Познать ее, вкусить мне силы дал;
Я в ней не гость, с холодным изумленьем
Дивящийся ее великолепью, –
Нет, мне дано в ее святую грудь,
Как в сердце друга, бросить взгляд глубокий.
Ты показал мне ряд живых созданий,
Ты научил меня увидеть братьев
В волнах, и в воздухе, и в тихой роще.
Когда в лесу бушует ураган,

И богатырь-сосна, ломаясь с треском,
В прах повергает ближние деревья,
И холм ее паденью глухо вторит, –
В уединенье ты меня ведешь,
И сам себя тогда я созерцаю
И вижу тайны духа моего.
Когда же ясный месяц заблестит,
Меня сияньем кротким озаряя,
Ко мне слетают легкою толпою
С седой вершины влажного утеса
Серебряные тени старины
И созерцанья строгий дух смягчают.
Для человека, вижу я теперь,
Нет совершенного. Среди блаженства,
Которым я возвышен был, как бог,
Ты спутника мне дал; теперь он мне
Необходим; и дерзкий и холодный,
Меня он унижает, и в ничто
Дары твои, смеясь, он обращает.
В груди моей безумную любовь
К прекраснейшему образу он будит;
Я, наслаждаясь, страсть свою тушу

И наслажденьем снова страсть питаю.

Входит Мефистофель.

Мефистофель

Чем жизнь такая радостна для вас?
Не надоест вам все в глуши слоняться?
Я понимаю – сделать это раз,
А там опять за новое приняться.

Фауст

Другое дело мог бы ты найти,
А не преследовать меня бесплодно.

Мефистофель

Ну-ну! Не злись: ведь я могу уйти, –
Уйду совсем, когда тебе угодно.
С тобою, грубым и безумным, жить –
Неважный дар послала мне судьбина.
Весь день изволь трудиться и служить,
И так и сяк старайся удружить –
Не угодишь ничем на господина.

Фауст

Ну вот, теперь упреки мне пошли!
Ты надоел, а я – хвали за это.

Мефистофель

А чем бы жил ты, жалкий сын земли,
Без помощи моей, не видя света?
Не я ль тебя надолго исцелил
От тягостной хандры воображенья?
Не будь меня, давно бы, без сомненья,
Здесь, на земле, ты дней своих не длил.
К чему же ты сюда, в леса и горы,
Как мрачный филин, обращаешь взоры?
Во влажном мху, под кровом темноты
Себе, как жаба, жизни ищешь ты.
Прекрасная манера веселиться!
Нет, все еще педант в тебе гнездится.

Фауст

Поймешь ли ты, что я в пустыне здесь
Чудесной силой оживаю весь?

Да, если б мог понять ты, то, конечно,
Как черт, ты мне б завидовал сердечно.

Мефистофель

Еще бы! Неземная благодать!
Всю ночь на мокром камне пролежать,
К земле и небу простирать блаженно
Объятья, раздувать себя надменно
До божества и в самый мозг земли
Впиваться мыслью, полною стремленья;
Все ощущать, что в мир внесли
Все шесть великих дней творенья;
Внезапно гордой силой воспылав,
Не знаю, чем-то пылко упиваться
И, всю вселенную объяв,
В любви блаженной расплываться,
О смертности своей забыв совсем,
И созерцанье гордое затем
Вдруг заключить... а чем – сказать мне стыдно!

(Делает неприличное движение.)

Фауст

Тьфу на тебя!

Мефистофель

Не нравится, как видно?

Как тут стыдливо не плеваться вам!

Ведь нравственным ушам внимать обидно

Про то, что мило нравственным сердцам!

Глупец! Ему позволил я порою

Полгать себе, потешиться игрою,

Да вижу, что не выдержать ему.

Ты и теперь худеешь и томишься;

Не нынче-завтра возвратишься

К мечтам и страху своему.

Довольно же! Возлюбленная страждет,

Сидит она печальна и мрачна;

Тебя, тебя увидеть жаждет,

В тебя она безумно влюблена!

Любовь твоя недавно бушевала,
Как речка, что бежит со снежных гор,
Бедняжку Гретхен страстью заливала,
И вдруг – иссякла речка! Что за вздор!
По мне, чем здесь в лесу царить уныло –
Не лучше ли тебе вернуться вновь
И бесконечную любовь
Вознаградить своей бедняжки милой?
День для нее едва идет:
Глядит она в окно, следит за облаками,
Бегущими грядой над старыми домами;
«Будь божьей птичкой я!» – все только и поет,
И в полдень ждет, и в полночь ждет,
То равнодушной станет снова,
То вдруг всплакнет, не молвя слова,
И вновь влюбилась.

Фауст

О змея, змея!

Мефистофель

(про себя)

Пожалуй, лишь поймать тебя сумел бы я!

Фауст

Уйди, уйди отсюда! Сгинь, проклятый!
Не называй красавицу мне вновь
И не буди к ней плотскую любовь
В душе моей, безумием объятой!

Мефистофель

Что ж, ей ведь кажется, что от нее уйти
Решил ты навсегда; да так и есть почти.

Фауст

Где б ни был я, мне всюду остается
Она близка; везде она – моя!
Завидую Христову телу я,
Когда она к нему устами прикоснется.

Мефистофель

Так, милый мой! Не раз завидно было мне
При виде парочки на розах, в сладком сне.

Фауст

Прочь, сводник!

Мефистофель

Что ж, бранись; а я смеюсь над бранью.
Творец, мужчину с женщиной создав,
Сам отдал должное высокому призванью,
Сейчас же случай для того им дав.

Да полно же, оставь свой вид унылый!
Подумаешь, какое горе тут:
Ведь в комнату к красотке милой,
А не на казнь тебя зовут!

Фауст

В ее объятьях рай небесный!
Пусть отдохну я на груди прелестной!
Ее страданья чую я душой!
Беглец я жалкий, мне чужда отрада,
Пристанище мне чуждо и покой.
Бежал я по камням, как пена водопада,
Стремился жадно к бездне роковой;
А в стороне, меж тихими полями,
Под кровлей хижины, дитя, жила она,
Со всеми детскими мечтами
В свой тесный мир заключена.
Чего, злодей, искал я?
Иль недоволен был,
Что скалы дерзко рвал я
И вдребезги их бил?
Ее и всю души ее отраду

Я погубил и отдал в жертву аду!
Пусть будет то, что суждено судьбой.
Бес, помоги, промчи мне время страха!
Пусть вместе, вместе в бездну праха
Она низвергнется со мной!

Мефистофель

Опять кипит! Опять пылает!
Ступай, утешь ее, глупец!
Чудак, всему уж и конец
Он видит, чуть лишь нить теряет.
Кто вечно смел, хвалю того;
Ты ж, с чертом столько дней проведший, –
Ты что? Нет хуже ничего,
Как черт, в отчаянье пришедший!

Сцена пятнадцатая
Комната Гретхен

Гретхен

(одна за прялкой)

Покоя нет,
Душа скорбит;
Ничто его
Не возвратит.
Где нет его,
Там все мертво,
Там счастья нет,
Не красен свет.
Мой бедный ум
Смущен, молчит;
Мой бедный дух
Сражен, разбит.
Покоя нет,
Душа скорбит:
Ничто его

Не возвратит!
Лишь для него
В окно гляжу,
Лишь для него
Я выхожу.
Походка, стан,
Улыбка, взгляд,
Как талисман,
К себе манят.
Его речей
Волшебный звук,
Огонь очей,
Пожатье рук!
Покоя нет,
Душа скорбит!
Ничто его
Не возвратит!
К нему, за ним
Стремится грудь;
К нему прильнуть
И отдохнуть!
Его обнять

И тихо млеть,
И целовать,
И умереть!

Сцена шестнадцатая
Сад Марты

Маргарита и Фауст.

Маргарита

Так обещай же, Генрих, мне!

Фауст

Охотно,
Все, что могу!

Маргарита

Скажи ты мне прямей:
Как дело обстоит с религией твоей?
Ты славный, добрый человек, но к ней
Относишься как будто беззаботно.

Фауст

Оставь, дитя! Мою узнала ты любовь:
За близких сердцу рад свою пролить

я кровь;

Не против веры я, кому в ней есть отрада.

Маргарита

Нет, мало этого: нам твердо верить надо.

Фауст

Да надо ли?

Маргарита

Ах, не найти мне слов,

Чтоб убедить тебя! Ты и святых даров

Не чтишь.

Фауст

Я чту их.

Маргарита

Да, но без охоты

Принять их. В церкви не был уж давно ты,

На исповедь не ходишь уж давно.
Ты в бога веришь ли?

Фауст

Мой друг, кому дано
По совести сказать: я верю в бога?
Священников ты спросишь, мудрецов –
У них тебе ответ всегда готов;
Но весь ответ их, как рассудишь строго,
Окажется насмешкой над тобой.

Маргарита

Не веришь ты?

Фауст

Пойми же, ангел мой:
Назвать его кто смеет откровенно?
Кто исповедать может дерзновенно:
Я верую в него?
Кто с полным чувством убежденья
Не побоится утвержденья:

Не верую в него?
Он, вседержитель
И всехранитель,
Не обнимает ли весь мир –
Тебя, меня, себя?
Не высится ль над нами свод небесный?
Не твердая ль под нами здесь земля?
Не всходят ли, приветливо мерцая,
Над нами звезды вечные? А мы
Не смотрим ли друг другу в очи,
И не теснится ль это все
Тебе и в ум и в сердце,
И не царит ли, в вечной тайне,
И зримо и незримо вкруг тебя?
Наполни же все сердце этим чувством,
И, если в нем ты счастье ощутишь,
Зови его как хочешь:
Любовь, блаженство, сердце, бог!
Нет имени ему! Все в чувстве!
А имя – только дым и звук,
Туман, который застилает небосвод.

Маргарита

Как это хорошо, мой друг!
Священник так же это объясняет,
Немножко лишь в других словах.

Фауст

Везде, мой друг, во всех местах
Сиянье неба восхваляет
Весь мир на разных языках –
И мой не хуже их нимало.

Маргарита

Да, как послушаешь, сначала
Все будто так, но горе в том,
Что не проникнут ты Христом.

Фауст

Дитя мое!

Маргарита

Я ужас ощущаю

Давно уже, скорблю всем существом,
Когда тебя всегда я с ним встречаю.

Фауст

С кем это?

Маргарита

С кем повсюду ходишь ты.
Он ненавистен мне от сердца полноты!
Изо всего, что в жизни я видала,
Я не пугалась больше ничего,
Лишь гадкого лица его.

Фауст

Поверь мне, куколка, не страшен он нимало.

Маргарита

Его присутствие во мне волнует кровь.
Ко всем и ко всему питаю я любовь;
Но как тебя я жду и видеть жажду,

Так перед ним я тайным страхом стражду;

Притом мне кажется, что плут он и хитрец,

И если клевещу – прости меня, творец!

Фауст

И чудакам, как он, ведь жить на свете нужно!

Маргарита

Нет, жить с таким я не могла бы дружно!

Он всякий раз, как явится сюда,

Глядит вокруг насмешливо всегда,

В глазах его таится что-то злое,

Как будто в мире все ему чужое;

Лежит печать на злом его челе,

Что никого-то он не любит на земле!

С тобой всегда я так довольна,

Мне так легко, тепло, привольно;

При нем же сердцем унываю я.

Фауст

Ах ты, вещунья милая моя!

Маргарита

И столько он мне ужаса внушил,
Что, если к нам войти ему случится,
И ты как будто мне уже не мил.
При нем никак я не могу молиться;
И так тогда мне больно, милый мой!
И, верно, Генрих, то же и с тобой.

Фауст

Враждебна ты к нему!

Маргарита

Прощай, идти мне надо.

Фауст

Мой друг, когда же будет мне отрада
Часочек хоть с тобою отдохнуть,
Душа с душой и с грудью грудь?

Маргарита

Ах, я дверей бы запирать не стала,
Когда бы только я спала одна;
Но маменька... так чутко спит она,
И если б нас она застала,
Я с места, кажется, не встала бы живой!

Фауст

Мы все устроим, ангел мой!
Вот капли: действуют прекрасно!
В питье немножко ей подлей,
И сон слетит глубокий к ней.

Маргарита

Я для тебя на все согласна!
Конечно, здесь ведь яду нет?

Фауст

Могу ль я дать тебе такой совет?

Маргарита

Ты приковал какой-то чудной силой
Меня к себе: на все готова я;
И больше сделать, кажется, нельзя,
Чем для тебя я сделала, мой милый!

(Уходит.)

Мефистофель

(входя)

Мартышка! Где она?

Фауст

Шпионил ты опять?

Мефистофель

Да, кое-что я мог понять.
Вас, доктор, катехизису учили:
Надеюсь, вы урок на пользу получили.
Для девушек так интересно знать,
Кто чтит религию: кто верит непри-

творно,
Тот и за нами, мол, пойдет покорно.

Фауст

Чудовище! Не видишь, что она
В душе любовь лишь чистую лелеет:
Своею верою полна,
Той верою, которая одна
Спасенье ей, – она жалеет,
Как душу близкую, погибшего меня.

Мефистофель

Эх, ты! В тебе ведь только похоть бродит!
Тебя девчонка за нос водит!

Фауст

Прочь, порожденье грязи и огня!

Мефистофель

А в рожах ловко суть она находит!
При мне минутки не сидится ей:

Ум замечая в рожице моей,
Она томится и скорбит безмерно,
Что если я не черт, то гений уж наверно.
Так в ночь?..

Фауст

Тебе что за тревога?

Мефистофель

И я повеселюсь немного!

Сцена семнадцатая
У колодца

Гретхен и Лизхен с кувшинами.

Лизхен

Ты уж о Бербельхен слыхала?

Гретхен

Нет. Я ведь дома все сижу одна.

Лизхен

Мы знаем кое-что! Сивилла мне сказала!
Попалась наконец она!
Вперед не важничай!

Гретхен

А что?

Лизхен

Да дело скверно!
Что ест она и пьет – двух кормит: это верно.

Гретхен

Ах!

Лизхен

Да, теперь награждена!
На шею парню вешалась она:
На все гулянья с ним ходила,
С ним танцевала и кутила;
Везде хотела первой быть,
Есть пирожки да вина пить,
Себя красавицей считала;
Дошла в бесстыдстве до того,
Что наконец уж от него
Открыто брать подарки стала!
Ласкала, нежила дружка –
Вот и осталась без цветка!

Гретхен

Бедняжка!

Лизхен

Ты еще жалеешь!
А мы? Как мать велит, бывало, прясть, –
Сидишь да ночью вниз сойти не смеешь;
Она же мигом к миленькому – шасть!
Там, на скамье иль в переулке темном,
Не скучно было в уголке укромном!
Теперь вот пусть свою убавит спесь
Да перед нами в церкви грех свой весь
В рубашке покаянной пусть расскажет!

Гретхен

Ее он замуж взять, наверно, не откажет.

Лизхен

Держи карман! Нет, парень не дурак:
Получше может заключить он брак.
Да он уж и удрал.

Гретхен

Он поступил нечестно.

Лизхен

Да хоть женись – не очень будет лестно.
Ей наши парни разорвут венок,
А мы насыплем сечки на порог!

(Уходит.)

Гретхен

(идя домой)

И я, бывало, храбро осуждала,
Как девушка, бедняжка, в грех впадала!
Проступки я бранила строже всех;

Чтоб их клеймить, не находила слова:
Каким мне черным ни казался грех,
Я все его чернить была готова!
Сама, бывало, так горда, важна:
А вот теперь и я грешна!
Но, боже, что меня смутило,
Так было сладостно, так мило!

Сцена восемнадцатая
На городском валу

В нише стены статуя Mater dolorosa, перед ней вазы с цветами. Гретхен ставит свежие цветы.

Гретхен

Скорбя, страдая,
О мать святая,
Склонись, склонись к беде моей!
С мечом в груди ты
На лик убитый
Христа глядишь, полна скорбей.
Отца зовешь ты
И вздохи шлешь ты
Из глубины души своей.
Увы, кто знает,
Как изнывает
Вся грудь моя, тоски полна?
Как душа моя томится,
Как дрожит, куда стремится, –

Знаешь ты лишь, ты одна!
С людьми ли я – невольно
Мне больно, больно, больно,
Везде тоскую я!..
Одна ли горе прячу –
Я плачу, плачу, плачу,
И рвется грудь моя.
Цветы омыла эти
Слезами я, скорбя,
Когда я на рассвете
Рвала их для тебя.
Когда мне заблестели
Лучи зари в окно,
Сидела я в постели,
Рыдая уж давно.
Меня позором не убей!
Молю тебя я,
О мать святая,
Склонись, склонись к беде моей!

Сцена девятнадцатая
Ночь. Улица перед домом Гретхен

Валентин, солдат, брат Гретхен.

Валентин

Сидишь, бывало, за столом
С друзьями; шум идет кругом,
Лишь о красотках и речей –
И каждый хвалится своей
Да пьет, красой ее кичась;
А я, спокойно подбочась,
При этой шумной похвальбе
Сижу да слушаю себе;
И вдруг, смеясь, крутя свой ус
И полный вверх стакан подняв,
Скажу: «У всякого свой вкус,
Не угодишь на каждый нрав;
Но мне назвать прошу я вас
Одну хоть девушку у нас,
Чтоб Гретхен стоила моей,

В подметки чтоб годилась ей!»
Тут шум пойдет, и звон, и гром.
«Он прав, он прав! – толпа кричит. –
Нет краше девушки кругом!»
Любой хвастун тут замолчит.
Теперь – рви волосы да злись,
Лезь на стену, хоть разорвись
От гнева: стали все кругом
Кивать, подмигивать глазком.
Язвить любой бездельник рад:
А я, как будто виноват,
Сижу, молчу. Чуть кто сболтнет,
Меня бросает в жар и пот.
Хоть разнесешь их всех, а все ж
Не скажешь им, что это ложь!
Кто там? Какой там черт ползет?
Не двое ль их? Пришли за нею!
Постой же: пусть я околею,
Когда он с места жив уйдет!

Входят Фауст и Мефистофель.

Фауст

Вон в ризнице церковной под окном
Блестит огонь лампады: то затихнет,
Слабей, слабей, то снова ярко вспыхнет,
То вновь замрет – и мрак густой кругом.
В душе ж моей давно огонь не блещет.

Мефистофель

Что до меня, то грудь моя трепещет,
Как у кота, когда влезает он
На крышу, юной кошкою прельщен.
И мысли все хорошие такие:
То похоть, то проказы воровские.
Все существо мое с восторгом ждет
Чудеснейшей Вальпургиевой ночи.
Вот послезавтра к нам она придет;
В ту ночь недаром сна не знают очи.

Фауст

А этот клад, что видится вдали:
Поднимется ль он вверх из-под земли?

Мефистофель

Порадуйся, недолго ждать: оттуда
Ты котелок достанешь без труда.
Недавно я заглядывал туда:
Там талеров порядочная груда.

Фауст

Браслетов нет ли иль перстней
Моей красотке на веселье?

Мефистофель

Найдутся там и вещи поценней:
Жемчужное я видел ожерелье!

Фауст

Вот это хорошо! Мне больно к ней идти

И ничего с собой в подарок не нести.

Мефистофель

По мне, так чем же было б неприятно
Себя порой потешить и бесплатно?
Как ярки звезды! В блеске их лучей
Теперь я шутку выкину на диво:
Спою я песню нравственную ей,
Чтоб тем верней сманить красотку живо.

(Поет, аккомпанируя на гитаре.)

Не стой, не стой,
Не жди с тоской
У двери той,
Катринхен, пред денницей!
Не жди, не верь:
Войдешь теперь
Девицей в дверь,
А выйдешь не девицей!
Не верь словам!
Насытясь сам,
Бедняжке там

«Прости, прощай!» – он скажет.
Скажи: «Постой,
Повеса мой,
Пока со мной
Кольцо тебя не свяжет!»

Валентин

(выходя)

Черт побери! Кого ты там
Смущаешь, крысолов проклятый?
Гитара к черту! К черту сам
Слетишь и ты, певец завзятый!

Мефистофель

Гитара сломана: ее не нужно нам!

Валентин

Теперь и череп пополам!

Мефистофель

(Фаусту)

Ну, доктор, я вас приглашаю!
Вперед, смелее! Не робей,
Валяй шпажонкою своей,
Коли смелей – я отражаю.

Валентин

Так отражай же!

Мефистофель

Я к услугам весь!

Валентин

Еще!

Мефистофель

Могу!

Валентин

Сам черт дерется здесь!
Но что со мной! Рука уж ослабела.

Мефистофель

(Фаусту)

Коли же!

Валентин

(падая)

Ох!

Мефистофель

Смирили дурака!
Теперь пора убраться нам приспела:
Тут будет шум и крик наверняка.
Хоть мне возня с полицией легка,
Но уголовный суд – иное дело!

Уходят.

Марта

(у окна)

Сюда скорей!

Гретхен

(у окна)

Сюда огня!

Марта

Здесь драка, спор! Здесь шум, возня!

Народ

Убит один, гляди!

Марта

(выходя)

А где убийца, где злодей?

Гретхен

(выходя)

Кто здесь?

Народ

Сын матери твоей.

Гретхен

Всевышний, пощади!

Валентин

Я умираю. Так легко сказать,
А умереть легко вдвойне.
Эй, бабы! Больше не к чему кричать –
Приблизьтесь и внимайте мне!

Все обступают его.

Ты, Гретхен, очень молода
И так глупа, что навсегда
Плохой избрала путь.
Могу при всех тебе сказать:
Когда могла ты шлюхой стать,
Так уж открыто будь!

Гретхен

О боже! Брат мой, что такое?

Валентин

Оставь хоть бога ты в покое!
Что было, нам не воротить;
Уж, видно, так тому и быть.
Ты начала теперь с одним,
Потом другой придет за ним.
А как до дюжины дойдет,
К тебе весь город побредет.
Когда впервые грех родится,
Себя таит он в первый миг;
Под кровом ночи рад он скрыться
И закрывает грозный лик;
Тогда убить его не поздно.
Но скоро, скоро грех растет,
Средь бела дня, открыт, идет;
Лицо его не меньше грозно,
Но чем лицо его страшней,
Тем яркий свет ему нужней.

Я знаю, срок настанет твой –
И честный гражданин любой,
Как перед язвой моровою,
Распутница, перед тобою
Отпрянет. От стыда горя,
В глаза открыто ты не взглянешь;
В цепочке ты франтить не станешь
И убежишь от алтаря!
Не будешь в танце красоваться
Ты в кружевном воротничке:
Меж нищих и калек скрываться
Ты будешь в темном уголке!
И если бог простит твой грех,
Ты на земле презренней всех!

Марта

Предайтесь лучше покаянью,
Чем удручать себя вам бранью!

Валентин

Когда б сломать я ребра мог
Тебе, бесстыжей сводне скверной,

Я знаю, что простил бы бог
Тогда грехи мои, наверно!

Гретхен

О муки ада! Брат мой, брат!

Валентин

Напрасны слезы, говорят!
Сестра, ты честь свою забыла,
Меня ты в сердце поразила, –
На божий суд идет твой брат
Без страха, честно, как солдат.

(Умирает.)

Сцена двадцатая
Собор

Служба, пение, орган. Гретхен в толпе народа, позади нее — Злой Дух.

Злой Дух

Не так ты, Гретхен, прежде
С душой невинной
Ходила к алтарю.
Молясь по книжке старой,
Ты лепетала,
Наполовину детским играм,
Наполовину богу
Душою предана!
О Гретхен!
Где голова твоя?
И на душе твоей
Какой тяжелый грех?
Ты молишься ль за мать свою? Она
Тобой для долгих-долгих мук усыплена!

Чья кровь у дома твоего?
Что у тебя под сердцем скрыто?
Не шевелится ль что-то там
И не тревожит ли тебя
Присутствием своим?

Гретхен

Увы, увы!
Как дум мне этих избежать,
Которые теснятся отовсюду
Ко мне и в душу проникают?

Хор

Dies irae, dies illa
Solvet saeclum in favilla[4].

Звуки органа.

Злой Дух

Гнев неба над тобою!
Труба звучит;

---

[4] Сноски: 4
День гнева, этот день разрушит мир, превратив его в пепел *(лат.).*

Заколебались гробы;
Душа твоя
Из бездны праха
Для мук ужасных
Огня и ада,
Дрожа, встает!

Гретхен

О, если б мне уйти отсюда!
Мне грозный гром органа
Дышать мешает,
Меня терзает это пенье
До глубины сердечной!

Хор

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet, adparebit,
Nil inultum remanebit[5].

---

[5] Сноски: 5

Когда воссядет судия, то откроется все сокровенное, и ничто не останется без возмездия *(лат.).*

Гретхен

Как душно мне!
Как эти арки, эти своды
Теснят меня!
Воздуха, воздуха больше!

Злой Дух

Беги! Но грех и стыд
Не будет скрыт.
Что? Воздуха? Света?
Горе тебе!

Хор

Quid sum miser tunc dicturus,
Quem patronum rogaturus,
Cum vix justus sit securus?[6]

Злой Дух

Свой лик пресветлый отвращают

---

[6] Сноски: 6

Что я скажу тогда, несчастный, какого покровителя я буду умолять, когда и праведник едва спасется? *(лат.)*

Святые от тебя,
И руку протянуть тебе
Им, чистым, страшно!
Увы!

Хор

Quid sum miser tunc dicturus?

Гретхен

Соседка, ваш флакон!..

(Падает в обморок.)

Сцена двадцать первая
Вальпургиева ночь

Местность в горах Гарца, в окрестностях деревень Ширке и Эленд. Фауст и Мефистофель.

Мефистофель

Не чувствуешь нужды ты в помеле?
Теперь на дюжем рад бы я козле
Потанцевать, уставши от дороги.

Фауст

Меня еще покамест носят ноги.
Дубинкой путь стараюсь облегчать.
К чему дорогу сокращать?
То странствовать в извилистой долине,
То лезть с утеса на утес к вершине,
Откуда вниз ручей стремится в дол, –
Мне весело, и путь мой не тяжел.
Везде весна: береза зеленеет,

Позеленела даже и сосна;
Ужель на нас весною не повеет?

Мефистофель

Признаться, мне чужда весна!
Во мне зима царит: мне надо,
Чтоб снег, мороз был на пути моем.
В ущербе месяц; тусклою лампадой
Едва мерцает красным он лучом;
Неважный свет! Здесь каждый шаг нам может
Опасен быть: наткнешься прямо лбом
На камень или ствол. Постой-ка, нам поможет
Блудящий огонек, мелькающий кругом!
Эй, ты, поди сюда и посвети, любезный!
К чему иначе свет твой бесполезный?
Веди-ка нас вперед средь этой тьмы.

Блуждающий огонек

Мне изменить придется вам в угоду
Мой легкий нрав и всю мою природу.

И вкривь и вкось блуждать привыкли мы.

Мефистофель

Эге! ты – человека подражатель?
Во имя черта, марш вперед, приятель,
Не то тебя задую я сейчас!

Блуждающий огонек

Я вижу, вы хозяин здесь; для вас
Все сделать я готов, чтоб не сойти с дороги.
Но помните: гора от чар с ума сойдет,
И если вас огонь блуждающий ведет,
То вы к нему не будьте слишком строги!

Фауст, Мефистофель и Блуждающий огонек поют попеременно.

Фауст

В область сна вошли мы, словно
В очарованные страны.
О, веди нас прямо, ровно

Сквозь леса и сквозь туманы,
Чрез пустыню, меж горами!

Блуждающий огонек

Вот деревья вдаль рядами
Сзади нас, шумя, несутся;
Гор вершины будто гнутся;
Скалы длинными носами
Захрапели перед нами.

Фауст

Под камнями, под кустами
Слышу я ручья шептанье:
Песня ль это иль журчанье?
Зов любви ли, звук ли смеха,
Счастья ль отклик – нам утеха,
Песнь надежд, любви мечтанья?
И всему свой отзыв эхо
Шлет, как старое преданье.

Мефистофель

С шумом, гулом мчатся бойко

Сыч и чибис, с ними сойка:
Все проснулись, всем гулянье!
А в кустах сидят лягушки –
Долгоножки, толстобрюшки.
Будто змеи, меж камнями
Вьются корни за корнями,
Западни для нас готовят,
И пугают нас, и ловят,
И, ожив, деревьев капы,
Как полипы, тянут лапы
Нам навстречу. И, несметны,
Мох и вереск наполняя,
Беспокойны, разноцветны,
Мыши носятся, шныряя;
И вокруг пред нами реет
Светляков толпа живая
И, с дороги нас сбивая,
Яркой свитой пламенеет.

Фауст

Но скажи: вперед мы шли ли
Иль на месте всё мы были?

Лес и горы заходили;
Скалы, сучья рожи злые
Строят нам; огни ночные
Засверкали, засветили.

Мефистофель

За меня держись сильнее:
Здесь с горы всего виднее
Будет нам, как царь Маммон
Заблестит со всех сторон.

Фауст

Как странно мутный свет мерцает
Внизу румяною зарей!
В глубокой бездне он сверкает
И льется слабою струей;
Здесь встал туман, там – пар безбреж-ный;
Сквозь дымку жар горит лучом;
Здесь свет струится нитью нежной,
Там брызжет огненным ключом;
То, охватив всю глубь долины,

Он в сотнях жил струится там,
То, заключен среди теснины,
Он одиноко блещет нам;
Там сыплет искры, их взметая,
Как золотой песок со дна,
А здесь – смотри – горит седая
Утеса старого стена!

Мефистофель

Ужель на праздник досточтимый
Маммон дворца б не осветил?
Ты, к счастью, всю картину охватил:
Уж мчится хор гостей неукротимый.

Фауст

Как грозен вихрь! В порыве бурных сил
Он в спину бьет могучими толчками.

Мефистофель

За ребра скал обеими руками
Держись: не то ты свалишься в обрыв.
Лес потемнел; в туман весь погружен-

ный,
Шумит он. Вот, глаза раскрыв,
Взлетает филин пробужденный,
И ломятся колонны
Зеленого лесного дома.
Ты слышишь ли раскаты грома,
Стволов паденье, шум ветвей,
И леса стон, и скрип корней?
Ствол за стволом друг друга кроет
В глубокой пропасти, на дне,
И ветер свищет, буря воет
Среди обломков в глубине.
Слышишь крики – дальше, ближе?
Слышишь вопли – выше, ниже?
Между скал, по скатам гор
Шумно мчится дикий хор.

Хор ведьм

На Брокен все! Толпа густа;
Посев был зелен, рожь желта.
Там Уриан вверху сидит,
К вершине ведьмам путь лежит

Средь гор и скал, с метлой, с козлом,
И вонь и гром стоят кругом.

Голос

Старуха Баубо в стороне
Летит на матушке-свинье!

Хор

Хвала, кому хвала идет!
Вперед же, Баубо! Пусть ведет!
На дюжей свинке Баубо-мать
Достойна хором управлять.

Голос

Откуда ты?

Голос

Чрез Ильзенштейн я шла:
Там я сову в гнезде нашла,
А та глаза себе таращит!

Голос

О, чтоб тебя нелегкая взяла!
Кой черт тебя так скоро тащит?

Голос

Она зацепила меня, пролетая:
Глядите-ка, рана какая!

Хор ведьм

Нам всем дорога тяжела, –
К чему друг друга задевать?
Нас колют вилы, бьет метла:
Дитя убила – лопнет мать.

Первый полухор колдунов

Улиткой наши все ползут,
А бабы все вперед бегут.
Где зло, там женщина идет
Шагов на тысячу вперед.

Второй полухор колдунов

Не будем в споре тратить слов!
Нужна им тысяча шагов;
Мужчина вздумает – и вмиг
Одним прыжком обгонит их.

Голос

(сверху)

Вперед, вперед, вы, из озер!

Голос

(снизу)

Мы рады влезть на скаты гор;
Мы мылись – чисты хоть куда,
Зато бесплодны навсегда.

Оба хора

Вот вихорь стих, звезда мутна.
За тучи прячется луна;
Темно повсюду с этих пор,

И мечет искры шумный хор.

Голос

(снизу)

Подождите! Тише, тише!

Голос

(сверху)

Кто кричит в скалистой нише?

Голос

(снизу)

Это я! Да, это я!
О, возьмите вы меня!
Триста лет я здесь копаюсь
И к своим попасть пытаюсь.

Оба хора

На вилах мчись, свезет метла,
На жердь садись, седлай козла!
Пропал навеки тот, поверь,

Кто не поднимется теперь.

Полуведьма

(внизу)

Тащусь я здесь за шагом шаг,
Другие ж вон умчались как!
Я раньше всех сюда пошла,
А все угнаться не могла.

Хор ведьм

Мазь ведьме бодрость придает,
Тряпье – за парус нам сойдет.
Корыто – лодка. Не взлетит
Вовеки, кто теперь сидит!

Оба хора

Взлетев к вершине в этой мгле,
Мы ниже спустимся к земле,
И чащу леса всю собой
Наполнит наш волшебный рой.

(Спускаются.)

Мефистофель

Толкают, жмут, бегут, летают,
Шипят, трещат, влекут, болтают,
Воняют, брызжут, светят. Ух!
Вот настоящий ведьмин дух!
Ко мне, не то нас растолкают!
Да где ж ты?

Фауст

(издали)

Здесь!

Мефистофель

Туда уж увлечен?
В хозяйские права вступить я принужден.
Дорогу! – черт идет! Дорогу, чернь, живее!
Я здесь, брат-доктор! Ухватись скорее!
Пойдем в сторонку; эта толкотня
Невыносима даже для меня.

Вон там какой-то странный свет мелькает

И в те кусты невольно привлекает.

Нырнем туда, бока свои храня.

Фауст

Противоречий дух, не сам ли ты старался

Меня увлечь сюда? Уж слишком ты умен!

В Вальпургиеву ночь пришел на Брокен он,

И что же? – под кусты запрятаться собрался.

Мефистофель

Одни не будем мы и там;

Смотри: огни, пестрея, загорелись!

Веселым клубом гости там расселись.

Фауст

Все ж наверху бы лучше было нам.

На злое дело вся толпа стремится;

Взгляни: уж дым столбом пошел у них.
Немало здесь загадок разрешится.

Мефистофель

Немало и возникнет их.
Пусть свет большой шумит, бушуя,
Тебя подальше утащу я.
Везде бывает так – сомненья в этом нет, –
Что свет большой рождает малый свет.
Взгляни: разделась ведьма молодая,
А старая накидочку взяла.
Будь вежлив к ним: услуга мне большая,
Труд не велик, забава не мала.
Чу, музыка играет! Вот досада!
Проклятый скрип! Но покориться надо.
Вперед, вперед! С тобою я пойду,
Вступлю в их круг, тебя в него введу
И познакомлю с новыми гостями.
Что скажешь, друг? Равнина здесь тесна ль?

Взгляни: конца не видно в эту даль!
Здесь тысячи огней горят рядами;
Болтают, пляшут, варят, любят, пьют, –
Чего же лучше? Чем же худо тут?

Фауст

Как мы войдем? Намерен притвориться
Ты колдуном иль чертом к ним явиться?

Мефистофель

Инкогнито я мог бы предпочесть,
Но всяк свой орден в праздник надевает.
Меня «подвязка» хоть не украшает,
Зато копыту здесь большая честь.
Смотри: ползет улитка; протянула
Она рога свои навстречу нам.
Пронюхала, кто я такой, смекнула!
Не скрыться здесь, хоть и хотел бы сам.

Мы от огня к огню пойдем повсюду;
Ты будешь женихом, я – сватом буду.

(Подходит к нескольким сидящим у тлеющих углей.)

Что, господа, сидите в стороне?
Вы лучше время провели бы
Средь молодежи в толкотне;
А так сидеть и дома вы могли бы!

Генерал

Кто может верить нациям беспечно?
Я делал им добро – и что ж?
Толпа – как женщина, и вечно
У ней в почете только молодежь.

Министр

Народ теперь о правде позабыл,
Былое времечко умчалось.
Тот век, когда пред нами все склонялось, –
Век золотой, поверьте, был.

Parvenu

И мы неглупы были ведь небось!
Мы всем по-своему вертели,
И вдруг пошло все вкривь и вкось,
Когда свой труд упрочить мы хотели.

Автор

Кто книгу с мыслью умной и благой
Теперь у нас читает, в самом деле?
Нет, молодежь до дерзости такой
Дошла теперь, как никогда доселе!

Мефистофель

(на миг являясь дряхлым стариком)

Народ созрел, и близок страшный суд;
В последний раз на Брокен я взбираюсь.
Так мутно дни мои текут,
Что и весь мир к концу идет, ручаюсь!

Ведьма-ветошница

Не проходите, господа!
Удобный случай уловите,
Мои товары посмотрите:
Я много их снесла сюда;
Мой магазин – пребогатейший;
Ему на свете равных нет.
Здесь ни вещицы нет малейшей,
Не наносившей миру вред:
Здесь нету шпаги, кровью не облитой;
Здесь кубка нет, в котором не бывал
Когда-нибудь напиток ядовитый;
Убора нет, который не прельщал
Невинных дев, и каждый здесь кинжал
Противника изменой убивал.

Мефистофель

Эх, тетенька, ты плохо постигаешь
Дух времени: что было, то прошло.
Ты новостей зачем не предлагаешь?
Нас новое скорей бы привлекло.

Фауст

Однако здесь совсем остолбенеешь:
Вот так базар! Тут оторопь берет.

Мефистофель

Стремится кверху весь водоворот:
Ты думаешь, что сам толкать умеешь,
Глядишь – тебя ж толкают все вперед.
Кто это там?

Фауст

Мефистофель

Знать хочешь, кто она?
Всмотрись: Лилит.

Фауст

Кто?

Мефистофель

Первая жена

Адама. Берегись косы ее касаться:
Коса – ее единственный убор.
Кого она коснется, тот с тех пор
Прикован к ней, не может с ней расстаться.

Фауст

Вон там старуха с молодой присела.
Умаялись – им пляска надоела.

Мефистофель

Ну нет: сегодня отдых здесь плохой.
Вот пляшут вновь: пойдем и мы с тобой!

Фауст

(танцуя с молодой)

Прекрасный сон я раз видал:
Я перед яблоней стоял;
Вверху два яблочка на ней;
Я влез на яблоню скорей.

Красавица

Всегда вам яблочки нужны:
В раю вы ими прельщены.
Я рада, что в моем саду
Я тоже яблочки найду!

Мефистофель

(танцуя со старухой)

Встревожен был я диким сном:
Я видел дерево с дуплом;
В дупле и сыро, и темно,
Но мне понравилось оно.

Старуха

Копыта рыцарь, я для вас
Готова всем служить сейчас:
Дупло охотно я отдам,
Когда оно не страшно вам.

Проктофантасмист

Народ проклятый! Как вы это смели?
Не ясно ль вам доказано давно,
Что духам ног телесных не дано?
А вы плясать, как люди, захотели!

Красавица

(танцуя)

А он зачем пришел на бал?

Фауст

(танцуя)

Э, где он только не бывал!
Другие пляшут – он их осуждает:
Когда ж на каждый шаг рацей он не найдет,
То этот шаг он просто отрицает.
Всего больней ему, что мы идем вперед;
Вот если б вы на месте все кружились,

Как он на старой мельнице своей, –
Возликовал бы он душою всей,
Особенно когда б ему вы поклонились.

Проктофантасмист

Вы здесь еще? Нет, вынести – нет сил!
Исчезните! Ведь я же разъяснил.
Но эти черти к поученьям глухи!
Мы так умны, – а в Тегеле есть духи!
Как долго я ни просвещал людей,
А толку нет! Неслыханно, ей-ей!

Красавица

Когда же он надоедать нам бросит?

Проктофантасмист

Вам всем в лицо свой приговор я шлю.
Я деспотизма духов не терплю:
Мой дух его не переносит.

Пляска продолжается.

Сегодня мне ничто не удается,
Но продолжать я путь готов,

И, может быть, в конце концов
Поэтов и чертей мне победить придется.

Мефистофель

Постой, вот он сейчас увязнет в луже той,
Где успокоиться от всех трудов он может;
А как пиявка там крестец ему погложет,
Забудет духов он и дух испустит свой.

(Фаусту, который оставляет пляску.)

А где ж, скажи, красавица твоя?
Она, танцуя, так приятно пела.

Фауст

Во время пенья вдруг увидел я,
Как с губ у ней мышь красная слетела.

Мефистофель

И только? Строго ж ты, мой друг, на все глядишь!

Благодари судьбу – не серая хоть мышь.
Ведь в час любви до этого нет дела.

Фауст

Еще я вижу…

Мефистофель

Что?

Фауст

Вдали передо мной
Встал образ девы бледной и прелестной.
Она ступает медленной стопой,
Как будто цепью скованная тесной.
Признаться, в ней, когда гляжу,
Я сходство с милой Гретхен нахожу.

Мефистофель

Оставь ее: бездушна дева эта,
Всего лишь тень, бегущая рассвета.
С ней встреча – смерть, не счастье, не

любовь;

При встрече с ней вмиг стынет в жилах кровь

И человек, как камень, замирает.

Миф о Медузе, – кто его не знает?

Фауст

Глаза ее недвижно вдаль глядят,

Как у усопшего, когда их не закрыла

Рука родная. Это Гретхен взгляд.

Да, это тело, что меня прельстило!

Мефистофель

Ведь это колдовство! Обман тебя влечет:

Красавицу свою в ней каждый узнает.

Фауст

Какою негою, мучением каким

Сияет этот взор! Расстаться трудно с ним!

Как странно под ее головкою прекрасной

На шее полоса змеится нитью красной,
Не шире, чем бывает острый нож!

Мефистофель

Давно все это знаю я: ну что ж?
Под мышку голову берет она порою,
С тех пор как ей срубил ее Персей.
Ты все, как прежде, носишься с мечтою.
Вперед, на холм за мною поскорей!
Он весь покрыт веселою толпою:
Как в Пратере, кипит веселье тут!
Уж не театр ли? Мне сдается,
Что скоро здесь спектакль начнется.
Что здесь у вас?

Servibilis

Сейчас начнут.
Последнее, седьмое, представленье –
Всегда уж столько принято давать.
Любителя на сцене сочиненье,
Любители здесь будут и играть.
Я ухожу – прошу в том извиненья:

Я сам любитель – занавес поднять.

Мефистофель

На Блоксберге такие представленья
Как раз у места, без сомненья.

Сцена двадцать вторая
Сон в валыпургиеву ночь, Или золотая свадьба Оберона и Титании

Интермедия.

Директор театра

Дам я, Мидинга сыны,
Отдых вам и смену.
Холм и поле здесь должны
Заменить нам сцену.

Герольд

Ах, для свадьбы золотой –
Пятьдесят лет дата,
Но и мир между четой
Драгоценней злата!

Оберон

Пусть сегодня духов рой

Верность мне покажет:
В этот час меня с женой
Дружба снова свяжет.

Пук

Пук идет, вертясь, крутясь,
В такт ногой ступая;
Духов рой за ним, смеясь,
Мчится припевая.

Ариэль

Много знает Ариэль
Песенок чудесных;
Много рож пленяет трель,
Много лиц прелестных.

Оберон

Чтобы в мире муж с женой
Жили, мы – наука;
Чтобы дружной быть четой,
Нам нужна разлука.

Титания

Зла жена, ворчун супруг, –
Надо разлучиться!
Пусть жена спешит на юг,
Муж на север мчится.

Оркестр

(tutti fortissimo)[7]

Мухи, мошки и жучки,
Разные таланты,
И лягушки, и сверчки –
Вот и музыканты!

Solo

Вон волынка там гудит,
А пузырь-то мыльный;
Толстый нос жужжит, сопит,
Мелет вздор обильный.

---

[7] Сноски: 7
Все очень громко *(ит.).*

Дух, только что образующийся

Жаба, ноги паука
И, как прибавленье,
Крылья: нет еще зверька,
Есть стихотворенье.

Парочка

Краток шаг, высок прыжок
По траве росистой…
Ходишь ты, но ты б не мог
Взвиться в воздух чистый.

Любопытный путешественник

Маска ль это? Кто бы мог
Верить? Что за чудо!
Оберон, прекрасный бог,
Ты пришел откуда?

Ортодокс

Нет рогов и нет когтей,
Но причислен нами

Все ж и он к числу чертей
С древними богами.

Северный художник

Схвачу один я здесь кругом
Эскизы, я уверен;
Зато в Италию потом
Уехать я намерен.

Пурист

О я несчастный! Для чего
Пришел я? Что за мерзость!
Я вижу: ведьмы две всего
Напудрены. О дерзость!

Голая Ведьма

Я пудры с платьем не взяла –
Старухам уступаю.
Нагая села на козла
И тела не скрываю.

Старая ведьма

Мы слишком опытны, умны,
Не станем спорить с вами.
Что юность, свежесть! Сгнить должны,
Как мы, вы скоро сами.

Капельмейстер

Мухи, мошки и жучки,
Что пристали к голой!
Вы, лягушки и сверчки,
Дайте такт веселый!

Флюгер

(в одну сторону)

В прекрасном обществе я тут:
Невесты взор прельщают,
И кавалеров круг не худ –
Премного обещают!

(В другую сторону.)

Коль не раскроется сейчас
Земля, их поглощая,
Готов уйти от них как раз
Хоть в самый ад тогда я.

Ксении

Как мухи, в этой стороне
Примчались мы с клещами:
Хотим папаше сатане
Мы поклониться сами.

Геннингс

Они слетелись в тесный рой –
Хотят острить над нами –
И скажут: «С доброй мы душой
И с добрыми сердцами».

Мусагет

Недурно здесь: как раз мой вкус!
Мне ведьмы очень милы:
Скорей меж них, чем между муз,
Гожусь я в заправилы.

Ci-devant гений своего времени

Ты ладь с людьми, так в люди сам
Пройдешь и ты бесспорно.
Как на Парнасе нашем, нам
На Брокене просторно.

Любопытный путешественник

Скажите, как его зовут?
Надменный, сановитый,
Готов везде он нюхать: тут
Не скрыты ль иезуиты?

Журавль

Чиста ль вода, мутна ль вода –
Ловлю я рыбу все же.
Так и святоша иногда
К чертям заходит тоже.

Сын мира

Святоши, верьте мне, возьмут
Все средства без разбора:

Пожалуй, Брокен изберут
Как место для собора.

Танцор

Как? Новый хор примчался к нам?
Вдали трезвонят что-то.
Нет, это выпи стонут там,
Крича на все болото.

Танцмейстер

Пошли плясать и так и сяк, –
Стараться все решили;
Бежит хромой, бежит толстяк,
О грации забыли.

Скрипач

Весь этот сброд всего сильней
Друг друга съесть желает;
Но, как Орфей смирял зверей,
Волынка их смиряет.

Догматик

Не может критика спугнуть,
Ввести меня в сомненье:
Черт должен быть хоть чем-нибудь,
А то – он измышленье.

Идеалист

Клянусь, фантазия моя
На этот раз чрезмерна;
И если это все есть я,
То глуп я стал, наверно.

Реалист

Меня все это здесь сейчас
Как будто злит нарочно:
Стою сегодня в первый раз
Я на ногах непрочно.

Супернатуралист

Мне в этой весело стране!
Возможно, без сомненья,

По духам зла составить мне
О добрых духах мненье.

Скептик

За огоньком бегут опять
И ищут клад до смерти.
Я на посту, чтоб рифмовать,
Где «черти», там «не верьте».

Капельмейстер

Вы, лягушки и сверчки, –
Просто дилетанты!
Мухи, мошки и жучки,
Вы же музыканты!

Ловкие

Sans souci все нас зовут;
Не сравняться с нами:
Ноги больше не идут –
Ходим вверх ногами.

Неловкие

Ловили прежде мы куски,
А нынче – ну их к богу!
Идем, стоптавши башмаки,
Мы на босую ногу.

Блуждающие огни

Мы явились из болот,
Из далекой чащи,
Но средь сброда мы – народ
Все-таки блестящий!

Падающая звезда

Я с высоты упала, свет
Повсюду разливая, –
И вот подняться силы нет,
Лежу в траве одна я.

Массивные

Нам места, места, тесно тут!
Ложись, трава, под нами:

То духи, духи к вам идут
С тяжелыми ногами.

Пук

Что за грубый шум и стук!
Вы, слоны, смирнее!
Хочет сам сегодня Пук
Всех быть тяжелее.

Ариэль

Если дал вам дух живой
Иль природа крылья,
В край цветущих роз за мной
Мчитесь без усилья!

Оркестр

(pianissimo)

Мгла тумана на полях
Проясняться стала;
Ветер шепчет в камышах –
Мигом все пропало.

Сцена двадцать третья
Пасмурный день. Поле

Фауст и Мефистофель.

Фауст

В одиночестве! В отчаянье! В страданиях долго блуждала она по земле — и вот теперь заключена, заключена в темницу на ужасные мучения, как преступница, — она, это несчастное, милое создание. Вот до чего дошло! И ты, изменник, недостойный дух, смел скрывать все это от меня! Стой же, стой теперь и вращай яростно своими сатанинскими очами! Стой и терзай меня невыносимым своим присутствием! В плену! В невыразимом мучении! Предана власти духов зла и бесчувственно осуждающего человечества! И ты стараешься развлечь меня отвратительными удовольствиями, скрываешь от меня ее растущее горе, оставляешь ее гибнуть без помощи!

Мефистофель

Она не первая.

Фауст

Пес! Отвратительное чудовище! — О дух бесконечный! Преврати его, преврати червя этого в его собачий образ, который он так часто принимал ночью, бегая предо мною, вертясь под ногами беззаботного путника и бросаясь на плечи, чтобы увлечь падающего. Преврати его в этот излюбленный им образ, чтобы он пресмыкался передо мной по земле, чтоб я мог ногами топтать его, отверженного. Не первая! О муки, муки, невыносимые для души человека! И не одно такое создание погибло в бездне горя и несчастья! И эта первая недостаточно искупила пред очами всепрощающего все грехи прочих в своем ужасном, смертном горе! Мозг мой и мое сердце терзаются, когда я смотрю на одну эту страдалицу, а ты издеваешься хладнокровно над судьбою тысяч существ!

Мефистофель

Да, теперь мы снова приближаемся к границам нашего остроумия — туда, где человек теряет управление своим рассудком. К чему же ты вступаешь в общение с нами, когда не в силах поддержать его? Хочешь летать — и боишься, что голова закружится? Мы ли тебе навязывались или ты нам?

Фауст

О, не скаль же так на меня свои прожорливые зубы: это отвратительно! — О великий, чудесный дух, удостоивший меня видеть лицо свое! Ты знаешь сердце мое, душу мою: к чему же было приковывать меня к этому постыдному спутнику, который во зле видит свою жизнь, а в убийстве — наслажденье!

Мефистофель

Скоро ты кончишь?

Фауст

Спаси ее, или – горе тебе! Тягчайшее про-

клятие на голову твою на тысячи лет!

Мефистофель

Не в моих силах разрывать узы мстителя и снимать его затворы. Спасти ее! Но кто, скажи, ввергнул ее в бездну погибели? Я или ты?

Фауст дико озирается кругом.

За громы схватиться хочешь? Счастье, что не вам даны они, жалким смертным! Раздробить невинного возражателя — вот известный прием тиранов, к которому они прибегают, когда их поставят в тупик!

Фауст

Веди меня туда! Она должна быть свободна.

Мефистофель

А опасность, которой ты сам подвергаешься? Знай, что в городе ты оставил следы твоего кровавого греха. На месте убийства парят мстительные духи и ждут возвращения убийцы.

Фауст

Что еще предстоит мне от тебя? Смерть и про-

клятие всей вселенной на тебя, чудовище! Веди меня, говорят тебе, и освободи ее!

Мефистофель

Изволь, я сведу тебя. Слушай же, что я могу сделать: ведь не все же силы земли и неба в моей власти. Я могу помрачить ум тюремщика, а ты завладей ключами и выведи ее человеческою рукою. Я буду на страже: волшебные кони, которые умчат вас, будут готовы. Вот все, что я могу.

Фауст

Туда — и сейчас же!

Сцена двадцать четвертая
Ночь. Открытое поле

Фауст и Мефистофель мчатся на вороных конях.

Фауст

Зачем там слетелись у плахи они?

Мефистофель

Не знаю, но вижу – там что-то творят.

Фауст

Взлетают, кружатся, спускаются вниз.

Мефистофель

То ведьмы.

Фауст

Свершают какой-то обряд.

Мефистофель

Пускай их колдуют! За мною, вперед!

Сцена двадцать пятая
Тюрьма

Фауст со связкой ключей и лампой перед железной дверью.

Фауст

Вся скорбь людей скопилась надо мною:
Давно мне чуждым страхом я объят;
Вот здесь ее, за влажною стеною,
Невинную, оковы тяготят.
Что ж медлишь ты, войти не смея?
Боишься встретить милый взгляд?
Твой страх – ей смерть! Вперед скорее!

(Хватается за замок.)

Песня внутри

Мать, распутница мать,
Погубила меня;
Мой отец, негодяй,
Изглодал всю меня;

А сестричка моя
Мои кости нашла,
Тайно в поле снесла.
Резвой птичкою я
Мчусь в чужие края!

Фауст

(отворяя дверь)

Не чувствует она, что милый здесь стоит!
Лишь цепь на ней гремит, солома шелестит.

(Входит.)

Маргарита

(прячась на кровати)

Идут! Настал час смертный мой!

Фауст

(тихо)

Молчи, молчи: свободна будешь!

Маргарита

(бросаясь перед ним на колени)

Кто б ни был, сжалься надо мной!

Фауст

Потише: стражу ты разбудишь!

(Начинает разбивать цепи.)

Маргарита

(на коленях)

Кто власть тебе такую дал,
Палач, над бедной надо мною?
Меня будить ты в полночь стал…
О, сжалься и оставь живою
Хоть до утра – казни тогда!
Я молода, так молода,
И вот заутра умираю!

(Встает.)

Я хороша была – за то и погибаю!

Был близок друг, теперь далек,
Цветы увяли, сорван мой венок…
О, не хватай меня ты, умоляю!
Тебе я зла не делала, поверь:
Мы в первый раз встречаемся теперь.
Палач, палач, услышь мои моленья!

Фауст

Переживу ль все эти я мученья!

Маргарита

Палач, твоя теперь я, вся твоя!
Свою бы дочь я только накормила:
Всю ночь ее в слезах ласкала я.
Ее украли, чтобы я тужила,
А говорят, что я ее убила.
Я никогда не буду весела:
Ведь про меня и песня ходит злая…
Такая в сказке, правда, мать была;
Но разве я такая?

Фауст

(становясь на колени)

Возлюбленный у ног твоих лежит;
Он от цепей тебя освободит.

Маргарита

(падая рядом с ним на колени)

Скорей на колени!
Смотри, у ступени,
У двери зияет
Весь ад и пылает;
Злой дух там стоит,
Шумит и гремит.
Дрожу от испуга!

Фауст

(громко)

Гретхен! Гретхен!

Маргарита

(прислушиваясь)

Это голос друга!

(Вскакивает. Цепи падают.)

Я слышу, он зовет меня!
Свободна я, свободна я!
К нему помчусь я, изнывая,
К нему прильну я, отдыхая!
Он звал меня: «Гретхен!» У двери стоял он,
Сквозь крики бесовские громко взывал он,
Сквозь хохот, и грохот, и яростный вой
Я слышала голос знакомый, родной.

Фауст

Я здесь!

Маргарита

Ты здесь? О, повторить нельзя ль?

(Обнимая его.)

Ты здесь, ты здесь? Где вся моя печаль?

Где страх тюрьмы? Ты цепи разбиваешь!

Ты здесь: пришел и из тюрьмы спасаешь!

Я спасена! А вот и улица опять,

Где в первый раз тебя пришлось мне повстречать.

А вот и сад я увидала,

Где с Мартою тебя я поджидала.

Фауст

(увлекая ее)

Идем! Идем!

Маргарита

О милый, подожди!

(Ласкается к нему.)

Так любо мне с тобою!

Фауст

Выходи!
Спеши – не то ты горько пожалеешь!

Маргарита

Иль целовать ты больше не умеешь?
Ты лишь на миг со мной в разлуке был –
И целовать меня уж позабыл!
О, отчего теперь перед тобой дрожу я,
Когда еще вчера в тебе, в твоих словах
Я находила рай, как в ясных небесах,
И ты душил меня в объятиях, целуя?
Целуй, целуй скорей меня.
Не хочешь – поцелую я
Тебя сама!

(Обнимает его.)

Увы, остыла
Твоя любовь; твои уста
Так стали холодны! Твоих объятий сила
Исчезла… То ли прежде было?

О горе, горе мне! Иль я уже не та?

(Отворачивается от него.)

Фауст

За мной, за мной! Опомнись, дорогая:
Я твой всегда от сердца полноты!
Иди – молю лишь об одном тебя я!

Маргарита

(оборачиваясь к нему)

Так это ты? Наверно это ты?

Фауст

Я, я! Идем!

Маргарита

И ты освобождаешь
Меня, мой друг, и к сердцу прижимаешь?
Ужель тебе не страшно быть со мной?
Да знаешь ли, кого ты, милый мой,
Освободил?

Фауст

Уж стало рассветать!

Маргарита

Ах! я свою убила мать,
Свое дитя убила я!
Ребенок, дочь моя, твоя...
Твоя? Ты здесь? Да, это он!
Дай руку! Это был не сон?
Рука твоя; но оботри
Ее скорее: посмотри –
Дымится кровь его на ней!
Что сделал ты! Скорей, скорей
Вложи в ножны свой страшный меч,
Вложи, чтоб больше не извлечь!

Фауст

Что было – вновь тому не быть;
Но ты нас можешь погубить.

Маргарита

О нет, живи, живи, мой милый!

Послушай, вырой три могилы…

С зарей придется умирать…

На первом месте будет мать,

С ней рядом брат мой будет спать.

А я – поодаль, но немного.

Немного, милый, ради бога!

Ребенка ж положи ты на груди моей:

Кому ж, как не ему, лежать теперь со мною?

А помнишь, милый друг, как много мы с тобою

Когда-то провели блаженно-чудных дней!

Теперь мне обнимать уж больше не придется

Тебя, мой дорогой, затем, что мне сдается,

Что ты меня в ответ с презреньем оттолкнешь.

А все же это ты, все так же добр, хо-

рош!

Фауст

Коль любишь ты меня, за мною ты пойдешь!

Маргарита

Куда?

Фауст

На волю!

Маргарита

Что ж, когда могилу там
Найду и с нею смерть, – пойдем дорогой тою
К загробной тишине, к безмолвному покою;
Но дальше – ни на шаг... Идешь ты, милый мой?
О, если бы и я могла идти с тобой!

Фауст

Ты можешь, если б только захотела!

Маргарита

Нет, мне нельзя! Надежда улетела!
Зачем бежать? Меня там стража ждет…
Жить в нищете так тягостно и больно!
А совесть? Как не вспомнить все невольно.
Так горько мне идти в чужой народ…
Да и поймают скоро нас, я знаю!

Фауст

Я остаюсь!

Маргарита

Спеши же, заклинаю!
Ступай все вниз, все вниз,
К ручью спустись,

Тропинку там найди
И в лес войди.
Налево под мостом
Одна она лежит,
И плачет, и кричит,
Влекомая ручьем.
Она жива. Хватай,
Хватай ее, спасай!

Фауст

Приди в себя! Не медли боле!
Опомнись: шаг – и ты на воле!

Маргарита

Нам только бы гору скорей миновать:
На голом там камне сидит моя мать, –
По жилам мороз пробегает…
На голом там камне сидит моя мать
И мне головою кивает.
Недвижны глаза; голова тяжела…
Не встать ей: увы! она долго спала –

Уснула, чтоб мы без нее наслаждались...

Дни счастья минули; куда вы умчались?

Фауст

Ни словом, ни просьбой увлечь не могу я –

Так силой с собою тебя увлеку я!

Маргарита

К чему насилье? О, оставь, молю!

Не жми так крепко руку ты мою, –

И без того покорною была я.

Фауст

Уж скоро день! Опомнись, дорогая!

Маргарита

День? Скоро день? То день последний мой,

А должен бы он быть днем свадьбы нам с тобой!

Смотри, мой друг, чтоб люди не узнали,
Что был ты у меня. Венок мой разорвали, –
Увы, беда стряслася надо мной!
Постой, еще мы встретимся с тобой,
Не в хороводе только, нет, едва ли!
Безмолвно дыханье свое затая,
Теснится толпа; их так много:
Вся площадь полна, вся дорога…
Чу, колокол слышится… Вот уж судья
Сломал свою палочку… Разом схватили,
Связали, на плаху меня потащили!
И каждому страшно: пугается он,
Как будто топор и над ним занесен…
Вокруг тишина, как под крышкою гроба!

Фауст

О, если б не был я рожден!

Мефистофель

(в дверях)

За мной, иль вы погибли оба!
Скорей, восток уж озарен!
Оставьте ваши вздохи, ахи!
Дрожат уж кони, жмутся в страхе!

Маргарита

Кто из земли там вырос? Он!
То он! Нельзя дышать при нем!
Зачем на месте он святом?
За мной?

Фауст

Ты жить должна! Скорее!

Маргарита

Суд божий, предаюсь тебе я!

Мефистофель

За мной, иль с ней тебя покину я!

Маргарита

Спаси меня, господь! О боже, я твоя!
Вы, ангелы, с небес ко мне слетите!
Меня крылами осените!
Ты, Генрих, страшен мне!

Мефистофель

Она
Навек погибла!

Голос свыше

Спасена!

Мефистофель

(Фаусту)

За мной скорее!

(Исчезает с Фаустом.)

Голос Маргариты

(из тюрьмы, замирая)

Генрих! Генрих!

Часть вторая

Действие первое
Живописная местность

Фауст лежит, утомленный, на цветущем лугу, в беспокойном сне. Сумерки. Над Фаустом парит хор прелестных малюток-духов.

Ариэль

(пение, сопровождаемое звуками эоловых арф)

В дни, когда весна сияет,
Дождь цветов повсюду льет,
Поле в зелень одевает,
Смертным радости несет, –
Крошек-эльфов дух великий
Всем спешит смягчить печаль;
Свят ли он иль грешник дикий,
Несчастливца эльфам жаль.
Вы, что сюда слетелись в рой свободный,
Исполните долг эльфов благородный:

Смирите в нем свирепый пыл борьбы,
Смягчите боль жестокую упрека,
Изгладьте память ужасов судьбы.
В безмолвии ночном четыре срока.
Не медлите ж! Слетясь со всех сторон,
Его склоните нежно к изголовью,
Росою Леты окропив с любовью, –
Усталые расправит члены сон,
И день он встретит бодр и укреплен.
Итак, скорее подвиг свой начните:
К святому свету вновь его верните!

Хор эльфов (поодиночке, по два и по нескольку, чередуясь и соединяясь)

(Sérénade)

Теплый воздух безмятежен,
Тихо в зелени полян,
Сладок запах и безбрежен
Легкий вечера туман;
Нашепчите ж мир ночлега,
Детским отдыхом маня,
И очам усталым нега

Пусть затворит двери дня!

(Notturno)

Ночь восходит, рассыпая
Сотни звезд по небесам;
Рой светил горит, мерцая,
Блещет здесь, сияет там;
Спят озер зеркальных воды:
Чисто небо, ночь ясна,
И над тихим сном природы
Пышно царствует луна.

(Mattutino)

Пусть текут часы забвенья,
Грусть и радость устраня;
Близко время исцеленья, –
Верь же вновь сиянью дня!
По долине меж холмами
Тихо в зелени дерев,
И сребристыми волнами
Нива зыблет свой посев.

(Réveil)

Достижимы все стремленья;
Посмотри: заря ясна!
Слабы цепи усыпленья, –
Сбрось же, сбрось оковы сна!
Меж медлительной толпою
Будь творцом отважных дел!
Всемогущ, кто чист душою,
Восприимчив, быстр и смел.

Сильный шум возвещает восход солнца.

Ариэль

Чу! Шумят, бушуют Оры!
Шум их слышат духов хоры;
Новый день увидят взоры!
Чу! Скрипят ворота неба!
Чу! Гремят колеса Феба!
Сколько шуму вносит свет!
Трубный звук гудит и мчится,
Слепнут очи, слух дивится,
Лишь для смертных шума нет!

Поскорей к цветам спешите,
Глубже, глубже в них нырните:
Скройтесь в листья, в щели скал,
Чтоб вас шум не оглушал!

Фауст

Опять ты, жизнь, живой струею льешься,
Приветствуешь вновь утро золотое!
Земля, ты вечно дивной остаешься:
И в эту ночь ты в сладостном покое
Дышала, мне готовя наслажденье,
Внушая мне желанье неземное
И к жизни высшей бодрое стремленье.
Проснулся мир – и в роще воспевает
Хор стоголосый жизни пробужденье.
Туман долины флером одевает,
Но озаряет небо предо мною
Их глубину. Вот ветка выступает,
Не скрытая таинственною мглою;
За цветом цвет является, ликуя,
И блещет лист трепещущей росою.

О чудный вид! Здесь, как в раю, сижу я!
А там, вверху, зажглися гор вершины,
Зарделись, час веселый торжествуя.
Вы прежде всех узрели, исполины,
Тот свет, который нам теперь сияет!
Но вот холмы и тихие долины
Веселый луч повсюду озаряет,
И ниже все светлеют очертанья.
Вот солнца диск! Увы, он ослепляет!
Я отвернусь: не вынести сиянья.
Не так ли в нас высокие стремленья
Лелеют часто гордые желанья
И раскрывают двери исполненья, –
Но сразу мы в испуге отступаем,
Огнем объяты и полны смущенья:
Лишь светоч жизни мы зажечь желаем.
А нас объемлет огненное море.
Любовь тут? Гнев ли? Душно; мы страдаем;
Нам любо, больно в огненном просторе;

Но ищем мы земли – и пред собою
Завесу снова опускаем в горе.
К тебе я, солнце, обращусь спиною;
На водопад сверкающий, могучий
Теперь смотрю я с радостью живою –
Стремится он, дробящийся, гремучий,
На тысячи потоков разливаясь,
Бросая к небу брызги светлой тучей.
И между брызг как дивно, изгибаясь,
Блистает пышной радуга дугою,
То вся видна, то вновь во мгле теряясь,
И всюду брызжет свежею росою!
Всю нашу жизнь она воспроизводит:
Всмотрись в нее – и ты поймешь душою,
Что жизнь на отблеск красочный походит.

Императорский дворец

Тронный зал. Государственный совет. Трубы.

Входит император с блестящей свитой и садится на трон.

Справа от него становится астролог.

Император

Привет, друзья! Я рад вполне:
Вокруг меня мой двор собрался.
Мудрец со мной; куда ж девался
Дурак, мой шут, скажите мне?

Юнкер

За вашим шлейфом он влачился,
Упал при входе и разбился.
Толстяк был поднят, унесен.
Не знаю – пьян иль умер он.

Другой Юнкер

За ним другой – откуда взялся,
Не знаю – быстро протолкался.
Одет был очень пышно он,
Но безобразен и смешон.
Уж он пробрался до чертога,
Но алебарды у порога
Пред ним скрестила стража тут.

Да вот и он, тот смелый шут!

Мефистофель

(преклоняя колена перед троном)

Что ненавистно – и отрадно?
Что всяк и звать и гнать готов?
Что все ругают беспощадно,
Чтоб защищать в конце концов?
Кого ты звать не должен смело?
Чье имя всех к себе влекло?
Что к трону путь найти сумело?
Что гнать само себя могло?

Император

Довольно, шут, слова плести лукаво,
Твои загадки здесь некстати, право;
Загадки любы этим господам:
Им разгадай их; это будет нам
Приятней. Старый шут покинул сцену,
Пожалуй, стань сюда, ему на смену.

Мефистофель становится по левую сторону трона.

Говор толпы

Вот шут другой, к другой беде!
Откуда он? Как он вошел?
Приелся прежний. Прежний где?
Тот бочка был, а этот – кол.

Император

Итак, о други дорогие,
Привет! Сошлися предо мной
Вы под счастливою звездой:
Сулит нам небо радости большие.
Хотели мы взглянуть на божий свет
Повеселей, от дел освободиться
И маскарадом пышным насладиться.
Помех, казалось, для веселья нет.
К чему сошлись на скучный мы совет?
Сказали вы: «Так надо!» Покоряюсь –
И вот пред вами я теперь являюсь.

Канцлер

Как лик святых сияньем окружен,

Так добродетель высшая венчает
Чело владыки: ею обладает
Лишь он один, и всем он одарен;
Все, что народу нужно, любо, мило,
Нам божество в лице его явило.
Увы! К чему рассудка полнота,
Десницы щедрость, сердца доброта,
Когда кругом все стонет и страдает,
Одна беда другую порождает?
Из этой залы, где стоит твой трон,
Взгляни на царство: будто тяжкий сон
Увидишь. Зло за злом распространилось,
И беззаконье тяжкое в закон
В империи повсюду обратилось.
Наглец присваивает жен,
Стада, светильник, крест церковный;
Хвалясь добычею греховной,
Живет без наказанья он.
Истцы стоят в судебной зале,
Судья на пышном троне ждет;
Но вот преступники восстали,

И наглый заговор растет.
За тех, кто истинно греховен,
Стоит сообщников семья,
И вот невинному «виновен»
Гласит обманутый судья.
И так готово все разбиться:
Все государство гибель ждет.
Где ж чувству чистому развиться,
Что к справедливости ведет?
Перед льстецом и лиходеем
Готов и честный ниц упасть.
Судья, свою утратив власть,
Примкнет в конце концов к злодеям.
Рассказ мой мрачен; но, поверь,
Еще мрачнее жизнь теперь.

Пауза.

И нам нельзя откладывать решенья!
Средь этой бездны зла и разрушенья
И самый сан небезопасен твой.

Военачальник

Все нынче буйны, удержу не знают,
Теснят друг друга, грабят, убивают,
Не слушают команды никакой.
Упрямый бюргер за стенами
И рыцарь в каменном гнезде
Сидят себе, смеясь над нами,
И нас не слушают нигде.
Наемные роптать солдаты стали:
Упорно платы требуют у нас,
И, если б мы им так не задолжали,
Они бы нас покинули сейчас.
Чего б себе они ни запросили –
Не дать попробуй: будешь сам не рад.
Мы защищать им царство поручили,
Они ж его разграбить норовят.
Полцарства гибнет: на раздолье
Они и всю страну сметут,
А короли там, на престоле,
Опасности не сознают.

Казначей

Взывать к союзникам – не много проку;
Обещанных субсидий нет притока:
Казна у нас – пустой водопровод!
В твоих обширных, государь, владеньях
Какие нынче господа в именьях?
Куда ни глянь, везде живет не тот,
Кто прежде жил; всяк нынче независим;
Мы смотрим, чтоб по вкусу мы пришлись им,
А подчинить ни в чем не можем их.
Мы столько прав гражданских надавали,
Что не осталось прав для нас самих.
От разных партий, как бы их ни звали,
Поддержки тоже нет на этот раз.
Хвала и брань их безразличны стали,
Бесплодна их любовь и злость для нас.
Ни гибеллинов нет, ни гвельфов нет и следу:

Все спрятались – потребен отдых им.
Кто нынче станет помогать соседу?
Все делом заняты своим;
У золота все двери на запоре,
Всяк для себя лишь копит: вот в чем горе!
А наш сундук – увы! – нет денег в нем!

Кастелян

Беда и у меня: огромны
Издержки наши; как ни экономны,
А тратим мы все больше с каждым днем.
Для поваров, как прежде, нет стеснений:
Бараны, зайцы, кабаны, олени
У них еще в порядке, как всегда;
Индейки, гуси, утки и цыплята –
Доход наш верный: шлют их таровато.
Все это есть; в вине одном нужда:
Где прежде полных бочек массы были
И лучших сборов лучший цвет хранили –

Все до последней капли истребили
Попойки вечные сиятельных господ.
Для них открыл и магистрат подвалы:
И вот звенят их чаши и бокалы;
Все под столом лежат, и пьянство все растет.
Я счет веду: платить за все ведь надо,
И ростовщик нам не дает пощады.
По векселям он вечно заберет
Изрядный куш на много лет вперед.
Давно у нас уж свиньи не жирели,
Заложен каждый пуховик с постели,
И в долг мы каждый подаем обед.

Император

(после некоторого размышления, Мефистофелю)

Ты тоже, шут, немало знаешь бед?

Мефистофель

Я? Никогда! Я вижу блеск чудесный,
Тебя и пышный двор. Сомненья неумест-

ны,
Где нерушимо сам монарх царит,
Врагов своих могуществом разит,
Где светлый ум, и доброй воли сила,
И мощный труд царят на благо нам, –
Как может зло и мрак явиться там,
Где блещут эти чудные светила?

Говор толпы

Мошенник, плут! Умен, хитер!
Он лжет бесстыдно! С этих пор
Я знаю, что нам предстоит.
А что? Проект он сочинит.

Мефистофель

Везде своя нужда: таков уж белый свет!
Здесь – то, другое – там. У нас вот денег нет;
И деньги на полу искать напрасно,
Но золото есть под землею, ясно.
Войдите в тьму пещер глубоких: там

В кусках, в монетах золото сверкает.
А кто его из бездны извлекает?
Дух выспренний, природой данный нам.

Канцлер

Природа, дух – таких речей не знают
У христиан, за это ведь сжигают
Безбожников: такая речь вредна!
Природа – грех, а дух есть сатана:
Они лелеют в нас сомненье,
Любимое сил адских порожденье.
Нет, здесь не то! Два рода лишь людей
Имеет государь в империи своей:
То божьих алтарей служители святые
И рыцари. Они хранят нас в бури злые;
Лишь в них себе опору трон найдет.
За то им земли государь дает.
Пустой толпы безумные затеи
Противостать пытаются порой,
Еретики и злые чародеи
Мутят страну и потрясают строй.
Шуту они любезны свыше меры:

Душе преступной всех они милей.
И смеешь дерзкой шуткою своей
Ты омрачать возвышенные сферы?

Мефистофель

О, как ученый муж заметен в вас сейчас!
Что осязать нельзя – то далеко для вас,
Что в руки взять нельзя – того для вас и нет,
С чем несогласны вы – то ложь одна и бред,
Что вы не взвесили – за вздор считать должны,
Что не чеканили – в том будто нет цены.

Император

К чему ты эту проповедь читаешь?
Мне надоело это: перестань!
Вот денег нет, – скорей же их достань,
Словами ж ты беды не уменьшаешь.

Мефистофель

Достану больше я, чем кажется вам всем;
Все это хоть легко, но трудно вместе с тем.
Клад не далек, но, чтобы докопаться,
Искусство нужно и уменье взяться.
В тот давний век, как толпы дикарей
Губили жадно царства и людей,
Напора орд их человек пугался
И укрывать сокровища старался.
Так было в мощный Рима век, давно;
Но и теперь немало их зарыто,
И все, что там лежит, в земле сокрыто,
Правительству принадлежать должно.

Казначей

Да, хоть дурак, а рассудил он здраво!
Конечно, это государя право!

Канцлер

Вам ставит дьявол золотой капкан:
В преступный хочет вас ввести обман.

Кастелян

Чтоб провиант был у меня в запасе,
Я на обман даю свое согласье.

Военачальник

Дурак умен: всем благ наобещал!
Солдат не спросит, где он деньги взял.

Мефистофель

Я вижу, что у вас сомнений много?
Вот вам мудрец: спросите астролога.
Как дважды два, он знает день и час.
Скажи, что видно в небесах для нас?

Говор толпы

Плуты! Союз уж заключен:
Шут и авгур взошли на трон.

Все песня та ж – сюжет избит:
Глупец велит – мудрец гласит.

Астролог

(повторяя громко тихий подсказ Мефистофеля)

Как золото, нам Солнце свет свой льет;
Меркурий, вестник радостный, несет
Любовь и милость; благосклонный нам
Бросает взор Венера по утрам
И вечером; Луны капризен вид;
Марс, хоть бессилен, гибелью грозит;
Юпитер всех ясней всегда сиял;
Сатурн велик, а кажется нам мал.
Хоть как металл он низко оценен,
Но, если взвесить, полновесен он.
Да, коль сойдутся Солнца лик с Луной,
Сребро со златом, – это знак благой!
Все явится, что б пожелать ты мог:
Дворцы, сады, балы, румянец щек;
Ученый муж доставит это вам,

Исполнив то, что невозможно нам.

Император

Всю речь вдвойне как будто слышу я.
А все же трудно убедить меня.

Говор толпы

Что мелет он
На старый тон?
Врет звездочет!
Алхимик врет!
Сто раз слыхал!
Напрасно ждал!
Опять и тут
Обманет плут!

Мефистофель

Находке верить ли, не знает
Никто из них; дивятся все:
Один альравнов вспоминает,
Другой о черном бредит псе.
Тот трусит, тот смеяться хочет;

Но образумьтесь, верьте мне:
Когда в подошве защекочет
У вас иль зазнобит в спине,
То знайте, что на вас влияет
Природа силою своей:
Струя живая возникает
Из глубочайших областей.
Когда мороз знобит вам тело
И не сидится что-то вам,
Вы в землю вкапывайтесь смело
И тотчас клад найдете там.

Говор толпы

Ух, тяжко! Что-то беспокоит
Меня. Рука, озябнув, ноет.
Мне что-то палец заломило.
А у меня в спине заныло.
По этим признакам – под нами
Лежат сокровища пудами.

Император

Ну, к делу ж! Так ты не уйдешь отсю-

да!
Правдивость слов своих нам докажи
И нам места сокровищ укажи.
Свой меч и скипетр я сложу покуда
И к делу сам немедля приступлю.
Когда не лжешь, осуществлю я чудо,
А если лжешь, тебя я в ад сошлю.

Мефистофель

Туда-то я дорогу твердо знаю.
Конечно, я всего не сосчитаю,
Что там лежит, на свет не выходя.
Пример: крестьянин, землю бороздя,
Златой сосуд порой зацепит плугом;
Порой селитры ищет он простой –
И видит слитки золота. С испугом
И радостью он бедною рукой
Старинные нам открывает своды.
Туда-то, в эти галереи, ходы,
В подземный мир, с киркой проникнуть рад
Искусный муж, преследуя свой клад.

В тех погребах сокровищ чудных груда:
Тарелки, чаши, золотые блюда
Везде рядами пышными стоят;
Что ни бокал – рубинами сверкает;
А из него испить кто пожелает,
Найдет в бочонке старое вино;
А обручи на бочке той старинной –
Поверите ль? – скрепляет камень винный,
А дерево истлело уж давно.
И чем та область мрака не богата!
Да, не одних каменьев там и злата
Довольно – есть и вин большой запас.
Но лишь мудрец их вынесет оттуда.
При свете видеть это все не чудо,
А мрак все тайной делает для нас.

Император

К чему нам мрак, к чему нам тайны эти?
Что драгоценно – покажи при свете:
Кто плутовство во мраке уличит?

«Все кошки ночью серы», – говорит
Пословица. Даю приказ тебе я
Доставить те сокровища скорее!

Мефистофель

Так сам возьми лопату, бур и лом,
И возвеличен будешь ты трудом,
Причем душою снова ты воспрянешь.
Златой телец предстанет вновь тогда,
И всех – себя и свиту – без труда
Вновь украшать алмазами ты станешь,
А камни те, играя и горя,
И красоту возвысят и царя.

Император

Смелей за труд! Скорей за исполненье!

Астролог

(как выше)

Умерь, монарх, могучее стремленье:

Сперва окончить праздник свой решись!

За много дел ты сразу не берись:

Ведь заслужить сперва должны мы сами

Дары земли достойными делами.

Добра кто хочет, должен дух смирить;

Кто жаждет благ, тот должен дух смирить:

Кто алчет вин, над гроздьями трудися;

Кто ждет чудес, тот верой утвердися.

Император

Прекрасно! Пустим празднества мы в ход,

А там – пускай суровый пост придет.

Итак, повеселей во что бы то ни стало

Отпразднуем теперь мы время карнавала!

Трубы. Все уходят.

Мефистофель

Глупцы! Судьба своих даров,
Заслуг не видя, не истратит!
Имей вы камень мудрецов –
Для камня мудреца не хватит.

Маскарад

Обширный зал с примыкающими к нему покоями, декорированный и украшенный для маскарада.

Герольд

Не думайте, что здесь, в стране германской,
Шутов иль бесов танец басурманский
Предстанет вам иль пляска мертвецов:
Для вас веселый праздник здесь готов.
В Рим государь свершил поход далекий;
Перешагнул он Альп хребет высокий
И дивный край во власть стяжал он

там,
Себе на пользу и на радость вам.
Права на трон себе приобретая,
Облобызал священный он башмак –
И вот на нем корона золотая,
А нам принес он шутовской колпак.
Весь наш народ переродился:
Весь светский люд, потехе рад,
В костюм дурацкий нарядился,
Все сумасшедшими глядят,
И всяк умен на свой обычный лад.
Но вот уж гости: к нам они несутся,
То врозь, то парами сойдутся,
Толпой сюда они бегут. –
Скорей войдите же сюда вы!
Что было прежде, то и тут:
Весь мир, любя лишь игры и забавы,
В конце концов – один огромный шут.

Садовницы

(пение, сопровождаемое звуками мандолин)

Разодевшись, как картинки,
Чтоб блеснуть нам при дворе,
Молодые флорентинки,
Мы вперед бежим к игре.
В кудри черные вплетали
Мы цветочек за цветком;
Бархат, шелк, атлас играли
Роль немалую при том.
Мы подделки все находим
Здесь достойными похвал:
Так цветок мы производим,
Чтоб весь год он не увял.
Из цветных кусков мы сшили
Симметричные цветы:
По частям – лоскутья были,
В целом – чудо красоты.
Роль цветочниц, вкус и мода
Сочетались дивно в нас.
Да, с искусственным природа
Тесно в женщине слилась!

Герольд

Снять с голов и рук спешите
Вы в корзинках груз красивый
И на выбор предложите
Всем гостям, что принесли вы.
Зацветет здесь сад чудесный, –
Лишь раскройте нам кошницы;
Одинаково прелестны
И товар и продавщицы.

Садовницы

Подойдите к нам, готовым,
Не торгуясь, продавать,
И разумно – кратким словом –
Всяк, кто взял, умей назвать.

Оливковая ветвь с плодами

Всех цветов милей я взору,
Не склонна к вражде и спору:
Злоба в тягость для меня;
Между стран кладу межу я,

Мира символом служу я,
Тишину в полях храня,
И, надеюсь, здесь, как всюду,
Украшать красавиц буду.

Золотой венок из колосьев

Всем к лицу и всем любезен
Дар Цереры золотой;
И прекрасен и полезен,
Вас украсит он собой.

Фантастический венок

Мох попал сюда нежданно,
Вроде мальвы пестрый цвет!
Для природы это странно,
Но для моды – вовсе нет.

Фантастический букет

Без сомненья, как зовусь я –
Феофраст не скажет сам,
Но пленить надеюсь вкус я
Хоть одной из милых дам,

И, быть может, выбран ею,
Я в прическе запестрею,
Иль приколет кто-нибудь,
Может быть, меня на грудь.

Вызов

Пусть причуда расцветает
По последней пестрой моде
И кокетливо блистает,
Непокорная природе!
Стебельки цветов младые,
Колокольчики златые
Хороши, –

Почки роз

но счастлив тот,
Кто, сокрытых, нас найдет!
Как наступит радость лета
И раскроется бутон,
Кто не будет восхищен
Исполнением обета?
Розы, царствуя, пленят

Сердце, чувство, ум и взгляд.

Под зеленым навесом садовницы красиво раскладывают свои товары.

Садовники

(пение под звуки теорб)

Пусть цветы – глазам отрада,
Вам их свойственно любить;
Но плодов отведать надо:
В них нельзя обману быть.
Вишни, персики и сливы
Блещут смуглою семьей;
Но покушать их должны вы:
Глаз судья о них плохой.
Подходите ж, покупайте,
Выбирайте, что вкусней!
О цветах стихи слагайте;
Плод вкушайте поскорей!

(Обращаясь к садовницам.)

К вам, прелестнейшему хору,
Мы поближе подойдем

И товаров наших гору
Рядом с вами разберем.
Под веселою листвою,
Что в беседках здесь растет,
Всяк найдет перед собою
Почки, листья, цвет и плод.

Оба хора с пением, под звуки теорб и гитар, проходят в глубину сцены, раскладывают свои товары и предлагают их гостям.

Мать и дочь.

Мать

(обращаясь к дочери)

Дочка! чуть ты в жизнь вошла,
Чепчик получила;
Тельцем ты нежна была,
Личиком манила.
О дочурке хлопоча,
Я в мечтах ей богача
В женихи сулила.
Ах, промчался ряд годов –

Толку что-то мало!
Было много женихов –
Даром все пропало!
Тщетно в танцах ты одним
Жала руки, а другим
Томный взор бросала.
Сколько праздников прошло –
Счастье не дается;
В танцах, фантах, как назло,
Нам судьба смеется.
Хоть теперь, в веселый день,
Ты кого-нибудь поддень:
Может быть, нарвется!

Молодые, красивые подруги присоединяются к ним. Раздается шумная, непринужденная болтовня. Затем входят рыбаки и птицеловы с сетями, удочками, клейкими прутьями и другими принадлежностями своего ремесла и смешиваются с толпой. Они бегают по сцене и ловят друг друга. Завязываются веселые разговоры.

Дровосеки

(входя шумно и неуклюже)

Посторонитесь!
Простор мы любим,
Деревья рубим,
Их с треском косим;
Когда ж их носим –
Толчков страшитесь!
Наш труд прилежный
В расчет примите:
Ведь если грубый
Не рубит дубы,
Как может нежный
Прожить, скажите?
Когда б мы дружно
Потеть не стали,
Сознаться нужно,
Что все б дрожали.

Полишинели

(с ужимками)

Глупцы! Вы сроду,
Забыв свободу,
Свой горб сгибали;
Вот мы – так хваты,
Умней трикраты:
Мы нош не знали!
Плащи, штанишки,
Брыжи, манишки
Легки, конечно!
Мы праздны вечно:
К себе не строги,
Лишь в туфли ноги
Мы обуваем;
По рынкам бродим,
Толпою ходим,
Стоим, зеваем;
Пусть, петухами
Крича, над нами
Толпа смеется:
Нам все неймется;

Мы то в разброде,
Скользя в народе,
Угрями вьемся,
То вдруг сойдемся
И скачем шумно,
Крича безумно,
Дурачась смело.
До порицаний,
Похвал и брани
Нам мало дела!

Паразиты

(льстиво)

Вы все, рубаки
И те служаки,
Что уголь жгут нам, –
Полезный люд нам!
Ведь все сгибанье
И все киванье,
Все фразы лести
И все услуги

Кому угодно –
Все это вместе
Без вас, о други,
Для нас бесплодно.
Не будь полена,
Что жжем мгновенно,
Тогда бы чуда
С небес мы ждали,
Чтоб ниспослали
Огня оттуда.
На кухне варят,
Пекут и жарят;
Для лизоблюда
Смотреть отрадно:
Он рыбу чует,
Жаркое, жадно
Схватив, смакует;
У мецената
Кутит богато!

Пьяница

(в полусознанье)

Нет преград сегодня нраву:
Нараспашку здесь я весь.
Все, что создано в забаву,
Я вкусить намерен здесь.
Чок стаканы! Пейте, пейте!
Знай, вино в стаканы лейте!
Ты там сзади: чок дружней!
Чок стаканы! Пить – так пей!
Так жена моя озлилась,
Мой наряд худым нашла;
Я – франтить; она взбесилась,
Жердью в маске назвала.
Ну, и пью я! Пейте, пейте!
Знай, вино в стаканы лейте!
Жерди в масках, чок дружней!
Тост за тостом! Пить – так пей!
Что ж, что пьян я? Примечай-ка:
Я в кредит кутить горазд;
Не хозяин, так хозяйка,
А потом служанка даст.

Пью я! Пейте, пейте, пейте!
Знай, вино в стаканы лейте!
Чокнем, други, подружней, –
Молодцами! Пить – так пей!
В чем веселье нахожу я,
В том стыда нет для меня:
Пусть лежу я, где лежу я,
А стоять не в силах я.

Хор пьяниц

Дружно, братья! Пейте, пейте!
Знай, вино в стаканы лейте!
Кто сидит еще – держись,
Кто упал – под стол вались!

Герольд объявляет приход разных поэтов — певцов природы, двора и рыцарства, певцов любви и одописцев. Все они толпятся и мешают друг другу сказать хоть что-нибудь. Только один успевает выбраться вперед и сказать несколько слов.

Сатирик

Поверьте, мне, поэту,
Одно свершить отрадно:
О том поведать свету,
Что слышать всем досадно.

Певцы ночи и могил не могут ничего сообщить, ибо они ведут с новоявленным вампиром интересную беседу, из которой может развиться новый род поэзии. Герольд отпускает их и вызывает персонажи греческой мифологии. Они являются в современных костюмах, не теряя от того своей самобытности и прелести.

Входят три грации.

Аглая

В жизнь людей мы прелесть вносим:
Грациозно дар давайте!

Гегемона

Грациозно принимайте:
Любо брать нам то, что просим.

Евфросина

В тихой грации своей
Благодарность, мир лелей!

Входят три парки.

Атропос

Прясть живую нить созданья,
Как старейшая, должна я:
Нужно ум иметь и знанья,
Нитку тонкую свивая.
Чтобы нить была нежнее,
Тонкий лен всегда прилажу;
Чтобы нить была ровнее,
Ловким пальцем нить я глажу.
Кто танцует здесь беспечно,
Кто веселью предается, –
Берегись! Ничто не вечно!
Час ударит – нить порвется.

Клото

Выбрать ножницы велела

Мне судьба на этот раз:
Править вовсе не умела
Ими старшая из нас.
Пряжу старую, гнилую
Понапрасну берегла;
Нить надежды золотую
В цвете юности рвала.
Но нередко, без сомненья,
Заблуждалася и я.
Лучше прямо для спасенья
Спрячу ножницы, друзья!
Пусть хоть раз веселым оком
Погляжу я на людей;
Вы ж на празднике широком
Веселитесь здесь дружней.

Лахезис

Мне, разумнейшей, пристало.
Чтоб вела порядок я:
Заблуждений не знавала
Мудрость вечная моя.
Нитка ходит, нитка вьется –

Всем назначены пути:
Никому не удается
Круг заветный перейти.
В мире все перевернется,
Стоит мне о нем забыть;
Дни проходят, время льется:
Вечный ткач мотает нить.

Герольд

(указывая на входящих фурий)

Вот этих трех узнать вы не могли бы,
Хотя б знакомы с древностью вы были;
И тех, что бездну бедствий причинили,
Приятными вы гостьями сочли бы.
То фурии, – но верить мне не станет
Никто. Они красивы, моложавы;
Но троньте их, – увидите тогда вы,
Что хуже змей голубки вас поранят.
Они коварны; но в собранье этом,
Как все, своих пороков не стыдятся,
Под ангельской личиной не таятся,

Бичом являясь страшным перед светом.

Фурии.

Алекто

Что пользы в том? Мы все же вас обманем:
Мы молоды, красивы, склонны к лести.
Задумай кто жениться – о невесте
Ему жужжать мы вечно в уши станем,
Пока ему не станет очевидно,
Что здесь и там другим она мигает,
Тупа, крива, уродлива, хромает,
Что партия такая незавидна.
Невесте же твердим мы в то же время,
Что друг ее беседовал с другою
И говорил о ней с насмешкой злою.
Мирись потом: осталось злое семя!

Мегера

Все это вздор: сойдись они друзьями,
Коль захочу, я зло вокруг посею
И счастье в горе обратить сумею:
Неровен час, неровны люди сами!
И каждый, кто желанным обладает,
Всегда, глупец, к желаньям новым рвется,
Презрев то счастье, что само дается:
Чтоб лед согреть, он солнце покидает.
Да, зло творить умеем мы и любим!
Тогда в союзе с верным Асмодеем
Мы в добрый час по свету зло рассеем,
Тогда легко вселенную мы сгубим.

Тизифона

Меч и яд – не злое слово,
Пусть изменника погубит!
Если он другую любит,
Рано ль, поздно ль – месть готова!
Горечь, желчь воздать сумею

Я за сладкий миг отрады;
Не торгуйся: нет пощады!
По грехам и месть злодею!
На мольбы пусть слов не тратит!
Вопль мой горы оглашает;
«Месть!» – мне эхо отвечает;
Пусть изменник жизнью платит!

Герольд

Подайтесь: гости новые пред нами
Являются! Они не сходны с вами.
Покрытый тканью пышного ковра,
Вот слон сюда подходит, как гора,
С клыками, меж которых хобот вьется.
Загадочно! Но ключ у нас найдется.
На нем сидит прекрасная жена,
Колоссом правит палочкой она;
Над ней, вверху, стоит другая твердо
И, ослепляя блеском, смотрит гордо;
А по бокам слона идут в цепях
Две женщины: одну терзает страх,

Другая – весела. Пускай пред вами
Они свое значенье скажут сами.

Боязнь

Сотни свеч среди тумана
Блещут искрами огня!
Меж личин, в сетях обмана
Крепко держит цепь меня.
Прочь, смеющиеся тени!
В вас врагов я вижу – прочь!
Для враждебных нападений
Вы сошлися в эту ночь.
Враг под маской, с виду дружен, –
Вот он: вижу я теперь!
Он грозил, но, обнаружен,
Ускользнуть спешит за дверь.
Прочь бежать, искать спасенья
Я б хотела, но – увы!
Мне грозит уничтоженье
Сверху, с этой головы!

Надежда

Сестры, здравствуйте! Я с лаской
Вас приветствую! Под маской
Скрылись вы: но что же в этом?
Вы откроетесь пред светом
Завтра утром, без сомненья.
Здесь, при факельном сиянье,
Мы друг другу неприятны;
Но придет день благодатный;
И на воле, без стесненья,
Одиноко иль в собранье
По полям гулять мы станем;
Отдохнем и вновь воспрянем,
Чтоб, нужды не зная, вечно
Новых благ искать беспечно.
Всюду примут нас с приветом,
Всюду нам открытый путь
К благу. Нет сомненья в этом:
Есть же счастье где-нибудь!

Мудрость

Двух врагов людского рода,
Страх с Надеждой, я сковала,
Удалив их от народа,
Всем вам мир я даровала.
Вот я еду, правя мирно,
На живом колоссе с башней;
В путь крутой идет он смирно
Мерной поступью всегдашней.
А над башней перед вами
Та богиня, что проворно
Реет мощными крылами
И которой все покорно.
Блеск и чудное сиянье
Ту богиню окружает:
Славой труд она венчает,
И – Победа ей названье.

Зоило-Терсит

У! У! Я кстати здесь средь вас,
Чтоб к черту всех послать сейчас.

Но больше всех противна мне
Madame Победа в вышине,
С крылами белыми. Она
С орлицей хищною сходна:
Куда Победа ни придет,
Всё перед нею шею гнет.
Но где я славу нахожу,
Там я от ярости дрожу.
В позор пусть честь и в честь позор, –
Ложь в правду, правда в злую ложь
Преобразятся всем в укор!

Герольд

Наглец бесстыдный! Не уйдешь,
Я поражу тебя жезлом!
Скорей свивайся же клубком!
И вот клубок противный вмиг
На месте карлика возник!
О чудо! Стал клубок яйцом,
Яйцо раздулось – что же в нем?
Два страшных вышли близнеца
Вампир с ехидной – из яйца.

Ехидна вьется здесь ползком,
Вампир парит под потолком;
К дверям спешат они вдвоем:
Соединиться вновь – их цель;
Скорей бы я ушел отсель,
Чем третьим быть в союзе том.

Говор толпы

Прочь! Смотри: танцуют там…
Нет, совсем уйти бы нам…
Над моею головой
Привидений вьется рой…
В волосах они жужжат…
И у ног какой-то гад…
Хоть не ранен здесь никто,
Все напуганы зато…
Скверно: тут не до потех,
Это – дело тварей тех.

Герольд

С той поры как в маскараде
Я служу порядка ради

Как герольд – всегда у входа
Я смотрю, чтоб средь народа
Не прокрался к нам губитель:
Твердый, верный я хранитель.
Но теперь я сам в смущенье:
В окнах призрачные тени
Замелькали; не сумею
Вас я силою своею
Защитить от чар нежданных
И видений этих странных.
Нам и карлик был ужасен;
Вот и новое явленье:
Я б хотел его значенье
Объяснить, но труд напрасен –
Сам я недоумеваю.
К вашей помощи взываю,
Чтоб, давая объясненье,
Поддержать мое уменье.
Вот четверкой колесница
Сквозь толпу сюда стремится,
Приближаясь плавно, стройно;
Давки нет, и все спокойно.

Вкруг цветные искры реют,
Звезды яркие пестреют:
Как в волшебной панораме,
Мчатся образы пред нами
С бурной силой меж толпой.
Сторонитесь! Страшно!

Мальчик-возница

Стой!
Кони, вы свой бег воздушный,
Как всегда, узде послушны,
Усмирите! Силе слова
Повинуйтесь: по приказу
Неподвижно станьте сразу
И по слову взвейтесь снова.
Это место нам священно!
Вот вокруг толпа густая
Почитателей бессменно
К нам теснится, возрастая.
Выходи ж, герольд, и смело
Исполняй свое ты дело:
Назови им нас, покуда

Не умчались мы отсюда.
Аллегории пред вами.
Объясни же нас словами.

Герольд

Взять на себя я этого не смею:
Лишь описать, пожалуй, вас сумею.

Мальчик-возница

Попробуй же!

Герольд

Во-первых, милый мой,
Ты молод, свеж и недурен собой.
Еще подросток ты, но, без сомненья,
Уж женщинам внушаешь вожделенья,
Как взрослый; виден уж в тебе жених
И соблазнитель будущий для них.

Мальчик-возница

Приятно слышать! Продолжай толково,

Найди разгадки радостное слово.

Герольд

Блеск черных глаз и мрак кудрей твоих,
Украшенных повязкой драгоценной,
Так хороши! В одежде несравненной,
С каймой пурпурной, в блестках золотых,
Ты взор пленяешь нам. В таком уборе
На девушек похож ты молодых;
Но девушек, на радость или горе,
Сам увлечешь ты: так красив твой вид.
Пройдешь любви ты с ними алфавит!

Мальчик-возница

А этот, что, сверкая златом,
На колеснице здесь сидит?

Герольд

Он кажется царем и кротким и богатым.
Блажен, кого владыка наградит

Своею милостью! Он все свои желанья
Уже осуществил; его высокий взгляд
Лишь ищет, на кого б излить благодеянья,
И счастье расточать даянья
Ему милей, чем богатейший клад.

Мальчик-возница

И только? Кратким быть здесь неудобно:
Его ты должен описать подробно.

Герольд

Кто описать его достойно б мог!
Здоровое лицо, румянец щек
Из-под тюрбана смотрят так приветно;
Одежда блещет роскошью несметной;
Прекрасен он от головы до ног,
И все в его осанке благородно;
Все подтвердят нам это всенародно.

Мальчик-возница

Знай: Плутус он, богатства славный бог!
С ним видеться давно уже желает
Ваш государь – и он себя являет.

Герольд

Но кто же сам ты? Скажешь или нет?

Мальчик-возница

Я – расточительность, поэзия, поэт,
Который совершенство довершает,
Когда свои богатства расточает.
Богат я также: наделен я всем
И не беднее Плутуса ничем.
Ему я пир и танцы оживляю –
Чем беден Плутус, тем я наделяю.

Герольд

Тебе к лицу, конечно, хвастовство.
Но где ж богатство? Покажи его!

Мальчик-возница

Смотрите: щелкну пальцами – и сразу
Сокровища вокруг предстанут глазу.

(Пощелкивая пальцами.)

Вот ожерелье – жемчуга шнурок,
Вот вам застежки, серьги и венок;
Вот гребешки, вот брошки перед вами
И кольца с драгоценными камнями.
И огоньки бросаю я везде,
Не знаю – загорятся ли и где.

Герольд

Как всполошилась вкруг толпа густая,
Теснясь, толкаясь и дары хватая!
Сокровища он сыплет как сквозь сон –
И нет их: все расхватано. Но он,
Как вижу, новый нам обман готовит.
Тот, кто дары его прилежно ловит,
В награду не имеет ничего;
Дар улетает быстро от него,
Лишь по-пустому он хлопочет!

Жемчужной нитки вдруг порвалась связь,

Глядишь – в руках лишь горсть жуков щекочет;

Обманутый глупец их бросить хочет,

Они ж жужжат, вкруг головы кружась.

Другие ждут богатств несметных,

А ловят резвых мотыльков.

Вот плут! Он всем наобещал даров,

А надавал лишь блесток златоцветных!

Мальчик-возница

Ты возвещать умеешь масок ряд,

Однако суть вещей постичь умело,

Конечно, не герольда дело:

Тут более глубокий нужен взгляд.

Но распрей я и споров не любитель,

К тебе я прямо обращусь, властитель!

(Обращаясь к Плутусу.)

Не ты ли сам бразды доверил мне,

Чтоб мог я мчать на этой четверне
Тебя, как ветер? Я ль не правлю ими
Всегда согласно с мыслями твоими?
Не я ли часто взмахом смелых крыл
Тебя победы пальмою дарил?
И, за тебя вступая в бой суровый,
Не побеждал ли я наверняка?
Тебе сплели венок лавровый
Не мой ли ум и не моя ль рука?

Плутус

Что ж, если ты желаешь подтвержденья,
Чтоб убедить свидетельством людей,
Я рад сказать: ты дух души моей!
В твоих делах – мои все помышленья.
И ты меня богаче без сравненья.
Зеленый лавр, доставленный тобой,
Дороже мне короны золотой.
Я всем скажу с душою откровенной,
Что ты мой милый сын благословенный.

Мальчик-возница

(к толпе)

Смотрите ж: я рассеял вкруг
Мой лучший дар из щедрых рук.
То здесь, то там над головой
Сверкнет огонь, что брошен мной:
От одного к другому – прыг,
То медлит, то умчится вмиг
И только изредка столбом
Взойдет над чьим-нибудь челом, –
У большинства ж, едва зажжен,
Сейчас же грустно гаснет он.

Женский говор

Не верьте: это все обман!
Возница этот – шарлатан.
А сзади что за шут присел?
Тощ, точно отроду не ел!
А ущипнуть решись его,
Так не захватишь ничего.

Тощий

Прочь, бабье племя, от меня!
Вы гадки мне! В те времена,
Когда хранила дом жена,
Разумной Скупостью был я,
Дом был богат, мошна – полна:
Все в дом, из дома ж – ни зерна.
Считайте это за порок:
Сундук набит был, все шло впрок!
Теперь пошла иная речь:
Отвыкли женщины беречь,
Ни в чем у них расчета нет –
Желаний больше, чем монет!
Куда ни глянь, долги везде;
Мужья страдают в злой нужде:
Удастся ль что жене напрясть,
Все для себя спешит украсть
Да для любовников своих;
Получше ест, получше пьет
И все, что может, отдает
Толпе любимцев: все для них!

Тем больше к злату страсть моя:
Я скрягой стал; мужчина я!

Предводительница женщин

Сиди с драконами своими,
Скупись! Вот вздумал сочинять!
Мужчин он хочет взбунтовать,
Когда и так не сладишь с ними!

Женщины

(толпой)

Бездельник! Бей его дружней!
Что нам костлявого бояться!
Все это маски: так смелей!
К чему стесняться нам дракона,
Рази его, он из картона!

Герольд

Клянусь жезлом моим! Смиритесь,
И пусть настанет тишина!
Моим веленьям покоритесь!
Но уж угроза не нужна:

Две пары крыльев раскрывая,
Привстали чудища – и вот,
Дорогу спешно им давая,
Отхлынул в ужасе народ.
Драконы пышут, полны гнева,
Огнем чешуйчатого зева, –
Толпа бежит, свободен ход.

Плутус сходит с колесницы.

Герольд

Вот он сошел – как царственно! Десницы
Движением драконам он своим
Дал знак. Они снимают с колесницы
Сундук с казной и скрягу вместе с ним
И Плутусу к ногам несут. Свершилось!
Не дивно ли, как это все случилось!

Плутус

(*вознице*)

Иди! Теперь свободен ты во всем!
Покинь свой труд, тяжелый свыше ме-

ры,

Спеши к себе, в возвышенные сферы,

А здесь тебе не место: здесь кругом

Безумных масок бешеный содом!

Там, где ты светлый взор в даль светлую вперяешь,

Себе принадлежишь, себе себя вверяешь,

Лишь там, среди добра и вечной красоты,

В уединении свой мир воздвигнешь ты.

Мальчик-возница

Послом твоим готов себя считать я,

Ты мил мне, дорог, мы с тобой – собратья.

Где ты, там изобилье; там, где я,

Все чувствуют дар высший бытия;

Тот иль другой колеблется, конечно,

Идти ль за мной, тебе ль служить беспечно;

Те, кто с тобой, пусть в праздности живут;

Кто спутник мне, тому всегда есть

труд.
Свой подвиг я творю не сокровенно:
Едва дохну – и узнан я мгновенно.
Прощай же! Волю мне на этот раз
Ты дал: шепни – и я вернусь сейчас.

(Уезжает так же, как появился.)

Плутус

Теперь пора открыть богатства наши.
Жезлом герольда я коснусь замков.
Открылись! В бездне бронзовых котлов
Кипят короны, кольца, цепи, чаши,
Вкруг плещет крови золотой разлив
И все грозит расплавить, поглотив.

Крики толпы

Смотрите: сколько там даров!
Сундук наполнен до краев!
Златые кубки тают там!
Монет столбы сверкают там!
Червонцев вечный там чекан!
О, как я страстью обуян!

Там все, о чем я лишь мечтал!
Вот на пол падает металл!
Дается сам нам в руки клад;
Нагнись – и сразу ты богат!
Нет: мы, как гром, нагрянем вдруг,
И нам достанется сундук!

Герольд

Глупцы! Чего они хотят!
Ведь это шутка, маскарад!
Чего ж сегодня больше ждать?
Ужели золота вам дать?
Здесь все игра, забава: тут
Вам и жетонов не дадут.
Хотите ль, чтоб обман златой
Стал правдой грубой и простой?
Что в правде вам? Всяк бреду рад,
Мечту все ловят нарасхват.
Замаскированный герой,
О Плутус, прогони ж их рой.

Плутус

Твой жезл пригоден для того,
Ты дай на время мне его:
Его я в пламя погружу.
Ну, бойтесь, маски, я грожу!
Трещит мой жезл, сверкает он
И мечет искры, раскален:
Кто слишком близко подойдет,
Того безжалостно сожжет.
Вокруг водить я буду им.

Крики и давка толпы

Беда! Спасайтесь! Мы горим!
Беги, кто может убежать!
Вы, сзади там, скорее вспять!
Лицо мне искра обожгла!
Я тяжесть чувствую жезла!
Погибли мы: нас сжечь хотят!
Назад же, маски! Все назад!
Скорей! Сгорите вы в огне!
О, если б крылья дали мне!

Плутус

Теперь наш круг освобожден –
Никто, надеюсь, не сожжен.
Толпа дрожит
И прочь бежит.
Чтоб отвратить вперед беду,
Я круг незримый проведу.

Герольд

Успех велик! Благодарю
За мощь разумную твою.

Плутус

Терпенье нужно, друг, для нас:
Грозит нам бунт еще не раз.

Скряга

Теперь удобно, если есть желанье,
Круг обозреть подробно, по частям.
Ведь женщины всегда на первом плане,
Где есть приманка вкусу иль глазам.

Ведь не увял еще я безвозвратно;
В красивой бабе как-никак есть прок;
И так как здесь дается все бесплатно,
То я еще поволочиться б мог.
Но в давке там и тесноте немалой
Не разберут всех слов моих, пожалуй;
Я ухитриться должен, чтобы им
Все выразить посредством пантомим.
Рука, нога, ужимки здесь бессильны,
Так я придумал новый фарс умильный:
Мну золото, как глину; из него
Захочешь, так наделаешь всего.

Герольд

Сухой глупец, что он творит?
Так тощ, чуть жив, а все острит!
Как тесто, золота куски
В его руках размякли вдруг,
И что ж? Выходят все из рук
Лишь безобразные комки.
Их кажет женщинам нахал.
Они кричат, бегут… Скандал!

Что за ужимки – стыд и срам!
Нет, этот шут опасен нам:
Чтоб посмеяться, поиграть,
Он рад и нравственность попрать.
Но я того не допущу.
Дай жезл – прогнать его хочу.

Плутус

Оставь его – не ведает глупец,
Какой напор грозит нам неминучий
Извне! Тогда всем глупостям конец.
Закон могуч, нужда еще могучей!

Шум и пение

Шумя, несется дикий Хор
С холмов, долин, высоких гор
И к нам спешит, неудержим;
Великий Пан идет за ним.
Все входят в круг. Известно им,
Что неизвестно всем другим.

Плутус

Кто вы, кто Пан великий – мне известно,
Отважный шаг свершили вы совместно;
Я знаю то, что многим тайна здесь,
И в тесный круг впускаю хор ваш весь.
Счастливая судьба да правит вами!
Пусть чудесам свершиться суждено!
Куда идете вы, того вы сами
Не знаете, предвидеть не дано.

Дикое пение

Народ придворный – мишура!
А наша рать груба, пестра;
Высок прыжок, и бег наш скор,
Суров и крепок смелых хор.

Фавны

Танцуя, резвою толпой
Бежит веселых фавнов рой;

Венок дубовый меж кудрей,
И острых кончики ушей,
Торча, глядят из-под венца.
Хоть фавн курнос, широк с лица,
Но мил для женщин без конца:
Он лапу даст – и с ним как раз
Пойдет красивейшая в пляс.

Сатир

Бежит за пестрою толпой
Сатир с козлиною ногой,
Поджарый, жилистый, сухой.
Как серна, он с высоких гор
На мир бросает бодрый взор;
Свободно, вольно смотрит он
На жалкий род, мужей и жен,
Что там внизу, во мгле густой,
Живут, довольные собой;
А в вышине сатир один
Вселенной светлой властелин.

Гномы

Плетемся мы, малюток рой,
Без пар, разбросанной толпой,
Во мшистом платье, налегке,
И каждый с лампою в руке.
Как муравьи, мы здесь кишим –
Один стремится за другим,
Снуем везде – и здесь и там,
Везде найдется дело нам.
Кобольдам добрым мы родня;
Хирурги гор, свой труд ценя,
Сверлим мы их по мере сил,
Пускаем кровь из горных жил;
Металлы грудой копим мы
И кличем ласково из тьмы,
Чтоб бодрость путнику вдохнуть:
Счастливый путь! Счастливый путь!
Добру служить хотим мы тем,
Друзья мы добрым людям всем;
Но служит золото стократ
На воровство и на разврат,

Железо ж нужно гордецам,
Чтоб сеять смерть то здесь, то там;
А кто три заповеди мог
Забыть, тому и все не впрок.
Но в этом нашей нет вины,
И все терпеть, как мы, должны.

Великаны

Народом диким мы слывем,
В ущельях Гарца мы живем;
В природной силе, прост и наг,
Идет гигант – отважен шаг,
В руке могучей трость-сосна,
Вкруг бедер перевязь одна,
Передник грубый из ветвей, –
Мы папской стражи здоровей!

Хор нимф

(окружая великого Пана)

Давно ты ждан!
Весь мир земной
В тебе с тобой,

Великий Пан!
Сюда, веселый хор подруг!
Танцуйте радостно кругом!
Серьезен он, но добр притом
И видеть рад веселье вкруг.
Под кровлей неба голубой
Живет он, бодрый и живой;
Пред ним лепечет ручеек,
Его ласкает ветерок;
Когда же в полдень дремлет он,
Хранит природа тихий сон,
На вежды нимф, в тени листов,
С толпою грез нисходит сон
И ароматами цветов
Душистый воздух напоен.
Когда же вдруг воскликнет он,
Как рев грозы, как моря стон,
Объемлет ужас всех тогда,
Бегут все в страхе кто куда,
И войско вмиг теряет строй,
И устрашается герой.
Кто славы стоит, славься тот!

Хвала тому, кто нас ведет!

Депутация от гномов

(великому Пану)

В горных жилах извиваясь,
Сквозь ущелий мрак и мглу
Злато блещет, открываясь
Лишь волшебному жезлу.
Там во тьме, как троглодиты,
Мы живем, твой клад храня;
Ты же дар, во тьме добытый,
Раздаешь при блеске дня.
Повелитель, мы открыли
Новый, чудный клад опять:
Он доставит в изобилье
Все, что можно пожелать.
О, прими в свое владенье
Клад, отысканный в горах!
Всем на благо, без сомненья,
Всякий клад в твоих руках.

Плутус

(герольду)

Теперь должны мы духом укрепиться
И все принять покорно, что случится.
Ты всем известен доблестью души!
Ужасное теперь пред нас предстанет,
Потомство верить этому не станет,
Так в протокол все это запиши.

Герольд

Вот Пана карлики ведут
К колодцу, полному огня;
То пламя вверх взовьется тут,
То вглубь уйдет, покой храня,
И мрачно смотрит бездны зев;
То, снова бурно закипев,
Огонь взлетает, дик и рьян.
Стоит над ним великий Пан,
Дивясь нежданным чудесам,
А по обеим сторонам

Жемчужный пенится фонтан.
Как верить этому? И он
Нагнулся низко, удивлен,
Над тем колодцем. Вдруг туда
Его упала борода!
Чей подбородок гладкий тот?
Его рукой он скрыл… Но вот
Грозит ужасная беда:
Воспламенившись, борода
Летит обратно – вот зажгла
Его венец вокруг чела,
Жжет грудь ему… Веселье вдруг
Сменил мучительный испуг.
Толпа охвачена огнем.
Тот дует, этот воду льет –
Все гасят, тушат, но кругом
Огонь лишь больше восстает.
Бушует пламя; все горят:
Объят пожаром маскарад.
Но что за весть, я слышу, там
Повсюду мчится по устам?
О ужас! Ночь беды и зла,

Что ты за горе принесла!
Увы, узнают завтра то,
Чего не рад узнать никто.
Я слышу крики в толкотне:
«Сам император наш в огне!»
О, если б лгала эта весть!
Он гибнет! Двор с ним гибнет весь!
О, будьте прокляты, кому
Пришла та мысль – внушить ему,
Чтоб он, владыка наш и князь,
В смолистый хворост облачась,
Под этот дикий рев и вой
Пришел нас всех сгубить с собой!
О юность, юность, резвый пыл
Когда ты в меру укротишь?
О власть, о власть, избыток сил
Когда с рассудком совместишь?
Пылает лес, огонь гудит,
И языками вверх бежит,
И лижет доски потолка.
Все, все сгорит наверняка!
Нет меры горю. Чем помочь?

Кто нас спасет? В одну лишь ночь
Вся роскошь пышного двора
Золою станет до утра!

Плутус

Страх оставьте! Прочь тревогу!
Я иду к вам на подмогу!
Жезл святой, ударь, как гром,
Чтоб тряслась земля кругом!
Воздух вольный, благодатный,
Дай прохлады ароматной!
Ты, тумана легкий пар,
Расстелись, дождем чреватый,
Влагой светлою богатый,
Укроти палящий жар;
Тучки легкие, клубитесь,
Лейтесь каплями, струитесь,
Расточайте влаги дар;
Всюду пламя угашайте,
В отблеск молний превращайте
Этот призрачный пожар!
Коль грозить нам духи смеют,

Маги их смирить сумеют.

Дворцовый сад

Солнечное утро.

Император, окруженный придворными и фрейлинами.

Фауст и Мефистофель, одетые пристойно, без излишеств, преклоняют пред ним колена.

Фауст

Простишь ли, государь, пожар поддельный мой?

Император

(давая знак, чтобы они встали)

Почаще тешь меня подобною игрой.
Средь огненной я очутился сферы
И верить был готов, что я – Плутон.
Из угольев и тьмы скалистый фон
Весь тлел огнями. Без числа, без меры
Из бездны здесь и там, со всех сторон,
Огни, дрожа, взлетали и взвивались

И наверху в обширный свод сливались,
И огненный то предстоял очам,
То исчезал из виду дивный храм.
И видел я народов тьмы покорных,
Сквозь даль спиральных пламенных колонн
Теснившихся, чтоб окружить мой трон
И преклониться. Из моих придворных
Тот иль другой, огнями озарен,
Являлся мне, и в роскоши великой
Как будто был я саламандр владыкой.

Мефистофель

Ты точно был им! Все стихии чтут
Твой сан, тебя владыкой признают!
Ты видел, как огонь тебя боится;
Спустись же вглубь, где хлябь морская злится:
Жемчужного едва коснешься дна –
Вмиг за волной покорная волна,
Зеленые, с пурпурными гребнями,

Смыкаясь, станут дивными стенами
Вокруг тебя. Везде, во все концы
С тобой пойдут роскошные дворцы,
Которых даже стены сами живы,
Стремительны, подвижны, суетливы.
Морские чуда, новый кроткий свет
Увидя, в стену бросятся – но нет:
Прозрачной им не одолеть препоны!
Вот золотистой чешуей драконы
Сверкают, вот акуле прямо в пасть
Смеешься ты: в дворец ей не попасть!
Толпа там будет вкруг тебя такая,
Какой и при дворе не видел ты;
И чудеса подводной красоты
Ты также встретишь там: примчится стая
Прелестных любопытных нереид,
Чтоб навестить дворец твой пышно-зыбкий
Средь вечной влаги; младшие, как рыбки,
Пугливо-похотливы, старших вид

Разумен. Весть о новом госте в море
И до самой дойдет Фетиды вскоре;
Ее пленишь ты, как второй Пелей,
И на Олимп взойдешь ты вместе с ней.

Император

Тебе оставлю этот эмпирей!
На этот трон все всходят слишком скоро.

Мефистофель

Земля ж, монарх, уж вся твоя, без спора!

Император

Удачно здесь явился ты! Точь-в-точь
Как «тысяча одна» тебя прислала ночь!
Коль ты здесь – новая Шехерезада,
Так ждет тебя достойная награда.
Будь под рукой, чтоб веселить меня,
Когда соскучусь я в заботах дня.

Кастелян

(быстро входя)

Не ждал, о государь, твой раб дожить до чести
Такие доложить чудеснейшие вести,
Как те, что он несет тебе,
Счастливой радуясь судьбе:
Долги уплачены по счетам превосходно;
Все снова от когтей ростовщиков свободно,
И муку позабыл я адскую свою.
Не веселей теперь, мне кажется, в раю!

Военачальник

(быстро продолжая)

Все выдано войскам, последний грош уплаты,
И обязались вновь нам в верности солдаты.
Ландскнехты веселы, гуляют то

и знай,

А красным девушкам с трактирщика-ми – рай!

Император

Как вы дышать свободно стали!

Морщины прежние пропали!

Как бодро вы сюда вошли!

Казначей

(указывая на Фауста и Мефистофеля)

То их дела – ты им и повели

Все доложить.

Фауст

Долг канцлера – доклады.

Канцлер

(медленно выступая вперед)

На старости дождался я отрады!

Вот тот значения исполненный указ,

Что в счастье обратил все бедствия у нас.

(Читает.)

«Да знает каждый, кто желает знать об этом:

Бумаги лоскуток отныне ста монетам

Равняется в цене. Для тех бумаг в заклад

В имперских областях сокровища лежат

В земле – и тотчас же по извлеченье злата

По обязательствам последует уплата».

Император

Что слышу? Наглость! Дерзостная ложь!

Кто смел подделать подпись нашу? Что ж,

Ужель никто еще не наказал злодея?

Казначей

Твоя здесь подпись. Вспомни лишь точнее:

Одет великим Паном, ты стоял,

А канцлер, с нами подойдя, сказал:

«Ты торжествуешь: осчастливь же снова

Весь свой народ, черкнув пером два слова!»

Ты подписал; на сотнях лоскутков

Ту подпись сняли сотни мастеров;

Чтоб счастье поскорей распространить на свете,

Мы отпечатали сейчас билеты эти:

По десять, тридцать есть, затем по пятьдесят…

Когда бы видел ты, как весь народ твой рад!

Твой город был чуть жив, и все в нем было вяло,

Теперь все бодро вновь и весело в нем стало.

Ты именем своим счастливишь мир давно;

Но славится теперь, как никогда, оно!

Дополнил алфавит ты буквою нежданной:

Знак подписи твоей – знак счастья, всем желанный!

Император

И эти лоскутки, как деньги, захотят

Взять воинство мое и мой придворный штат?

Дивлюсь! Пусть будет так, коль это все не ложно.

Кастелян

Да этих беглецов поймать уж невозможно!

Быстрее молнии рассеялся их рой,

И все их разменять торопятся гурьбой.

Меняльных лавочек раскрыты настежь двери,

И каждому, кто там представит свой

билет,

Дают серебряных и золотых монет –

Хоть и со скидкою, но без большой потери.

Оттуда к пекарям и к мясникам спешат,

К торговцам винами, как будто бы полмира

Не хочет ни о чем и думать, кроме пира;

У прочих на уме – изысканный наряд,

И вот закройщики кроить не успевают,

Портные в новые всех платья одевают.

«Да здравствует монарх!» – в трактирах все кричат,

Там жарят и пекут, тарелки там стучат.

Мефистофель

Пусть кто-нибудь из вас один на променаде

Увидит пышную красавицу в наряде;

Павлиньим веером один прикрывши

глаз,

С улыбкой на билет глядит она у вас,

И верьте, что любви добьетесь вы при этом

Скорее всяких слов красивеньким билетом.

Не надо будет брать с собою кошелек:

И на груди легко носить такой листок,

Где с письмецом любви лежать он рядом может;

В молитвенник его себе священник вложит,

И, чтоб проворней быть, солдатик молодой

Не станет зашивать червонцы в пояс свой.

Прости, монарх, что в речь я мелочи мешаю

И тем великое как будто унижаю.

Фауст

Несметными ты кладами богат:

Без пользы у тебя в земле они лежат.

Как помыслы о том ни широки, ни смелы,

Пред этой роскошью ничтожны их пределы.

И сам фантазии возвышенный полет,

Как ни напрягся б он, всего не обоймет.

Лишь духи в глубь вещей достойны, взор вперяя,

Смотреть, безмерному безмерно доверяя.

Мефистофель

Да, вместо золота билетик – сущий клад;

Удобен он для всех, всяк знает, чем богат;

Не нужно ни менять, ни продавать: свободно

Любовью и вином всяк тешься как угодно.

А хочешь золота – меняла тут как тут;

Нет в кассе золота – пороют и найдут.

Откопанную цепь и чашу мы заложим,
Чем оплатить билет без затрудненья сможем, –
И скептик посрамлен с неверием своим.
Все захотят бумаг, привыкнут скоро к ним,
И будут навсегда имперские владенья
Иметь и золото и деньги без стесненья.

Император

Благополучием мой край обязан вам,
И, сколько я могу, я тем же вам воздам.
Сокровища в свое вы веденье примите
И их, в земле сырой лежащие, храните.
Их место тайное известно только вам,
И, где укажете, раскопки будут там.
Два казначея, вы соединитесь
И долг свой исполнять скорей примитесь!

Сойдутся в вас миры подземный и земной –

И осчастливят всех, весь род людской.

Казначей

(Фаусту)

С тобой я буду жить в согласье, мир лелея;

Товарищем иметь мне любо чародея.

(Уходит с Фаустом.)

Император

Теперь, когда мой двор весь будет одарен,

Пусть каждый скажет мне, что станет делать он?

Паж

(принимая подарок)

Отныне заживу я весело, пируя.

Другой паж

(так же)

Возлюбленной браслет с цепочкой подарю я.

Камергер

(так же)

Я стану пить вдвойне, чему я очень рад.

Другой камергер

(так же)

Так кости для игры в кармане и зудят!

Вассал

(подумав)

Я заплачу долги и замок свой поправлю.

Другой вассал

(так же)

А я к сокровищам сокровища прибавлю.

Император

Хоть жажды новых дел я ждал на этот раз,
Но тот, кто знает вас, заране все предскажет:
Какими благами судьба вас ни обяжет,
Ничто и никогда не переменит вас.

Шут

(входя)

Ты сыплешь милости – так дай и мне, что можно!

Император

Ты ожил? Да ведь ты пропьешь все неотложно.

Шут

Что за волшебные бумажные листы!

Император

Я знаю, что во вред употребишь их ты.

Шут

Вон сыплются еще! Что делать мне, не знаю.

Император

Бери скорей, глупец: я их тебе бросаю.

(Уходит.)

Шут

Итак, пять тысяч крон теперь в моих руках!

Мефистофель

Воскрес ты, винный мех на дряхлых двух ногах?

Шут

Я часто воскресал, но в первый раз так славно!

Мефистофель

Зато от радости ты и вспотел исправно!

Шут

Ужели ж это все пойдет как деньги в ход?

Мефистофель

Все купишь, чтобы всласть наполнить свой живот.

Шут

И замок я куплю, и поле?

Мефистофель

Без сомненья!
Увидеть бы тебя хозяином именья!

Шут

Ура! Владелец я поместий с этих пор!

(Уходит.)

Мефистофель

(один)

Вот, право, шут как шут! Ну он ли не остер?

Мрачная галерея

Фауст и Мефистофель.

Мефистофель

Зачем меня ты в катакомбы эти

Зазвал? Иль мало случаев у нас

Там, во дворце, в придворном пестром свете

Для плутовства, и шуток, и проказ?

Фауст

Не говори! Я знаю: это дело
Тебе давным-давно уж надоело;
Теперь же ты лишь хочешь избежать
Ответ мне дать прямой! И так без меры
Придворные, пажи и камергеры
Меня терзают, не дают дышать.
Знай: государь желает, чтоб на сцену
Мы вызвали Париса и Елену.
В их образах он видеть пожелал
И женщины и мужа идеал.
Поторопись: нельзя нарушить слова.

Мефистофель

Не нужно было обещать пустого.

Фауст

Ты сам таких не ожидал
Плодов своих же ухищрений?
Когда богатства им ты дал,

Теперь давай увеселений!

Мефистофель

Ты думаешь, что так всего сейчас
Достигнешь ты? Крутые здесь ступени,
Здесь ты коснешься чуждых нам владений,
Преступно в новый долг впадешь как раз!
Елену вызвать – нужно тут отваги
Поболее, чем вызвать на бумаге
Богатства призрак. Сколько хочешь вам
Я карликов, чертей, видений дам;
Но дьявола красотки – хоть, признаться,
Неплохи – в героини не годятся.

Фауст

Ну вот – опять запел на старый лад!
С тобой – все неизвестность, все сомненье,

Во всем ты порождаешь затрудненье,
За все желаешь новых ты наград!
Когда ж захочешь, так без разговора:
Раз-два, глядишь – и все готово скоро!

Мефистофель

Язычникам особый отдан ад,
Его дела не мне принадлежат.
Но средство есть.

Фауст

Скажи: я изнываю
От нетерпенья!

Мефистофель

Неохотно я
Великую ту тайну открываю.
Знай: есть богинь высокая семья,
Живущих вечно средь уединенья,
Вне времени и места. Без смущенья
О них нельзя мне говорить. Пойми ж:
То Матери!

Фауст

(вздрогнув)

Что? Матери?

Мефистофель

Дрожишь?

Фауст

Как странно! Матери, ты говоришь…

Мефистофель

Да, Матери! Они вам незнакомы,
Их называем сами нелегко мы.
Их вечное жилище – глубина.
Нам нужно их – тут не моя вина.

Фауст

Где путь к ним?

Мефистофель

Нет его! Он не испытан,
Да и неиспытуем; не открыт он
И не откроется. Готов ли ты?
Не встретишь там запоров пред собою,
Но весь объят ты будешь пустотою.
Ты знаешь ли значенье пустоты?

Фауст

Нельзя ль без вычурного слова?
Тут кухней ведьмы пахнет снова:
Дела давно минувших дней.
Иль мало я по свету здесь кружился,
Учил пустому, пустякам учился,
Себе противореча тем сильней,
Чем речь хотел я высказать умней?
Мне глупости внушали отвращенье,
Я от людей бежал – и в заключенье,
Чтоб одиноким в мире не блуждать,
Я черту душу должен был продать.

Мефистофель

Послушай же: моря переплывая,
Ты видел бы хоть даль перед собой,
Ты б видел, как волна сменяется волной,
Быть может, смерть твою в себе скрывая;
Ты б видел гладь лазоревых равнин,
В струях которых плещется дельфин;
Ты б видел звезды, неба свод широкий;
Но там в пространстве, в пропасти глубокой,
Нет ничего, там шаг не слышен твой.
Там нет опоры, почвы под тобой.

Фауст

Ты говоришь, как мистагог старинный,
Как будто я лишь неофит невинный.
Но в пустоту меня, наоборот,
Чтоб я окреп, теперь ты посылаешь,
А сам чужими загребать желаешь

Руками жар. Но все-таки вперед!
На все готов я, все я испытаю:
В твоем «ничто» я все найти мечтаю.

Мефистофель

Перед разлукой должен я сказать,
Что черта ты таки успел узнать.
Вот ключ.

Фауст

К чему мне эта вещь пустая?

Мефистофель

Возьми, взгляни: не осуждай, не зная.

Фауст

В руке растет, блестит, сверкает он.

Мефистофель

Теперь ты видишь, чем он одарен.
Он верный путь почует; с ним надежно
До Матерей тебе спуститься можно.

Фауст

(содрогаясь)

До Матерей! И что мне в слове том?
Зачем оно разит меня, как гром?

Мефистофель

Ужели ты настолько ограничен,
Что новых слов боишься? Лишь одно
Ты хочешь слышать, что слыхал давно?
Ты мог бы быть к диковинкам привычен.

Фауст

Нет, я б застыть в покое не хотел:
Дрожь – лучший человеческий удел;
Пусть свет все чувства человека губит –
Великое он чувствует и любит,
Когда святой им трепет овладел.

Мефистофель

Спустись же вниз! Сказать я мог бы: «Взвейся!»
Не все ль равно? Действительность забудь,
В мир образов направь отважный путь
И тем, чего давно уж нет, упейся!
Как облака, совьются вкруг они, –
Взмахни ключом и тени отстрани.

Фауст

(с одушевлением)

С ключом в руке, отважно, с силой новой,
Я ринусь вглубь, на подвиги готовый!

Мефистофель

Пылающий треножник в глубине
Ты наконец найдешь на самом дне.
Там Матери! Одни из них стоят,
Другие ходят или же сидят.

Вкруг образы витают там и тут –
Бессмертной мысли бесконечный труд,
Весь сонм творений в обликах живых.
Они лишь схемы видят; ты ж для них
Незрим. Сбери же мужество в груди
В тот страшный час! К треножнику иди,
Коснись ключом!

Фауст принимает повелительное положение с ключом в руке.

Вот так! Треножник тот
К ключу прильнет и за тобой пойдет,
Как верный раб. Незрим, ты ускользнешь,
Взлетишь наверх и вновь сюда придешь.
Тогда, добыв треножник тот, дерзай:
Героя с героиней вызывай
Из мрака ночи. Первый ты свершил
Тот подвиг и награду заслужил, –
И фимиама благовонный дым
Мы магией в героев обратим.

Фауст

Ну что ж теперь?

Мефистофель

В дорогу! Топни раз –

Исчезнешь; топни вновь – и будешь ты у нас.

Фауст топает и проваливается.

С ключом бы только все пошло на лад!

А любопытно знать, вернется ль он назад?

Ярко освещенные залы

Император и князья. Двор в оживленном движении.

Камергер

(Мефистофелю)

Ну, что же духи? Скоро ль представленье?

Уж государь приходит в нетерпенье!

Кастелян

Опять о том он спрашивал сейчас.
Спешите – он рассердится на вас.

Мефистофель

Товарищ мой затем от вас и скрылся
И в кабинете тихом затворился;
Он знает, как за дело взяться тут.
Здесь надобен совсем особый труд:
Чтоб вызвать чудо красоты, потребно
Искусство высшей магии волшебной.

Кастелян

Искусство ль, нет ли – это все равно;
Лишь представленье было бы дано!

Блондинка

(Мефистофелю)

На пару слов, monsieur! Лицо в минуту эту

Ведь чисто у меня? Поверите ли, к лету

Сто тысяч пятнышек коричневых толпой

Мгновенно кожу всю испачкают собой.

Лекарство?

Мефистофель

Ай-ай-ай! Красавица такая –

И вся, как леопард, испятнана в дни мая!

Вам жабьих языков с икрою надо взять,

Их в полнолуние сварить и перегнать

И на ущерб луны тем соком натираться:

Тогда веснушки к вам с весной не возвратятся.

Брюнетка

Все к вам спешат, чтоб вас вопросом утрудить!

Мне с отмороженной, распухшею но-

гою

Не только танцевать, но трудно и ходить

И делать реверанс. Как быть с моей бедою?

Мефистофель

Позвольте вам слегка на ножку наступить.

Брюнетка

Лишь меж влюбленными такое обхожденье

Бывает.

Мефистофель

Наступлю ведь я, а не другой:

В том есть, дитя мое, особое значенье!

Подобным лечится подобное: ногой

Врачуется нога – и так все члены тела.

Итак, позвольте же, – мне можете вы смело

Не отвечать.

Брюнетка

(крича)

Ай-ай! Тяжелый вы какой!
Совсем как конское копыто!

Мефистофель

Болью той
Вас исцеляю я. Танцуйте и гуляйте
И ножку под столом к пожатью подставляйте.

Дама

(проталкиваясь)

Ах, помогите мне! Печаль моя тяжка:
Терзает сердце мне, рвет грудь мою тоска.
Еще недавно он любил меня сердечно,
Теперь же для другой забыл бесчеловечно.

Мефистофель

Да, это нелегко! Но слушайте меня:
Вот с этим угольком к нему вы подойдете
Тихонько, тщательно в секрете все храня,
И вдоль по рукаву легонько проведете;
Укол раскаянья почует в сердце он.
Затем тот уголек вы проглотить сумейте
И ни воды, ни вин до вечера не пейте:
Придет он в тот же день, по-прежнему влюблен.

Дама

Но это ведь не яд?

Мефистофель

(с раздражением)

Цените, что по праву
Высоко ценится! Где взять таких да-

ров,

Как этот уголек? Ведь он – из тех костров,

Которых много мы когда-то жгли на славу!

Паж

Влюблен я, а меня считают за дитя.

Мефистофель

(в сторону)

Не знаю, уж кого здесь буду слушать я.

(Громко, пажу.)

Вы в слишком молодых влюблялись; им на смену

Возьмите пожилых: те будут знать вам цену.

К нему теснятся другие.

Мефистофель

Еще идут, еще! Задавят в толкотне!

Уж не призвать ли тут на помощь правду мне?

Противно прибегать к подобной мне защите.

О Матери! Скорей вы Фауста пустите!

(Осматривается.)

Но вот отхлынули. Тускнеют лампы здесь.

Я вижу: двор идет сюда, собравшись весь.

Блестящая толпа проходит всем парадом

Вдоль пышных галерей, по длинным анфиладам.

Вот в зале рыцарской сбирается она,

Едва вмещаясь в ней. Вот зала уж полна;

Повсюду в зале той ковры и украшенья,

Повсюду на стенах висят вооруженья.

Да здесь и заклинать не надо никого:

Ведь духи предков в ней живут и без того.

Рыцарская зала

Слабое освещение. Император и придворные.

Герольд

Мой старый долг исполнить – представленье
Вам возвестить на предстоящий час –
Препятствует мне смутное волненье,
Влиянье духов; тщетно в этот раз
Чудесному, что ожидает вас,
Старался бы найти я объясненье.
Готовы кресла, стулья всем даны;
Сидит сам император у стены,
Роскошными картинами покрытой
Великих битв эпохи знаменитой;
А позади стоят ряды скамей;
Влюбленная воссела с томным взглядом
На милое местечко с милым рядом;
Уселись все как следует и ждут.

Готово все: пусть духи к нам идут!

Трубы.

Астролог

Начнись же, драма, как монарх велит;
Стена, раздвинься: дай на сцену вид!
Препятствий нет: здесь все послушно чарам!
И вот ковер, как скрученный пожаром,
Взвивается; раздвинулась стена,
И сцена нам глубокая открылась;
Волшебным светом зала озарилась –
На авансцену я всхожу.

Мефистофель

(показываясь в суфлерской будке)

Должна
Здесь роль моя удаться, нет сомненья:
В подсказах черт – искусник без сравненья.

(Астрологу.)

Ты постигаешь звезды и луну, –
Так все поймешь, что я тебе шепну.

Астролог

Вот силою чудесной перед нами
Явился древний храм. Он, как Атлант –
Державший небо на плечах гигант, –
Велик, массивен; длинными рядами
Стоят колонны крепкие: на них,
Пожалуй, можно возложить хоть гору;
Большому зданью прочную опору
Могла бы пара дать колонн таких.

Архитектор

Вот в чем античность! Это мне не любо:
По мне, все это тяжело и грубо.
Что дико, то за благородство чтут,
Великим – неуклюжее зовут!

Столбов и арок узких сочетанья
Мне более по вкусу бы пришлись:
Свод стрельчатый дух устремляет ввысь.
Такие нам всего приятней зданья!

Астролог

Почтите данный звездами нам час!
Рассудок пусть нам душу не стесняет:
Пусть свой полет волшебный исполняет
Фантазия, собой пленяя нас!
Пусть видит глаз, что дух желал без меры:
Все это невозможно, и как раз
Поэтому оно достойно веры!

Фауст поднимается на сцену с другой стороны.

Смотрите: вот явился наконец
Он, муж чудесный, в жреческое платье
Одетый; на челе его венец;
Он смелое исполнит предприятье!
Треножник с ним из бездны восстает, –

Я фимиама чувствую куренье...
Благословить великое творенье
Уж он готов, – теперь нас счастье ждет!

Фауст

(величественно)

Вас, беспредельных, призываю ныне,
Вас, Матери, царящие в пустыне
И все ж не одинокие! Вкруг вас,
Без жизни, лики жизни бесконечно
Парят и реют; все, что было раз,
Там движется, там есть и будет вечно!
Послушен вам созданий каждый шаг;
Их делите вы в дивном полномочье
Меж дня шатром и темным сводом ночи;
Одни живут средь жизни милых благ,
Других отважный вызывает маг;
Уверенно и щедро мир чудесный
Умеет он призвать пред взор телес-

ный.

Астролог

Ключом блестящим тронул он слегка
Треножник – вмиг покрыли облака
Всю сцену; ходят, носятся, клубятся,
Сливаются, расходятся, двоятся.
То духов рой. Как их причудлив вид!
В движенье каждом музыка звенит.
Воздушных звуков смесь и переливы
Мелодией звучат, легки и живы,
Звучит триглиф, звучат колонны, свод,
И дивный храм как будто весь поет.
Туман расплылся. Мерными шагами
Вот юноша в пленительной красе
Выходит… Я умолкну: видят все,
Что здесь Парис прекрасный перед нами!

Является Парис.

Первая Дама

О блеск цветущей силы молодой!

Вторая Дама

Румян, как персик, свеж, хорош собой!

Третья Дама

Изящный ротик, пухленькие губы!

Четвертая Дама

Охотно как прильнула ты к нему бы!

Пятая Дама

Да, он красив, но грубоват слегка.

Шестая Дама

Притом его походка неловка.

Рыцарь

Пастух как есть, не принц из высшей сферы!
Чужды ему придворные манеры!

Другой рыцарь

Да, он красив, когда он обнажен;
Я б посмотрел, каков-то в латах он!

Дама

Вот сел он с томной негою, – как мило!

Рыцарь

Как сладко б вам в его объятьях было!

Другая Дама

Изящно как подперся он рукой!

Камергер

Он уж лежит! Невежливый какой!

Дама

Бранить – мужчин излюбленное дело!

Камергер

При государе – так разлечься смело!

Дама

Ведь он один, по пьесе!

Камергер

И она
Здесь вежливой, приличной быть должна.

Дама

Он тихо засыпает.

Камергер

Натурально.
Храпеть начнет: ведь это так реально!

Молодая Дама

(в восторге)

Что к фимиаму здесь за аромат
Примешан? Он мне в сердце проникает.
До глубины души меня ласкает!

Дама постарше

Да, это так: все это подтвердят;
Как ветерка воздушное дыханье,
Ласкает душу нам благоуханье.
От юноши исходит этот ток.

Старая Дама

В нем зреет роста юного цветок,
Амброзией красавца наполняет
И аромат вокруг распространяет.

Появляется Елена.

Мефистофель

Так вот она! Спокоен я вполне:
Хоть недурна, но вовсе не по мне.

Астролог

На этот раз – сказать я должен честно –
Мой слаб язык. О, как она прелестна!
Красавицу и пламенная речь

Не описала б! Много воспевали
Красу ее, и перед ней едва ли
Способен кто спокойствие сберечь!
Блаженны те, кто ею обладали!

Фауст

Своими ли глазами вижу я
Тебя, источник красоты волшебный?
Твоя ли жизни полная струя
Влилась мне в душу, как поток целебный?
Мой страшный поиск дивный плод мне дал:
Весь мир мне был ничтожен, непонятен;
Теперь, когда твоим жрецом я стал,
Впервые он мне дорог, благодатен,
Незыблем, прочен! Лучше пусть лишусь
Дыханья жизни, чем теперь решусь
С тобой расстаться! Образ тот туманный,
Что мне в волшебном зеркале сиял,
Был только отблеск твой непостоян-

ный,
О красоты роскошный идеал!
Тебе всю жизнь, все силы мощной воли,
Мольбу и страсть безумную мою,
Мою любовь и нежность отдаю!

Мефистофель

(из суфлерской будки)

Опомнись же, не выходи из роли!

Пожилая Дама

Большого роста, дивно сложена,
Лишь голова мала несоразмерно.

Молодая Дама

Зато нога: смотрите, как крупна!

Дипломат

Видал принцесс я много: беспримерно
Она прекрасна с головы до ног!
Ее ни с кем сравнить бы я не мог.

Придворный

Вот с хитростью лукавой тихо, мерно
Идет к красавцу спящему она.

Дама

Как с ним она сравнительно дурна!

Поэт

Он озарен сиянием богини!..

Дама

Эндимион с Луной – как на картине!

Поэт

Вот подошла к нему богиня, вот
Склоняется, его дыханье пьет…
Чу! Поцелуй! Счастливец! Как завидно!

Дуэнья

Пред всеми! Ах, как это ей не стыдно!

Фауст

Ужасный знак любви!

Мефистофель

Да замолчи!
Дай призраку свободу, не кричи!

Придворный

Проснулся он; она отходит, стала…

Дама

Глядит назад: я так и ожидала!

Придворный

Он изумился: диво перед ним!

Дама

А ей не диво: к подвигам таким
Привыкла, видно!

Придворный

Повернулась снова…

Дама

Пусть просветит красавца молодого:
В таких делах мужчина несмышлен.
Всяк думает, что первым будет он
Счастливцем!

Рыцарь

Образ царственно прекрасный!

Дама

Бесстыдство, пошлость – только и всего!

Паж

Желал бы я на месте быть его!

Придворный

В такие сети все попасть согласны!

Дама

Чрез много рук она уже прошла,
И позолота уж с нее сошла.

Другая Дама

Лет с десяти беспутной уж была!

Рыцарь

Другой себе пусть лучшую добудет:
Довольно мне остатков этих будет!

Ученый

Я вижу все; но точно ли она
Елена, в том есть для меня сомненье:
Ведь видимость нас вводит в заблуж-денье:
Чтоб убедиться, книга мне нужна.
«Она была мила всем старцам в Трое», –
Сказал Гомер. Явление такое
И здесь могу заметить я вполне:

Я сед, а все ж она мила и мне.

Астролог

Уж он не мальчик: смелою рукою
Берет ее; противиться герою
Она не в силах; вот он наконец
Ее уносит…

Фауст

Дерзостный глупец,
Назад! Не слышишь? Говорю тебе я!

Мефистофель

Твоя ж ведь это глупая затея!

Астролог

Итак, ход пьесы нам указывает весь,
Что похищение Елены будет здесь.

Фауст

Как похищение? Но разве, силы полный,
Я возле не стою, отважен и могуч?

Я разве не держу в руке волшебный ключ,

Который вел меня сквозь мрак, туман и волны,

Сквозь ужасы пустынь? И вот вернулся я, –

Здесь вновь действительность и твердая земля,

Здесь смело с духами мой дух бороться будет

И в двух мирах себе двойную власть добудет!

Прекрасная была когда-то далека,

Недостижима мне – теперь она близка.

За дело же смелей! Мне дивный ключ поможет;

Спасу ее – тогда она моя вдвойне.

Вас, Матери, зову: вы помогите мне!

Кто дивную узнал, жить без нее не может!

Астролог

Что хочешь сделать ты? Опомнись, Фауст! С силой

Хватает он ее… Темнеет образ милый…

Вот, вот – он юноши касается ключом…

Беда! Пропали мы, сейчас сразит нас гром!

Громовой взрыв. Фауст падает; духи исчезают в тумане.

Мефистофель

(унося Фауста на плечах)

Ну вот вам и спектакль! Эх, право, предосадно!

Связаться с дураком и сатане накладно!

Мрак. Смятение.

Действие второе
Тесная комната с высокими сводами в готическом стиле

Прежний кабинет Фауста, в неизменном виде. Мефистофель выходит из-за занавески. Когда он ее приподнимает и оглядывается назад, там виден Фауст, распростертый на старинной прадедовской кровати.

Мефистофель

Лежи, несчастный! Вновь опутан ты
Любовной крепкой цепью не на шутку!
Кого Елена силой красоты
Сразила, тот надолго чужд рассудку.

(Осматривается.)

Взгляну ли вверх иль вниз, сюда ль, туда ли –
Осталось все как было здесь и там;
Цветные стекла лишь мутнее стали
Да паутины больше по углам;

В чернильнице лишь высохли чернила,
Бумага цвет свой в желтый изменила,
Но в общем все имеет прежний вид:
На месте даже и перо лежит,
Которым Фауст, душу продавая,
Дал дьяволу свою расписку в том;
Вот даже крови капелька на нем
Еще видна, что выманил тогда я!
Перо такое не дается даром,
Оно приносит радость антикварам.
Вот старый плащ на вешалке старинной,
В котором так напыщенно и чинно
Я городил мальчишке разный вздор,
Который, может быть, долбит он до сих пор.
Опять не прочь я под твоей личиной,
Наряд сурово-теплый, роль сыграть
И, как доцент надутый, смело врать
С серьезною, непогрешимой миной:
Ученым людям это всем дано,
А черт ту роль уж не играл давно.

(Снимает меховой плащ со стены и встряхивает его, причем оттуда вылетают цикады, жуки и разные букашки.)

Хор насекомых

Здоро́во, здоро́во,
Патрон дорогой!
Летим мы, жужжим мы,
Знакомы с тобой!
В тиши понемножку
Плодил ты нас, друг, –
И тысячи ныне
Танцуют вокруг!
Коварство таится
В груди у людей;
В одежде их вошек
Откроешь скорей...

Мефистофель

Тварь новая! Как я ей рад сердечно!

Да, только сей, так и пожнешь, конечно!

Еще встряхну хламиду – здесь и там
Вновь вылетают из нее букашки;
Летят туда, сюда, по всем углам
Попрятаться спешат мои милашки!
В коробки, что стоят давно в пыли,
В пергамент побуревший заползли,
В разбитую старинную посуду,
В глазные дыры черепа – повсюду!
Да, где хранится этот жалкий хлам,
Там как не быть сверчкам да червякам!

(Надевает плащ.)

Ну что ж, покрой еще разок мне плечи,
Пусть стану я учителем опять!
Но что мне в званье без почетной встречи?
Кто есть здесь, чтоб почтенье мне воздать?

(Тянет за звонок, который издает резкий, пронзительный звон. От этого звона содрогаются стены и распахиваются двери.)

Фамулус

(идет колеблющимися шагами по длинному темному коридору)

Звуки страшные несутся,
Стены, лестницы трясутся!
В пестрых стеклах свет трепещет,
Словно молния там блещет!
Пол дрожит и гнутся доски,
Сверху целый дождь известки!
Двери с крепкими замками
Отворились чудом сами!
Там – о ужас! – исполином,
В платье Фауста старинном,
Кто-то встал, глядит, кивает!
Страх колена мне сгибает…
Ждать ли? В бегство ль обратиться?
Боже, что со мной случится?

Мефистофель

(кивая ему)

Войдите! Вас зовут ведь Nicodemus?

Фамулус

Да, господин, я так зовусь! Oremus![8]

Мефистофель

Ну это вздор!

Фамулус

Как рад я, что меня
Вы знаете!

Мефистофель

О да, вас помню я!
Вы – все студент, хотя и поседелый,
Обросший мхом! Так точно век свой целый
Ученый муж корпит, своим трудом
Весь поглощен, – не может он иначе!

---

[8] Сноски: 8
Помолимся! *(лат.)*

Так понемножку карточный свой дом
Он созидает; да еще притом,
Хотя б владел великим он умом,
Он до конца не справится с задачей.
Но ваш учитель – вот кто молодец!
Почтенный доктор Вагнер, всем известный,
В ученом мире первый он мудрец,
Авторитет имеет повсеместный.
Один в себе вместил все знанья он
И ежедневно мудрость умножает!
Зато его, сойдясь со всех сторон,
Рой жаждущих познанья окружает.
Он с кафедры один свет яркий льет;
Как Петр святой, ключами он владеет:
Что в небесах, что на земле живет –
Все знает он, все объяснить умеет!
Всех мудрецов он славу посрамил,
Сияет он, блестит необычайно!
Он то открыл, что для других есть тайна,
И даже имя Фауста затмил!

Фамулус

Почтенный муж, прошу я извиненья,
Что возразить решусь на ваши мненья:
В нем, право, нет о том и помышленья;
Он скромностью всегда был одарен.
Куда исчез, где находиться может
Великий муж, ума он не приложит.
Все только ждет, чтоб воротился он,
И молится об этом возвращенье,
Как о едином светлом утешенье;
И комната осталась взаперти,
С тех пор как Фауст вдруг исчез нежданно,
И ждет владельца прежнего; сохранно
В ней все – я сам едва посмел войти.
Но что за час чудесной перемены
Несут нам звезды? Даже сами стены
Как будто в страхе: лопнули замки,
Дверные расшатались косяки,
А то и вы сюда бы не попали.

Мефистофель

Но где же сам учитель ваш? Нельзя ли
Пройти к нему? Быть может, он бы мог
Прийти сюда?

Фамулус

Боюсь я: слишком строг
Его запрет; великим занят делом,
В немой тиши по месяцам он целым
В своей рабочей комнате сидит.
Из всех ученых был он самым чистым,
А ныне смотрит сущим трубочистом.
Совсем теперь чумазым он глядит:
Глаза его распухли, покраснели
От раздуванья жаркого огня,
А нос, и лоб, и уши почернели;
Щипцами да ретортами звеня,
Он ждет открытий важных день от дня.

Мефистофель

Ужель он мне откажет, станет спорить?
Его удачу я бы мог ускорить.

Фамулус уходит. Мефистофель с важностью усаживается.

Едва успел усесться я – и вот
Уж новый гость, знакомый мне, идет;
Но этот – молодого поколенья
И будет страшно дерзок, без сомненья.

Бакалавр

(шумно приближаясь по коридору)

Двери настежь! Наконец-то
Есть теперь надежде место,
Что людская грудь живая
Здесь не будет, изнывая,
Чахнуть, гибнуть в этой гнили,
Точно заживо в могиле!
Эти стены и строенья

Накренились, ждут паденья;
Прочь уйти – а то, пожалуй,
Быть здесь страшному обвалу!
Несмотря на всю отвагу,
Дальше я туда ни шагу!
Что-то я теперь узнаю?
Здесь как раз – припоминаю –
Первокурсником невинным
Я внимал урокам длинным,
Бородатым веря слепо.
Вздору радуясь нелепо.
Что из книг старинных брали
И что знали – всё мне врали,
Ничему не веря сами,
Жизнь лишь портя пустяками
И себе и мне. Однако –
Кто там в дымке полумрака?
Что я вижу? В том же длинном
Меховом плаще старинном
Он сидит, все тот же самый,
Как расстались с ним тогда мы!
Он тогда хитер был, ловок,

Я ж не мог понять уловок;
Ну, теперь – иное дело:
На него обрушусь смело!
Почтенный! Если волны мутной Леты
Не все еще понятья и предметы
Из вашей хмурой лысой головы
Умчали, не припомните ли вы
Ученика? Но ныне мыслью вольной
Он перерос лозу науки школьной;
Вы тот же все, каким я видел вас,
Но я совсем иной на этот раз.

Мефистофель

Я вас ценил и в прежнем вашем виде
И рад, что вас мой звон сюда привлек.
В простой личинке, в нежной хризолиде
Уж будущий таится мотылек.
Вы в кружевном воротничке ходили
И в локонах кудрявых: как дитя,
Вы в том себе забаву находили;
Косы ж, насколько в силах вспомнить я,

Вы не носили. Ныне же, без лоска,
У вас простая шведская прическа;
Резолютивен ваш отважный вид,
Но абсолютность все же вам вредит.

Бакалавр

Здесь место то же, ментор мой, но знайте,
Что время ныне стало уж не тем.
Двусмысленных речей не расточайте:
Ведь мы в других условиях совсем.
Легко юнца вам было озадачить,
Над мальчиком наивным свой язык
Потешить: труд был очень невелик;
Теперь никто не смеет нас дурачить.

Мефистофель

Когда всю правду скажем мы юнцу,
Не угодим бесперому птенцу;
Впоследствии ж, когда промчатся годы,
На шкуре собственной узнает он невзго-

ды

И мнит, что сам он до всего дошел,

И говорит: учитель был осел.

Бакалавр

А может быть, и плут! Вы мне скажите

И хоть один пример мне укажите:

Какой учитель только правду нам

В лицо открыто скажет, смел и прям?

Один прибавит, а другой убавит,

Тот с важностью, тот в шутках все представит,

А дети – верь подобранным словам.

Мефистофель

Что ж, время есть всему: не так давно вы

Еще учились, ныне – вижу сам –

Вы и других учить уже готовы.

Прошло немного месяцев и лет, –

И опытом изведали вы свет.

Бакалавр

Ах, этот опыт! Дым, туман бесплодный!
Его ведь превосходит дух свободный!
Сознайтесь: то, что знали до сих пор,
Не стоило и знать совсем?

Мефистофель

(помолчав)

Пожалуй.
Я сам давно так думаю. Отсталый
Я был глупец и верил в пошлый вздор.

Бакалавр

Вот этому я рад: в вас ум я замечаю.
Впервые старика неглупого встречаю!

Мефистофель

Искал я клада, не жалея рук,
А вырыл кучу мусора простого.

Бакалавр

И ваша плешь – сознайтесь, милый друг, –
Ничем не лучше черепа пустого?

Мефистофель

(ласково)

Ты, верно, сам, дружок, не сознаешь,
Как груб ты?

Бакалавр

Вежлива у немцев только ложь!

Мефистофель

(сидя в кресле на колесиках, все время подвигался на авансцену и теперь обращается к партеру)

Здесь, наверху, житья нет никакого:
Ни воздуха, ни света не дают.
Авось меж вами я найду приют?

Бакалавр

Я нахожу весьма претенциозным,
Что люди, пережив известный срок,
Хотят быть чем-то, хоть ничем серьезным
Уже не могут быть: их век истек!
Ведь жизнь живет в крови, а в ком кипучей,
Чем в юноше, кровь свежая течет?
Живая кровь в нем силою могучей
Жизнь новую из жизни создает.
Все движется, все в деле оживает;
Кто слаб, тот гибнет, сильный – успевает.
Пока полмира покорили мы,
А вы как жили, старые умы?
Вы думали, судили, размышляли,
Да грезили, да планы составляли
И сочинили только планов тьмы.
Да, старость – просто злая лихорадка,
Бессилие, болезненный озноб!

Как человеку стукнет три десятка,
Его клади сейчас хоть прямо в гроб.
Вас убивать бы, как пора приспела!

Мефистофель

На это черт согласен будет смело.

Бакалавр

Что черт? Лишь захочу – и черта нет!

Мефистофель

(про себя)

Тебе подставит ножку он, мой свет!

Бакалавр

Да, вот призванье юности святое!
Мир не существовал, пока он мной
Не создан был; я солнце золотое
Призвал восстать из зыби водяной;
С тех пор как я живу, стал месяц ясный
Вокруг земли свершать свой бег пре-

красный,
Сиянье дня мой озаряет путь,
Навстречу мне цветет земная грудь;
На зов мой, с первой ночи мирозданья,
Явились звезды в блеске их сиянья!
Не я ли уничтожил мысли гнет,
Сорвал тиски филистерства? Свободный,
Я голос духа слушаю природный,
Иду, куда свет внутренний влечет,
Иду, восторга полный! Предо мною
Свет впереди, мрак – за моей спиною!

(Уходит.)

Мефистофель

Иди себе, гордись, оригинал,
И торжествуй в своем восторге шумном!
Что, если бы он истину сознал:
Кто и о чем, нелепом или умном,
Помыслить может, что ни у кого
Не появлялось в мыслях до него?

Но это все нас в ужас не приводит:
Пройдут год, два – изменится оно;
Как ни нелепо наше сусло бродит,
В конце концов является вино.

(К молодым зрителям в партере, которые не аплодируют.)

Вы не хотите мне внимать?
Не стану, дети, спорить с вами:
Черт стар – и, чтоб его понять,
Должны состариться вы сами.

Лаборатория
В средневековом стиле

Крупные неуклюжие приборы для фантастических целей.

Вагнер

(у очага)

Чу! Грозный колокол! Он стены
Под черной копотью потряс…
Я чую близость перемены!

Не может длиться ни на час
Злой неизвестности терзанье,
Как ни серьезно ожиданье!
Вот-вот: уж тьма светлей, светлей –
Я вижу, в колбе раскаленной
Как будто уголь оживленный
Затлелся... Вот он ярко в ней
Уже горит рубином красным
И мечет в сумраке неясном
Как будто молнии вокруг!..
Вот белый свет явился вдруг...
Сколько б не было потери
Теперь!.. А, бог мой, что за скрип у две-ри?

Мефистофель

(входя)

Привет вам! Рад удачу я для вас
Принесть!

Вагнер

(боязливо)

Привет – в счастливый звездный час!

(Тихо.)

Но тише, чтобы не дохнуть! Сейчас
Великое здесь дело совершится.

Мефистофель

(тихо)

Что тут такое?

Вагнер

(шепотом)

Человек творится.

Мефистофель

Вот как! А где же спрятались они?
Не слишком ли здесь дымно помещенье

Для парочки?

Вагнер

Нет, боже сохрани!
То, прежде в моде бывшее рожденье
Считаем мы за вздор, за униженье!
Тот нежный пункт, откуда жизнь вся шла.
Та милая сокрытая в нем сила,
Что изнутри ключом наружу била,
Которая давала и брала,
Сама собой слагалась и росла,
Сперва себе родное усвояла,
А вслед за тем чужим овладевала, –
Цены своей лишается теперь!
Пусть этим будет наслаждаться зверь,
Но человек при том высоком даре,
Которым он владеет, должен впредь
Происхожденье высшее иметь,
Чистейшее, чем остальные твари!

(Обращается к очагу.)

Смотрите, светит! Значит, найден путь!

Действительно, надежда есть, что можем,

Когда веществ различных сотню сложим,

Смешаем их – в смешенье здесь вся суть, –

Все человека вещество составить;

Его мы в колбу можем переправить,

Закупорим, возгоним на огне

И там свершим все дело в тишине!

(Снова обращается к очагу.)

Свершается! Вот в массе все яснее

Сквозит уж форма! Все сильней, сильнее

Уверенность глубокая во мне!

Да, что считалось тайною природы

Великою, то проб разумных годы

Нас научили ныне создавать!

Работа наша даром не пропала,

И что природа организовала,

То мы умеем кристаллизовать!

Мефистофель

Кто много жил, тот и видал немало:
Ничто ему не ново в жизни сей.
Так, странствуя, встречал и я, бывало,
Кристаллизованных людей.

Вагнер

(все время внимательно смотря на колбу)

Вздымается, блестит, клубится!
Лишь миг остался, чтоб всего добиться!
Да, смелый план сперва нелеп на вид,
Но в будущем рассудку несомненно
Над случаем победа предстоит,
И мозг подобный, мыслящий отменно,
Еще не раз мыслитель сотворит!

(С восхищением рассматривая колбу.)

Стекло звенит с чарующею силой,
Мутнеет, блещет... Труд закончен мой!

Вот вижу я: хорошенький собой,
Там шевелится человечек милый!
Раскрыта тайна, всем ясна вполне!
Чего ж еще желать нам остается?
Прислушайтесь ко звукам: там на дне
Родится голос, речь там раздается!

Гомункул

(внутри колбы, обращаясь к Вагнеру)

А, папенька! Так не на шутку я
Тобою создан? Обними ж меня!
Но только тише: колба разобьется.
Да, вот вам свойство вечное вещей!
Сознаться в этом мы должны без чванства:
Природному – вселенной мало всей,
Искусственное ж требует пространства
Закрытого.

(Обращаясь к Мефистофелю.)

И ты здесь, дядя-плут?

Благодарю: как раз ты кстати тут!
Счастливый рок привел тебя, дражайший!
Я существую – деятельным быть
Я должен; рад к работе приступить.
Ты ловок. Укажи мне путь кратчайший.

Вагнер

Постой. Одно словечко! Все стыдят
Вопросами меня, и стар и млад.
Вот, например: никто понять не может,
Что душу с телом связывает так,
Что разделиться им нельзя никак,
А между тем вражда их вечно гложет.
Иль вот…

Мефистофель

Постой. Скорей спросил бы я,
Зачем не ладят с женами мужья?
Тут толку, друг, вовеки не добиться.

Здесь дело есть: к нему ведь и стремится
Малютка.

Гомункул

Что же делать мне, скажи!

Мефистофель

(указывая на боковую дверь)

Вот здесь свои таланты покажи!

Вагнер

(все время смотря на колбу)

Ты мил на славу, мальчик мой прелестный!

Боковая дверь открывается; виден Фауст, распростертый на ложе.

Гомункул

(с удивлением)

Полно́ значенья!

Колба выскальзывает из рук Вагнера, летает над Фаустом и освещает его.

Что за вид чудесный!
Среди тенистой рощи светлый пруд;
Вкруг пред купаньем женщины ведут
Беседу, раздеваясь без стесненья,
Одна другой прекрасней; но – нет слов –
Одна всех прочих краше без сравненья,
Из племени героев иль богов.
Чтоб пламя жизни царственного тела
Ей всплеск волны прозрачной охладил,
Ногой она касается несмело
Хрустальных струй. Но что за взмахи крыл
По глади вод зеркальных шумно плещут?
В испуге девы все бегут, трепещут;
Осталась лишь царица их одна,
И вот стоит, спокойная, она,
В тщеславье женском радостно надменна,
Глядит, как князь прекрасный лебедей,

И кроток и настойчив, нежно к ней
Прильнул, лобзает робко ей колена.
Вот осмелел он, стал совсем ручной,
И… но туман густою пеленой
Раскинулся над милою четой,
И скрылася прелестнейшая сцена.

Мефистофель

Чего ты тут не видел, милый мой?
Так ростом мал, а фантазер большой!
Я ничего не вижу.

Гомункул

Без сомненья!
Ты – северянин средневековой,
Туманного ты, друг, происхожденья!
Где рыцарства и папства длится спор,
Возможен ли свободный кругозор?
Тебе лишь мрак любезен от рожденья.

(Осматривается.)

Как все здесь неприветливо! Какой
Противный камень – бурый, грязный,

мрачный,

Весь стрельчатый, причудливый, невзрачный!

Проснись, бедняк, – сейчас, объят тоской,

На месте он умрет! Простор природы,

Красавицы нагие, лес и воды,

И лебеди – вот чем он поглощен,

Вот что ему рисует вещий сон!

И чтоб он мог ужиться здесь? Помилуй!

Хоть я покладист, да и то насилу

Терплю я все! Отсюда прочь, долой

Весь этот вздор!

Мефистофель

Уйти я рад, по чести.

Гомункул

Всего приличней для солдата – бой,

А хоровод – для девки молодой, –

Все хорошо, когда оно на месте.

Да вот – припомнил кстати я сейчас.
А к цели нет для нас пути короче:
Теперь на юге – празднество как раз
Классической Вальпургиевой ночи.
Вот средство наилучшее, чтоб он
К своей стихии вмиг был приведен.

Мефистофель

Я не слыхал об этом.

Гомункул

Было б чудо,
Когда б ты слышал что-нибудь о том:
Ведь вам, по части призраков, покуда
Один лишь мир романтики знаком.
Но если поразмыслить – отчего же
В классическом не быть им мире тоже?

Мефистофель

Куда же мы должны направить бег?
Как не люблю античных я коллег.

Гомункул

Северо-запад – край, где вожделенья
Свои ты любишь тешить, сатана,
А наши все, наоборот, стремленья
К юго-востоку. Там лежит страна,
Где по равнине тихой сквозь дубровы
Потоком вольным стелется Пеней;
Она ведет к ущельям, а над ней
Лежит Фарсал, как старый, так и новый.

Мефистофель

Ох, уж избавь от этих пустяков,
От вечных ссор тиранов и рабов!
Мне надоел раздор их бестолковый.
Тоска одна: начнут переставать –
Вдруг, смотришь, все передрались опять
И вновь шумят, заметить не умея,
Что это только штуки Асмодея.
Свободы ради дым идет столбом,

А попросту дерется раб с рабом.

Гомункул

Оставим их: людей ведь не исправить!
Всяк защищать права свои умей
От детских лет до старости своей!
Нам только б друга на ноги поставить!
Когда ты знаешь средство – испытай;
Не знаешь – мне во всем свободу дай.

Мефистофель

Хоть брокенских я знаю штучек много,
Но заперт мир язычества мне строго.
Я знаю этот греческий народ,
Ведь возбуждать он чувственность умеет,
К грешкам веселым он людей влечет;
На наших – мрак все как-то тяготеет.
Но что же будем делать мы и как?

Гомункул

По женской части ты, мой друг, не промах:
Тебе я новых покажу знакомых,
Ведьм фессалийских: это не пустяк!

Мефистофель

(похотливо)

Гм! Фессалийских ведьм! Оно конечно,
Знакомства с ними я давно ищу;
Едва ль ночей им много посвящу,
Едва ли ими увлекусь сердечно,
Но навестить, попробовать...

Гомункул

Скорей!
Раскинь свою ты мантию пошире
И вместе с рыцарем на ней,
Как прежде, мчись вперед в эфире!
Я впереди вам посвечу.

Вагнер

(боязливо)

А я?

Гомункул

Ну вот еще! Обязанность твоя
Не странствовать, а дома оставаться
И здесь делам важнейшим предаваться.
Пергаменты старинные читай,
По предписанью собирай, где можно,
Начала жизни, после ж осторожно
Одно с другим их вместе сочетай;
Обдумай «что», реши задачу эту;
Вопросу «как» вниманья посвяти
Побольше; я ж, пострaнствовав по свету,
Поставлю точку, может быть, над і.
Наградой будут нам за то стремленье
Честь, слава, деньги, жизнью наслажденье

Здоровою и долгой, знаний круг
И добродетель, может быть, мой друг!
Прощай!

Вагнер

(печально)

Прощай! Скорблю я всей душою:
Боюсь, что мне не свидеться с тобою!

Мефистофель

Итак, скорей к Пенею! Я готов!
Родне нельзя не сделать угожденья.

(Ad spectatores.)[9]

Зависим мы, в конце концов,
От тех, кто наши же творенья.

Классическая

---

[9] Сноски: 9
К зрителям *(лат.).*

Вальпургиева ночь

Фарсальские поля. Мрак.

Эрихто

На празднество полночное по-прежнему
Являюсь я, Эрихто, мрачно-скорбная,
Не столь страшна, как жалкими поэтами
Прославлена я в песнях; меры нет у них
В хуле, как в лести. Поле забелелося,
Шатрами все туманными покрытое:
То вставший призрак ночи, полной ужасов.
Увы, как часто это повторяется
И повторяться будет! Никогда никто
Не уступает власти, взятой силою:
Насильно завладевши ею, хочется
Господствовать надменно над соседями
Тому, кто даже сам собой не властвует.

Но этот бой – пример великий смертным всем.

Стоял здесь грудью сильный против сильного,

Венец свободы дивный здесь разорван был,

И жесткий лавр обвил чело властителя.

Великому здесь снилась слава прежних дней,

А гордый Цезарь здесь следил внимательно

За стрелкою весов судьбы изменчивой.

Сегодня снова это все измерится,

Но знает мир, кому удача выпала.

Горят огни сторожевые, красные…

Пролитой кровью дышит вновь земная грудь;

Чудесной ночью этой привлеченные,

Слетаются толпами мифы древние;

Парят в тумане иль вокруг огней сидят

Эллады древней образы чудесные.

Вот месяц хоть неполный, но сверкающий,

Свое сиянье разливая кроткое,

Восходит над долиной; синим пламенем

Горят огни; шатров исчезли призраки.

Но что за дивный метеор несется там?

Он светится; в нем что-то есть телесное.

Я чую жизнь. Уйду я. Мне не следует

К живому приближаться: я вредна ему,

И только даром станут порицать меня.

Спустился он. Уйду скорее в добрый час.

(Удаляется.)

Воздухоплаватели в вышине.

Гомункул

Облетим еще все поле

Над туманом, над огнями;

Страшно там, в глубоком доле,

Мрачно, призрачно под нами.

Мефистофель

Видел северных я разных,
Точно в старое окно,
Привидений безобразных, –
Здесь не лучше все равно!

Гомункул

Великанша зашагала,
Прочь идет от нас скорей.

Мефистофель

Нас под небом увидала:
Видно, страшно стало ей.

Гомункул

Пусть уходит – я согласен;
Только рыцаря спусти:
Он очнется, в царстве басен
К жизни сыщет он пути.

Фауст

(коснувшись земли)

Что? Где она?

Гомункул

Не можем дать ответа;
Но, вероятно, можно здесь о ней
Спросить. Спеши все время до рассвета
Использовать, блуждая меж огней;
Иди смелей: кто был у Матерей,
Тому нет в мире страшного предмета.

Мефистофель

И я готов принять участье в том.
По мне, вот лучший план для развлечений:
Поодиночке мы к огням пойдем,
Своих пусть каждый ищет приключений.
А чтобы нас опять соединить,
Светить малютка станет и звонить.

Гомункул

Вот так звонить, вот так светить я буду!

Колба сильно звенит и светится.

Пойдем же вновь искать чудес повсюду!

Фауст

(один)

Но где ж она? Не спрашивай пока!
Ведь если землю здесь она ногою
Не попирала, если ей волною
Навстречу не плескала здесь река,
То воздух – тот, где с самого начала
Божественная речь ее звучала!
Здесь, в Греции, здесь чудом близко к ней!
Я эту почву ощутил мгновенно,
Ее коснувшись, сонный! Вдохновенно
Я ожил вновь, я крепок, как Антей!
Какое бы ни встретилось мне диво,

Я лабиринт огней пройду пытливо.

(Уходит вдаль.)

У верхнего Пенея

Мефистофель

(осматриваясь вокруг)

От огонька брожу до огонька,
И все мне чужды, все мне непривычны;
Здесь каждый гол иль лишь покрыт слегка;
Бесстыдны сфинксы, грифы неприличны,
Тот с крыльями, а этот весь в шерсти.
Чего-чего не встретишь на пути!
Хотя и наше племя не стыдливо,
Античное, однако, слишком живо;
Подделать бы его под новый взгляд
Да вымазать на разный модный лад!
Противнейший народ! Но все ж учтиво
К ним обратиться надо; скрывши злость,

Я должен их приветствовать как гость.

Привет вам, дамы! Вы весьма красивы!

Привет и вам, премудрых старцев гривы!

Гриф

(скрипучим голосом)

Не гривы мы, а грифы, и притом

Не старцы! Удовольствия ни в ком

Названье старца возбудить не может!

Пусть в каждом слове будет смысл такой,

Какой в него происхожденье вложит;

Слова «грусть», «грозный», «гроб» – семьи одной,

Их звук в этимологии – родной,

Но это нас смущает и тревожит.

Мефистофель

Итак, все эти сходства оценив

И не теряя нити рассужденья,

Скажите: вам почтенный титул «граф»
Приятен сходством с «грабить»?

Гриф

(тем же тоном)

Без сомненья!
Закон родства и здесь вполне правдив.
Хоть часто то родство бранят изрядно,
Но чаще хвалят. Грабь лишь беспощадно,
Хватай короны, золото и дев:
Грабителя щадит Фортуны гнев.

Муравьи

(колоссального вида)

О золоте здесь речь! Его без меры
Собрали мы, запрятали в пещеры,
Но аримаспы ход к нему нашли:
Их смех берет, что клад наш унесли!

Грифы

Мы сможем вынудить у них признанье.

Аримаспы

Но не теперь, в ночь торжества, когда
Свобода здесь царит и ликованье;
А к утру клад исчезнет без следа.
На этот раз исполним мы желанье.

Мефистофель

(усевшись между сфинксами)

Как я легко ко всем вам здесь привык
И понимаю каждого язык!

Сфинкс

Мы, духи, дышим звуками пред вами,
А вы их воплощаете словами.
Ты незнаком нам. Как тебя зовут?

Мефистофель

Мне имена различные дают.
Есть бритты здесь? Они везде снуют:
У водопадов, на полях сражений,
В развалинах классических строений, –
Для них как раз была б находка тут!
Они в одном из старых представлений
Мне дали имя «Old Iniquiti».

Сфинкс

Как к этому пришли?

Мефистофель

Не мог найти
Я этому названью объяснений.

Сфинкс

Пусть так. Ты в звездах знаешь толк? Для нас
Что в них прочтешь про настоящий час?

Мефистофель

(взглянув на небо)

Звезда блестит там за звездой в лазури,
Сияет полумесяц там светло,
Но мне здесь так уютно, так тепло
Сидеть, к твоей прижавшись львиной шкуре.
Что пользы мне стремиться в звездный край?
Ты лучше мне загадку загадай
Иль выдумай шараду.

Сфинкс

Недостатка
Не будет в том. Скажи, кто ты, – и вмиг
Готова будет славная загадка.
Ее решить попробуй напрямик:
«Кто надобен и доброму и злому –
Для первого мишень, чтоб, как аскет,

Он со врагом сражался, а второму
Дает всегда поддержку и совет
Безумствовать, творя добру помеху, –
И это все лишь Зевсу на потеху?»

Первый Гриф

(трескучим голосом)

Долой его!

Второй Гриф

(еще громче)

Что нужно здесь ему?

Оба

Он, мерзостный, здесь вовсе ни к чему!

Мефистофель

(грубо)

Не думаешь ли ты, что гостя ногти
Царапают слабей, чем ваши когти?
Попробуй-ка!

Сфинкс

(кротко)

Нет, что ж, куда ни шло,
Останься, ты и сам уйдешь невольно.
В твоем родном краю тебе привольно,
А здесь тебе как будто тяжело.

Мефистофель

Ты сверху – аппетитная картина,
Зато внизу – ужасная скотина.

Сфинкс

Ты, лжец, себя наказываешь сам:
У нас здоровье в каждой лапе львиной,
А ты – хромой, с ногою лошадиной –
Завидуешь; зато и враг ты нам.

Сирены напевают вверху прелюдию.

Мефистофель

Что там за птицы так искусно

Поют, на тополе засев?

Сфинкс

Не верь им! Многих славных гнусно
Сгубил предательский напев.

Сирены

Ах, зачем вам там ютиться
Между чудищ тех ужасных?
К нам не лучше ль обратиться?
Вот мы, хор сирен прекрасных,
Гармоничных, сладкогласных!

Сфинкс

(передразнивая их на тот же мотив)

Нет, спуститесь! Меж ветвями
Вы уселись, славословя,
Ястребиными когтями
Смерть ужасную готовя
Тем, кто станет слушать вас!

Сирены

Прочь, вражда и зависть злая!
Счастье, радость вся земная
Здесь да будут между нас.
На воде ли, на земле ли,
Все с приветом, все в веселье
Гостя встретим в этот час!

Мефистофель

Вот так прекрасные находки!
С дрожащих струн, из женской глотки,
Сплетаясь, звук ко звуку льнет.
Что мне до певчего их вздора?
Щекочет уши он, нет спора, –
Но к сердцу, к сердцу не дойдет.

Сфинкс

Завел ты речь о сердце тоже!
Пустой мешок из старой кожи
Скорей к лицу тебе идет.

Фауст

(подходя)

Как дивно это все! Я ощущаю
Довольство здесь от сердца полноты!
Я в безобразном всюду замечаю
Великого прекрасные черты.
Все это мне и памятно и свято!
Я чувствую, что счастье рок сулит!
Что мне напомнил этот строгий вид?

(Указывая на сфинксов.)

Пред этими Эдип стоял когда-то.

(Указывая на сирен.)

Пред этими, в тисках пеньковых пут,
Улисс бессильно корчился!

(Указывая на муравьев.)

Вот эти
Сбирают клады, высшие на свете.

(Указывая на грифов.)

А эти их прилежно стерегут.

Я обновляюсь духом, полн сознанья
Великих этих образов! Встают
Великие в душе воспоминанья!

Мефистофель

В другой бы раз ты проклял их семью,
А тут находишь много в них отрады:
Где ищем милую свою,
Там и чудовищам мы рады!

Фауст

(сфинксам)

Вы, лица женщин, дайте мне ответ:
Видали ль вы Елену или нет?

Сфинксы

Наш род до дней ее не достигает:
Из нас убил последних Геркулес.
О ней спроси Хирона: обегает
Он всю равнину в эту ночь чудес;
И если он помочь тебе захочет,
То этим твой успех вполне упрочит.

Сирены

Здесь все это достижимо!
Как Улисс у нас гостил,
Не спеша с презреньем мимо,
Нам он много сообщил.
Все расскажем мы охотно,
Поживи лишь беззаботно
У зеленых волн морских!

Сфинкс

Нет, герой, беги от них!
Прочнее уз пеньковых Одиссея
Тебя пусть свяжет добрый наш совет:
Найди Хирона – и, сомненья нет,
Узнаешь все: ручаюсь в том тебе я.

Фауст удаляется.

Мефистофель

(с досадой)

Что там за крик, за взмахи крыл?

Сфинкс

За ними уследить нет сил.
Одна другой на смену птицы мчатся;
Охотнику за ними не угнаться.
Как бурный вихрь, сюда толпа летит
Быстрей, чем стрелы, что пускал Алкид.
То мчится стая быстрых стимфалид,
При клювах коршунов, с гусиными ногами.
Нас карканьем приветствуют они
В надежде здесь усесться между нами,
Попасть в наш круг: ведь нам они сродни.

Мефистофель

(как бы с испугом)

Что там еще за мерзость зашипела?

Сфинкс

Не бойся: это головы былой

Лернейской гидры; хоть они от тела
Оторваны, но заняты собой.
Но что с тобою? Ты пришел в расстройство!
Что за ужимки, что за беспокойство?
Чего ты хочешь? Уходи!
Я вижу: та толпа там, позади,
Тебе невольно вертит шею.
Что ж, не стесняйся, познакомься с нею!
К красавицам поближе подойди,
К ним, ламиям веселым, миловидным,
С улыбкой нежной и челом бесстыдным,
Любимицам сатиров молодых.
К проказам их они совсем не строги:
Себе меж ними может козлоногий
Позволить все. Узнай поближе их!

Мефистофель

Но я вас здесь найду по возвращенье?

Сфинкс

Да! Поищи отрады в развлеченье.
Мы из Египта; мы приучены
Тысячелетия царить бессменно;
И, если люди чтут нас неизменно,
Мы правим днями солнца и луны.
Как народов суд бесстрастный,
Мы сидим у пирамид;
В мир, в войну, в потоп ужасный
Неизменен сфинксов вид.

У верхнего Пенея

Пеней, окруженный ручейками и нимфами.

Пеней

Ты, тростник, шепча, клонися;
Ты, камыш, кивая, гнися;
Ветви тополя, шепчите,
Ветви ивы, лепечите,
Снова мне навейте сон!

Здесь послышалось движенье,
Дрожь и тайное смятенье,
И поток мой пробужден.

Фауст

Что я слышу чутким ухом?
Или я обманут слухом?
Там под зеленью, растущей
Вдоль реки густою кущей,
Слышны звуки тихой речи,
Точно голос человечий,
Слышен волн болтливый шепот,
Ветерка пугливый ропот.

Нимфы

(Фаусту)

Ты лучше прилег бы
В блаженстве отрады,
Усталым бы членам
Дал негу прохлады.
Давно улетевший
Найдешь здесь покой!

Журчим мы и плещем,
Шепча над тобой.

Фауст

Я не во сне! О наслажденье!
О несравненные виденья,
Вы не скрывайтеся от глаз!
О, как я полн очарованья!
То грезы иль воспоминанья?
Я уж однажды видел вас!
Среди густых кустов прибрежных,
Под влажной тенью листьев нежных
Струи бесшумно чуть текут;
Со всех сторон вода сбегает,
И для купанья возникает
Зеркально чистый, тихий пруд;
И вот, восторгом взор пленяя,
Картина видится двойная
Здоровых, юных женских тел.
Одни в воде бредут пугливо,
Другие плещут, брызжут живо –
И бой веселый закипел.

Довольно бы, казалось, взгляду,
Любуясь, здесь найти отраду,
Но дальше все влечет мечта:
Где скрыта в глубине беседки
Царицы дивной красота.
Дивно! Бухты покидая,
Вот плывет сюда и стая
Величавых лебедей
Мирно, ласково, привольно
И гордясь самодовольно
Красотой голов и шей.
Но один, других красивей,
Всех смелей и горделивей,
Стаю всю прорезал вмиг;
Перья пышно распуская,
Волны грудью рассекая,
Он к святилищу проник.
Другие ж, белизной сверкая,
Плывут себе иль, дев пугая,
В красивой носятся борьбе;
Их цель – добиться, чтобы девы
Забыли службу королевы,

Заботясь только о себе.

Нимфы

Склоним ухо до земли,
Нежной зеленью покрытой:
Что-то там стучит вдали,
Будто конское копыто.
Кто такой и что за весть
Мог бы в эту ночь принесть?

Фауст

Мне кажется, земля дрожит и стонет,
Как будто кто-то быстро лошадь гонит.
Что вижу я?
Судьба счастливая моя!
Ужель своих желаний исполненья
Достиг уж я? О чудо без сравненья!
Вот мчится всадник близко от меня;
Он гонит белоснежного коня;
Мне кажется и мудрым он и смелым…

Я не ошибся: это он,
Филиры славный сын, Хирон!
Стой, стой, Хирон! К тебе спешу я с делом!

Хирон

Ну что тебе?

Фауст

Умерь свой быстрый шаг!

Хирон

Я не могу стоять.

Фауст

Ну, если так,
Возьми меня с собой.

Хирон

Садись. Свободно
Расспрашивай теперь о чем угодно.
Куда тебя везти? На берегу

Стоишь ты. Если хочешь, я могу
Тебя чрез реку перенесть.

Фауст

(садясь)

Сердечно
Тебе я буду благодарен вечно,
Куда б меня с собой ты ни повлек.
Великий муж и мудрый педагог,
Ты воспитал, себе ко славе лестной,
Героев-аргонавтов круг чудесный
И прочих, кем поэзия цвела.

Хирон

Оставим эти трудные дела!
Известно всем, что и сама Паллада
Как ментор чести не приобрела.
За подвиги плохая тут награда.
В конце концов, всяк поступал как знал,
Как будто их никто не воспитал.

Фауст

Врача, кто знает каждое растенье,
Кореньев силу тайную постиг,
Болезням помощь, ранам исцеленье
Умеет дать всегда в единый миг, –
Я обнимаю с нежностью любовной
В его красе телесной и духовной.

Хирон

Когда героя ранили при мне,
Ему я помощь мог подать вполне;
Потом свое искусство все и средства
Я дал знахаркам и попам в наследство.

Фауст

Ты истинно великий муж: похвал
Не хочешь слышать, скромно укло-
ниться
Стараешься; как будто кто бывал,
Который бы с тобою мог сравниться!

Хирон

Как вижу, ты в своем искусстве льстить
Князьям и черни мог бы угодить.

Фауст

Но все-таки ты должен мне признаться,
Что в век свой ты всех лучших видеть мог,
Старался с первым в подвигах сравняться,
Разумно жизнь провел, как полубог.
Из всех героев, что ты в жизни встретил,
Кого бы ты как первого отметил?

Хирон

Из аргонавтов каждый был герой,
И каждый дар имел особый свой.
По дару каждый своему, бывало,
Являл, чего другим недоставало.

Где красота и юность верх берет,
Там Диоскуры шли всегда вперед;
На помощь ближним ловче и быстрее
Всех прочих были сыновья Борея;
Тверд, но в советах мягок и умен
Был царственный Язон, любимец жен;
Дух кроткий был и тихий дан Орфею,
И всех пленял он лирою своею;
Линцей был зорок: ночью он и днем
Равно искусно правил кораблем.
В опасности согласье все являли:
Один шел в бой, другие восхваляли.

Фауст

А Геркулес? Что скажешь про него?

Хирон

О, не буди восторга моего!
Я не видал ни Феба, ни Арея,
Гермеса бога тоже не знавал;
Но он был тот героя идеал,
Которого везде, благоговея,

Как бога, чтили! С юности сиял
Он царственной красой; великодушен
Он был, и брату старшему послушен,
И волю жен прекрасных исполнял.
Вновь Гея не создаст такого! Геба
Уж никого не возведет на небо!
Бессилен весь поэтов хор,
Чтоб гимн ему сложить достойный;
Чтоб воссоздать тот образ стройный,
Напрасно мучится скульптор!

Фауст

Да, в изваяньях он гораздо ниже
Твоих рассказов. Ты поведал мне
О самом славном муже. Расскажи же
Мне также о прекраснейшей жене.

Хирон

Что женская краса! Пленяет тщетно
Холодным внешним обликом она.
Люблю, когда она приветна
И жизни радостной полна.

Пусть красота сама себе довлеет:
Неотразима грация одна,
Которая сердца привлечь умеет.
Такой была Елена в дни, когда
Я вез ее.

Фауст

Ты вез Елену?

Хирон

Да!
На этой вот спине.

Фауст

Еще ли мало
Чудес? Счастливец я!

Хирон

Она сама
Меня, как ты, рукою обнимала,
Держась за шерсть.

Фауст

О, я сойду с ума
От радости такой и восхищенья!
Но где ж и как? О, расскажи скорей!
О ней одной мои все помышленья!
Откуда и куда ты мчался с ней?

Хирон

Изволь, тебе я это растолкую.
В ту пору Диоскуровой чете
Пришлось спасти сестричку дорогую
Из плена похитителей; а те,
Удивлены подобной неудачей,
Привыкнув лишь к победам, ободрясь,
Пустились вслед погонею горячей.
И беглецов тут задержала грязь
В болотах Елевсинских; братья бродом
Отправились, я плыл через разлив;
И вот когда, покончив с переходом,
Мы выбрались, Елена, соскочив,
Со мной умно и нежно говорила,

По мокрой гриве гладила меня,
С достоинством таким благодарила,
Что ласкою был очарован я.
Так молода, а старца покорила!

Фауст

Лишь десять лет ей было!

Хирон

Узнаю
Филологов; обманываясь сами,
Фальшивую теорию свою
Они внушили и тебе! С летами
Красавиц мифологии ведет
Поэзия совсем особый счет;
Поэт такую женщину выводит
В том виде, как пригодным он находит:
Ни зрелость ей, ни старость не грозит,
Ее все время аппетитен вид,
Ее ребенком похищают,
Старухой – женихи встречают;

Ну, словом, здесь преград обычных нет:
Не хочет знать уз времени поэт.

Фауст

Так пусть же и ее не знает властный
Бич времени! Ведь в Ферах же Ахилл
Вне времени достиг ее, прекрасной!
Какое счастье: он порыв свой страстный
Наперекор судьбе осуществил!
Так почему ж и я всей страсти силой
Не мог бы вызвать к жизни образ милый,
Дух этот вечный, равный божеству,
Настолько ж нежный, сколько величавый,
Любви достойный столь же, сколько славы?
Ты вез ее. Сегодня наяву
И я ее увидел, бесконечно
Прекрасную, желанную сердечно!
К ней, только к ней я мыслями лечу
И без нее жить больше не хочу!

Хирон

Друг чужестранец! По людскому мнению,
Ты восхищен, поддавшись увлеченью,
На взгляд же духов – ты с ума сошел.
Тебе на счастье, впрочем, обегая
В ночь эту ежегодно этот дол,
К старухе Манто захожу всегда я.
Дочь Эскулапа, в храм заключена,
Отцу моленья тихо шлет она,
Чтоб, честь свою и славу соблюдая,
Он наконец врачей бы просветил
И убивать людей им запретил.
Она всех лучше из сивилл присяжных:
Проста, добра и без гримас их важных;
Она найдет, наверно, корешок,
Которым ты бы исцелиться мог.

Фауст

Нет, дух мой крепок! Прочь с леченьем ложным!

Я не хочу быть, как толпа, ничтожным!

Хирон

Презреть святую помощь не дерзай!
Ну, вот мы прибыли. Слезай!

Фауст

Под кровом ночи по ручьям кремнистым
Ты мчал меня; теперь мы в поле чистом.
Что здесь за место?

Хирон

Греция и Рим
Со всем великим воинством своим
Лицом к лицу стояли здесь; направо –
Пеней, Олимп – налево; шел их спор
О царстве необъятном, чей простор
В песках пустынь терялся величаво.
И царь бежал, и вся победы слава
Досталась гражданину. Близко к нам,

В лучах луны, стоит священный храм.

Манто

(грезит внутри храма)

Чу! Конские копыта застучали,
Священные ступени зазвучали…
Не полубоги ль позднею порой
Подходят?

Хирон

Верно, лишь глаза открой!

Манто

(пробуждаясь)

Привет тебе! Ты, как всегда, исправен.

Хирон

Твой храм стоит, как прежде, тих и славен?

Манто

А ты все рыщешь неустанно, друг?

Хирон

Ты любишь мир, покой, уединенье;
Мне в странствии кружиться – наслажденье.

Манто

Нет, я сижу, пусть время мчится вкруг.
А этот?

Хирон

Дикой ночи вихрем шумным
Он привлечен сюда. Мечтам безумным
Доверившись, Елену он, бедняк,
Здесь ищет; он добыть Елену хочет!
Об этом он перед тобой хлопочет,
Не ведая, с чего начать и как.
Уж если кто здесь должен полечиться,

Так он!

Манто

Кто к невозможному стремится,
Люблю того.

Хирон уже далеко ускакал.

Войди сюда, смельчак,
И радуйся: вот темный ход, которым
Дойдешь путем надежным ты и скорым
До Персефоны. В полой глубине
Олимпа, вечно скрытая от света,
Там ждет она запретного привета.
Туда водить уж приходилось мне
Орфея. Постарайся ж кончить дело
Удачнее, чем он. За мною, смело!

Уходят в глубину.
У верховьев Пенея, как прежде.

Сирены

Пусть в Пенее наша рать
Шумно плещется, взывая,

Песнь за песнью запевая,
Чтоб несчастным радость дать!
Без воды блаженства нет!
О, помчимся в светлом хоре.
Чтобы там, в Эгейском море,
Засиял нам счастья свет.

Землетрясение.

Пенясь, волны вспять пустились,
В прежнем русле не вместились,
Замутился их поток.
Грудь земли вокруг трясется.
Треснул берег, и несется
Дым сквозь гравий и песок.
Убегайте прочь отсюда!
Всем враждебно это чудо!
Гости, мчитесь, зову вторя,
На веселый праздник моря!
Там трепещущие волны
Лижут берег; месяц полный
Лик свой в море отражает,
Нас росою увлажает;
Там – свобода, жизнь, движенье,

Здесь – грозит землетрясенье.
Кто умен, пусть прочь бежит:
Этих мест ужасен вид!

Сейсмос

(толкаясь и ворча в глубине)

Раз еще упрусь руками,
Двину мощными плечами,
Поднимусь – и перед нами
Все склоняться будет там.

Сфинксы

Что за гадкое трясенье,
Ненавистное смятенье,
Клокотанье, колебанье,
Взад-вперед передвиганье, –
Как досадно это нам!
Но пускай весь ад там стонет –
Сфинксов с места он не сгонит.
Вот и свод воздвигся чудом.
Это он бурлит под спудом,
Он, седой старик, создавший

Для родильницы рыдавшей
Остров Делос: сразу, вмиг
Он из волн его воздвиг.
Он, давя, тесня, сдвигая,
Все усилья напрягая,
Упирается руками,
Как Атлант, и вдруг толчками
Поднимает на спине
Почву, дерн, песок на дне,
Землю, вязкий ил и глину,
Русло речки и долину.
Вот равнины уж кусок
Разорвал он поперек.
Поражающего вида
Исполин-кариатида,
Силу мощно развивая,
Никогда не уставая,
Вышел, страшный груз подняв,
Но по грудь в земле застряв.
Дальше двигаться нет цели:
Сфинксы прочно здесь засели.

Сейсмос

Да, я один воздвигнул гору эту,
Пора признать мой труд! Спрошу я вас:
Кто мог бы дать красу земному свету,
Когда бы я не рушил и не тряс?
Среди лазури чистого эфира
Как выситься могли б вершины гор,
Когда бы их, на украшенье мира,
Не выдвинул могучий мой напор
В те дни, когда перед лицом великих
Хаоса с Ночью, предков жизни всей,
В порывах бурной юности своей
Я бушевал среди титанов диких
И Пелион и Оссу вверх, как мяч,
Шутя кидал, отважен и горяч?
В безумстве мы собою не владели,
Проказы были в юной голове,
И дерзостно мы две горы надели
На верх Парнаса, будто шапки две!
С тех пор в жилище радостного Феба
И муз счастливых превратился он;

И даже Зевсу, громовержцу неба,
Я приподнял миродержавный трон.
С чудесной силой я и ныне
Из бездны вышел. Пусть цветет
На вновь воздвигшейся вершине
Младая жизнь, младой народ!

Сфинксы

За седую древность сами
Эту гору мы б сочли,
Если б тут она пред нами
Не явилась из земли.
Вот новый холм уж лесом весь оброс;
Утес еще теснится на утес,
Но сфинкс спокоен – страх его не сдвинет,
Святого места ввек он не покинет.

Грифы

Злата блестки, злата плитки
Блещут в трещинах земли!
Муравьи, вперед: вы прытки!

Чтобы клад не унесли!

Хор муравьев

Гор массы крепкие –
Колоссов дело!
Вы, ножки цепкие,
Взбирайтесь смело!
Пусть все на труд спешат!
Здесь в каждой щели
И в каждой крошке – клад
Для нашей цели!
В углы теснейшие
Должны войти мы,
Куски малейшие
Должны найти мы;
Кишмя кишите там,
Трудитесь дружно,
Лишь злато нужно нам,
А гор не нужно!

Грифы

Несите золото скорей

Под стражу грифовых когтей!
Как под замком, под ними клад;
Они от всех его хранят.

Пигмеи

Вот и мы! Не знаем сами,
Как мы здесь нашли приют
И какими мы судьбами
Вдруг явились тут как тут.
Каждый клок земли годится,
Чтобы жизнь цвела на нем;
Чуть лишь щель в скале родится,
Глядь – в ней карлик или гном.
Карлик с карлицей прилежной
Мирно жизнь ведут свою,
Как образчик пары нежной:
Верно, было так в раю.
И свою мы хвалим долю,
Эту гору населя.
И восток и запад вволю
Оделяет мать-земля.

Дактили

Творит земля, святая мать,
Пигмеев малых – и опять
Нас, самых малых, производит
И вечно равных нам находит.

Старшие из пигмеев

Быстро, умело
Места ищите
К нашей защите!
Дружно за дело,
Твердо и смело!
Мир здесь покуда,
Будет не худо
Кузницу кстати
Выстроить; куйте
Латы, вербуйте
Воинов рати!
Все, муравьи, вы
Так суетливы;
Землю нам ройте,

Руды откройте,
Дактили-детки,
Хворост и ветки
Весело жгите,
Дров натащите!
Чтоб в изобилье
Уголья были!

Генералиссимус

Стрелы и луки
В меткие руки
Взять поспешите,
Пруд окружите!
Вот вам охота.
Вкруг там без счета
Цапли гнездятся,
Силой гордятся, –
Смерть же им всем!
Всех перебейте!
Гордо обвейте
Перьями шлем!

Муравьи и дактили

Ах, кто нас избавит!
Им труд наш суровый
Железо доставит
На наши оковы!
И вырваться смело
Пока еще рано!
Так делайте ж дело
Послушно и рьяно!

Ивиковы журавли

Крик убийц! В смертельном страхе
Крыльев хлопанье и взмахи!
Стон и плач сюда идет
До заоблачных высот!
Все убиты! Вид ужасный:
Пруд окрашен кровью красной!
Цапель лучшие уборы
Взяли хищники и воры,
Всеми перьями владеют!
Вот они на шлемах веют

Толстопузых, злых и жадных
Кривоножек беспощадных!
Вас, союзные станицы,
Над морями вереницы,
К мести, к мести мы зовем
В деле близком и родном!
К битве будьте наготове,
Не жалейте сил и крови!
К этим тварям навсегда
Наша вечная вражда!

(С криком разлетаются в разные стороны.)

Мефистофель

(на равнине)

На севере с колдуньями исправно
Я ладил; здесь, меж чуждых духов, мне
Невольно все не по душе. Как славно
На Блоксберге – в родной моей стране!
Куда ни повернись, там все знакомо,
И чувствуешь себя всегда как дома.
На камне там нас Ильза сторожит.

Не спит и Генрих на своей вершине,
На Эленд дышат Храпуны поныне,
И это все лет тысячу стоит!
А здесь идешь – вдруг почва под ногами
Вздувается какими-то судьбами!
Я весело шел по равнине, глядь –
Торчит гора, где расстилалась гладь!
Хоть эта горка велика не больно,
Но все ж, конечно, и ее довольно,
Чтоб не нашел я сфинксов. Но и тут
Горят огни и призраки снуют;
Передо мной все пляшет хор красивый,
Дразня, маня, лукавый и игривый.
Вперед же, к ним! Кто к лакомствам привык,
Тот удовольствий ловит каждый миг!

Ламии

(увлекая Мефистофеля с собой)

Скорей, скорей!
Все дальше, рея,
Пусть наша стая

Его заманит,
А там, болтая,
На месте станем!
Смотреть отрадно,
Как грешник старый
За тяжкой карой
Стремится жадно;
Пусть, увлекаясь
И спотыкаясь,
Бежит он там,
Кляня дорогу.
Влачит пусть ногу
Вдогонку нам!

Мефистофель

(останавливаясь)

Проклятый рок! Мужчины-простофили
Со дней Адама вечно все глупили!
Состарятся, а нет ума в мозгах!
Ну не бывал ли сам ты в дураках?
Ведь знаешь ясно, сколько тут изъяна:

Корсет на талье, на лице румяна!
Здорового в них нету ни на грош:
Все гниль да дрянь, как ближе подойдешь.
Все это знаешь, видишь, сердцем чуешь,
А свистнут стервы – мигом затанцуешь.

Ламии

(останавливаясь)

Смотрите: медлит, думает, стоит!
Скорей к нему, а то он убежит!

Мефистофель

(идя вперед)

Смелей вперед! Не дай же в сети
Тебя сомненью уловить!
Не будь лишь, ведьмы, вас на свете,
Кой черт хотел бы чертом быть!

Ламии

(кокетливо)

Подойдемте же к герою,
Вкруг него помчимся в пляске!
Верно, он, пленясь одною,
Пожелает нежной ласки.

Мефистофель

Здесь, при смутном освещенье,
На красавиц вы похожи;
Потому, при всем сомненье,
Не скажу я, что вы – рожи.

Эмпуза

(вмешиваясь)

Как и я! В таком союзе
Дайте место и Эмпузе!

Ламии

Она у нас не ко двору!

Всегда лишь портит нам игру!

Эмпуза

(Мефистофелю)

Эмпуза-тетка пред тобою
Стоит с ослиною ногою,
Ты, впрочем, с конскою ногой,
Привет тебе, кум милый мой!

Мефистофель

Беда! Везде, к своей досаде,
Своих знакомых вижу я:
На Гарце, Брокене, в Элладе –
Куда ни сунься – кумовья!

Эмпуза

Наклонна к быстрым я решеньям,
Способна к разным превращеньям;
Сегодня, в честь тебя, пришла
С ушами длинными осла.

Мефистофель

Как вижу, в этом мире диком
Родство – в почете превеликом.
Но как-никак обидно мне
Иметь осла в своей родне.

Ламии

Оставь ее: она губила
Всегда, что сладостно и мило;
Что мило, сладостно для нас,
Все портит гадкая сейчас.

Мефистофель

Как вы ни стройны, как ни тонки,
Вы подозрительны, девчонки!
Хоть ваши щечки краше роз,
Но я боюсь метаморфоз!

Ламии

Нас много: пробуй, если смеешь!
И если счастье ты имеешь

В игре, то лучшую добудь!
Что в болтовне твоей бесстыдной?
Жених ты вовсе не завидный,
А выставляешь гордо грудь!
Вот к нам вмешался он. Ну, смело!
Снимайте маски то и дело –
Пусть ваша выступит вся суть!

Мефистофель

Ты лучше прочих.

(Обнимает ее.)

Тьфу, какая
Метла противная, сухая.

(Хватает другую.)

А ты? Вот кожа-то: ай-ай!

Ламии

Не стоишь лучших – не мечтай!

Мефистофель

Дай изловлю тебя, малютка…

Скользит как ящерица! Жутко!
Коса – что гладкая змея!
Ну ты, верзила, будь моя!
Ну вот: я тирс схватил под мышки,
На нем – головка вроде шишки
Кедровой!.. Вновь обманут я!
Как быть тут? Ну, набравшись духу,
Схвачу в последний раз толстуху,
Авось потешусь хоть на миг!
Дрябла как губка! Для Востока
Такие ценятся высоко…
Ай, лопнул мерзкий дождевик!

Ламии

Кружитесь, вейтесь черной тучей!
Мечитесь стаею летучей,
Чтоб ведьмин сын спастись не мог!
Порхайте вкруг нетопырями,
Грозя неслышными крылами!
Нет, слишком дешев был урок!

Мефистофель

(отряхиваясь)

Не очень-то я поумнел!.. Бесспорно,
Здесь, так же как на севере, все вздорно;
И там и здесь – что призрак, то урод,
Противны и поэты и народ!
И здесь, как там, в игривом маскараде
Дурят без меры чувственности ради.
Я ждал найти красавиц, а хватал
Таких, что волос дыбом становился!
Да я бы на обман и не роптал,
Когда бы он немножко дольше длился!

(Заблудившись между камнями.)

Но где же я? Как тропку мне найти,
Где брел я? Нет проходу никуда мне!
Вперед я шел по гладкому пути –
Теперь же камень здесь торчит на камне!
Напрасно я то вверх, то вниз бреду…

Ну как же сфинксов я опять найду?

В одну лишь ночь здесь горы возникают:

Не ждал такой я шутки. Ну народ!

Вот ведьмы здесь так ведьмы: в свой поход

Они с собою Блоксберги таскают!

Ореада

(с естественной горы)

Всходи сюда! Моя гора

Несокрушима и стара;

То Пинда крайние отроги;

Я здесь храню покой их строгий,

Не изменившийся с тех дней,

Когда бежал по ним Помпей.

Те камни – бред; не верь виденьям:

Всё сгинет с петушиным пеньем.

Такие мифы уж не раз

Являлись, чтоб пропасть сейчас.

Мефистофель

Хвала же старцу, что стоит,
Венцом дубовых рощ покрыт!
Их сумрак густ, не проникает
В него и яркий луч луны.
Но что за скромный свет мелькает
В кустах, что в тьму погружены?
Вот, право, странно: как нарочно
Сошлись! Гомункул это, точно!
Откуда ты, малютка-друг?

Гомункул

Да вот я все порхаю здесь вокруг;
Хочу родиться в лучшем смысле слова,
Жду не дождусь разбить свое стекло;
Но как вокруг я посмотрю, так снова
Боюсь: как будто время не пришло
Отважиться на это. Откровенно
Скажу тебе: иду я по следам
Двух мудрецов почтенных, непременно
Хочу я к их прислушаться словам.

В речах у них «природа» да «природа»,
И знаешь, от людей такого рода
Отстать я не хотел бы; вижу я:
Ясна им суть земного бытия!
От них надеюсь скоро знать вполне я,
Как поступить бы мне всего умнее.

Мефистофель

Здесь действуй сам, без помощи чужой!
Где привиденья заведутся,
Там и философы найдутся,
Которые, чтоб ум прославить свой,
Наделают посредством рассуждений
Десяток новых привидений.
Не делая ошибок, полноты
Ума ты не достигнешь; если ты
Родиться хочешь – собственным уменьем
Рождайся!

Гомункул

Отчего ж и с умным мненьем

Не справиться?

Мефистофель

Ну так иди к своим
Философам! Что выйдет – поглядим.

Расходятся.

Анаксагор

(Фалесу)

Смириться твой не хочет ум суровый;
Что ж, должен ли привесть я довод новый?

Фалес

Послушна ветру каждому волна,
Но от крутой скалы бежит она.

Анаксагор

Вот этот холм огня воздвигла сила.

Фалес

Всегда лишь влага жизнь производила.

Гомункул

(между ними)

Позвольте возле вас идти;
Я сам хочу произойти.

Анаксагор

(Фалесу)

Скажи: ужель создать возможно было
Такую гору в ночь одну из ила?

Фалес

Природы ключ велик: не может он
В пределах дня и ночи быть стеснен;
В ее делах, средь образов обилья,
Есть правильность, в великом нет насилья.

Анаксагор

Но здесь так было! С силою возник
Огонь Плутона; вихрь Эола вмиг
Прорвал равнины почву силой взрыва,
И вот гора возникла здесь, как диво.

Фалес

Довольно же: покончить нам пора.
Мы видим только, что здесь есть гора,
А в споре только время мы теряем
Да добрым людям пыль в глаза пускаем.

Анаксагор

Здесь мирмидонян тьма живет:
Пигмеи, муравьи, дактили
Меж скал все щели населили, –
Прилежный мелкий все народ.

(Гомункулу.)

Ты до сих пор не гнался за большим,
Жил как отшельник за стеклом своим;

Вот если хочешь царствовать и править,
Царем я здесь могу тебя поставить.

Гомункул

Фалес, что скажешь?

Фалес

Мой совет –
На этот раз ответить «нет».
Кто с малыми живет и малым занят,
Тот малые дела творит,
С великими ж велик и малый станет.
Смотри: вон туча журавлей парит,
Грозя пигмеям, испуская крики:
Грозила б также их царю она.
Наставив клювы, острые как пики,
Расправив когти, ярости полна,
На карликов спустилась стая грозно:
Им гибель всем теперь грозит серьезно!
Напал с убийством злобным их народ

На мирных цапель, жителей болот,
И вот теперь за это злое дело
Пигмеям месть кровавая назрела.
За цапель злобно родственники мстят:
Злодеев кровь пролить они хотят.
Что стрелы им, которыми сгубили
Пигмеи цапель, что копье и щит?
Попрятались все муравьи, дактили,
Пигмеев рать колеблется, бежит!

Анаксагор

(после некоторого молчания, торжественно)

До сей поры молился я Эребу,
Теперь мольбы я воссылаю к небу.
Тебя молю теперь,
Всегда прекрасную,
Троеименную,
Троеобразную,
Тебя, Луну-Гекату-Артемиду:
Не дай народ несчастный мой в обиду!

О ты, любящая,
Мечтой обильная,
В тиши светящая,
Душою сильная,
Открой пучину тени роковой,
Без чар явись нам в силе вековой!

Пауза.

Ужель услышан слишком скоро я?
Ужель донесся к горным высотам
Мой вопль – и вот закон природы там
Мольба нарушила моя?
Растет, подходит ближе он,
Богини шаровидный трон!
Вот вниз слетает он, очам ужасный,
Громадно-грозный, мрачный, темно-красный,
Огнем кровавым озарен!
Не приближайся, шар могучий!
Нам всем, и морю, и земле
Грозишь ты смертью неминучей!
Так это правда, что в полночной мгле
Жен фессалийских дерзостному пенью

Внимала ты и, путь свой изменив,
Слетала вниз на мощный их призыв
И помогала преступленью?
Вот светлый диск покрылся тьмой…
Он рвется! Молний страшное блистанье,
Шипенье, треск и грохотанье!
Как вихри свищут надо мной!
Я пред тобой склоняюсь, трон прекрасный!
Простите: я призвал его, несчастный!

(Падает ниц.)

Фалес

Чего не видел и не слышал он!
Меня ничто, признаться, не тревожит.
Что здесь свершилось? Чем он так смущен?
В такую ночь безумную все может
Случиться, но луна, ясна, светла,
Висит себе на месте, как была.

Гомункул

Взгляни: жилье пигмеев изменилось.
Сперва вверху кругла была гора,
Теперь вершина сделалась остра.
Я слышал треск: с луны скала свалилась
И раздавила, без излишних слов,
Друзей не хуже, чем врагов.
Но все ж почтенна творческая сила,
Которая, в груди земной таясь,
То снизу вверх, то сверху вниз стремясь,
В теченье ночи гору сотворила.

Фалес

Не беспокойся: та гора –
Воображенья лишь игра.
Пусть пропадет дрянное это племя!
Ну, счастлив ты, что не был в это время
Царем! Пойдем: морской нас праздник

ждет –

Гостям чудесным там большой почет.

Удаляются.

Мефистофель

(взбираясь по другой стороне горы)

Опять ползи по склонам скал суровых
Да путайся среди корней дубовых!
У нас, на Гарце, пахнет хоть смолой
От сосен; там хоть запах ароматен,
Хоть с серным схож он; здесь же неприятен
И самый воздух. Это край такой,
Что нет и речи ни о чем подобном.
Хотел бы знать я, чем в краю загробном
У этих греков раскаляют ад,
Чем заменяют серный дым и чад?

Дриада

Как ни умен ты дома, на чужбине
Неловок: чем о родине мечтать,

Ты должен бы почтенье здесь воздать
Дубов старинных миру и святыне.

Мефистофель

Да, хорошо, конечно, где нас нет;
Когда привычный угол мы теряем,
Он поневоле кажется нам раем.
Но что в пещере там за слабый свет?
Что за тройное существо там жмется?

Дриада

То форкиады! Ближе подойди,
И, коль не страшно, – речь к ним поведи!

Мефистофель

Зачем же нет? Смотрю – и остается
Дивиться лишь! Как я ни горд, а тут
Сознаться должен: ничего на свете
Подобного не видел! Чуда эти
Альравнов безобразьем превзойдут!

При виде этой троицы страшилищ
Кто б не призвал от сердца глубины,
Что смертные грехи не так дурны?
У нас мы в самом страшном из чистилищ
Не стали бы терпеть подобных им,
А здесь, глядишь – присутствием своим
Они отчизну красоты венчают,
Античными их громко величают!
Задвигались, почуяли меня
Вампиры. Вот пошла у них возня,
Шипеньем, свистом чужака встречают.

Форкиады

Подайте глаз мне, сестры: кто-то там
Решается войти в святой наш храм.

Мефистофель

Почтенные! Позвольте к вам с приветом
Приблизиться, чтоб испросить при

этом
Благословенье тройственное! Я
Вам незнаком, но, сколько мне известно,
Я, кажется, вам дальняя родня.
Как чужеземцу, было очень лестно
Старинных всех богов увидеть мне;
И Опс и Рею я почтил вполне
Поклоном; даже парок, ваших славных
Сестер, Хаоса древних дочерей,
Вчера ли видел, несколько ли дней
Тому назад – не помню; но вам равных
Нигде не встретил. Вами я пленен
И умолкаю, полный восхищенья
От чудного такого лицезренья.

Форкиады

Нам кажется, что этот дух умен.

Мефистофель

Увидев вас, одним я удивлен:
Что вас давно поэты не воспели.

Как это вышло? Хоть один бы раз!
И скульпторы, к прискорбью, не успели
Изобразить, достойнейшие, вас;
А было бы скорей достойно цели
Вас передать резцом, чем разных Гер,
Да там Паллад каких-то и Венер.

Форкиады

Погружены в безмолвие ночное,
Об этом и не думали мы трое.

Мефистофель

Да как оно и быть могло бы? Свет
Не видит вас, о вас и слуху нет.
В таких местах вы лучше б водворились,
Где роскошь и искусство воцарились,
Где каждый день проворно там и тут
Из мрамора героев создают,
Где…

Форкиады

Замолчи! Ко славе вожделенья
В нас не буди! Что пользы, если б мы
Все это знали? Рождены средь тьмы,
Тьме родственны, среди уединенья
Живем мы, незнакомые другим,
Себе почти неведомы самим.

Мефистофель

Что ж, если так, тогда – скажу неложно –
Другим свой облик вверить было б можно.
У вас втроем один лишь зуб и глаз:
Взглянув мифологически на дело,
В двух сущность трех могли б вместить вы смело:
Нетрудно это было бы для вас;
А образ третьей мне вы одолжите
На краткий срок.

Одна из форкиад

Как, сестры? Дать иль нет?

Другие

Попробуем! Но только – наш совет –
Без глаза и без зуба.

Мефистофель

Вы лишите
Тогда свой лик прекраснейшей черты:
Не будет в нем строжайшей полноты!

Одна из форкиад

Зажмурь один свой глаз и с этим вместе
Ты выставь длинный клык свой – и сейчас
Похожим в профиль станешь ты на нас,
Как будто брат родной наш.

Мефистофель

Много чести!
Пусть будет так!

Форкиады

Пусть так!

Мефистофель

(становясь в профиль похожим на форкиад)

Готов уж я,
Хаоса сын!

Форкиады

Хаосом знаменитым
Мы рождены.

Мефистофель

О стыд! Гермафродитом
Теперь, пожалуй, станут звать меня!

Форкиады

Смотреть на нашу троицу нам любо:
Теперь у нас два глаза и два зуба.

Мефистофель

От всех скрываясь, я пойду
Теперь пугать чертей в аду.

Скалистые бухты
У эгейского моря

Луна, остающаяся все время в зените.

Сирены

(лежат вокруг на утесах, играют на флейтах и поют)

Если прежде, в полнолунье,
Фессалийские колдуньи
Для своей преступной цели
Призывать тебя умели,
То теперь с небесной арки

Тихой ночью свет свой яркий
Лей спокойно, месяц полный,
На трепещущие волны,
В блеске струй лучом играя,
Кротким светом озаряя
Весь поднявшийся из вод
Веселящийся народ!
Мы служить тебе желаем
И моленья воссылаем:
Будь к нам милости полна,
О красавица луна!

Нереиды и тритоны

(в виде морских чудовищ)

Громче песни распевайте,
Всюду в море вызывайте
Из глубин народ морской!
Мы от бурь на дно укрылись,
Ныне ж вышли – покорились
Звукам чудной песни той,
И в порыве восхищенья

Мы надели украшенья.
Диадемы, перлы, злато
И запястья – все богато.
То подарки нам от вас!
В бездну моря эти дива,
Духи нашего залива,
Ваш увлек волшебный глас.

Сирены

Рыбы ходят в синем море,
Наслаждаясь на просторе
Жизнью сладостной своей;
Вы решили нарядиться,
Мы ж хотели б убедиться
В том, что рыб вы поважней.

Нереиды и тритоны

Прежде чем предстать пред вами,
Это поняли мы сами!
Братья, сестры, в путь скорей!
Раз лишь нам проплыть довольно,
Чтоб сознались все невольно

В том, что рыб мы поважней.

Сирены

Вмиг все они исчезли! Всей толпою
Умчались к Самофракии стрелою!
Попутный ветер дует им туда.
Зачем? Тот остров занят был всегда
Кабирами, чудесными богами.
Себя те боги производят сами,
Самих себя не зная никогда.
В вышине – светла, ясна –
Стой, чудесная луна!
Пусть продлится ночи тень,
Не приходит яркий день!

Фалес

(на берегу, Гомункулу)

Пойти к Нерею, друг мой, надо нам.
Отсюда близко до его пещеры;
Одно лишь худо: страшно он упрям,
Брюзга ворчливый и суров без меры.
Седой старик, упрямою душой

Он ненавидит вечно род людской;
Но все ж ему грядущее открыто –
Давно его тем имя знаменито,
И всеми в мире он за то почтен.
К тому ж добра немало сделал он.

Гомункул

Ну, постучимся все же, будем смелы:
Авось стекло и пламя будут целы.

Нере

Кто это там? Людей ли слышу я?
Вмиг загорелась гневом грудь моя!
Все с божеством хотят они сравнять-ся,
А выше равных нет им сил подняться!
Давно покой божественный пора
Вкушать бы мне, но я желал добра,
Советовал – и как кончалось это?
Как будто я и не давал совета!

Фалес

И все же верят все тебе притом!
Не прогоняй нас, мудрый старец моря!
Совет твой примет с радостью, не споря,
Все это пламя в образе людском.

Нерей

К чему совет? Он не достигнет цели:
В глухих ушах замрет благой совет;
Людскому своеволью меры нет,
Хотя б глупцы и много бед терпели.
Я как отец Париса увещал,
Чтоб он в пылу любви не похищал
Чужой жены: на берегу Эллады
Стоял он предо мною, горд и смел;
Я все предрек, что духом я прозрел:
Пожара дым, горящие громады
Дворцов, паденье балок, а внизу –
Убийства кровь и ужасов грозу,
День судный Трои, чрез поэтов лиру

И памятный и вечно страшный миру.
Что ж? К слову старца как к игрушке он
Отнесся, дерзкий! Рухнул Илион,
Пал исполинским трупом в прах могильный,
Для Пиндовых орлов на пир обильный!
А Одиссей? Я все ему предрек:
Цирцеи плен, Циклопа злость в пещере,
Медлительность его и легковерье
Его друзей. Что ж пользы он извлек?
Он долго плавал, на волнах качался
И лишь случайно, через долгий срок
К гостеприимным берегам примчался.

Фалес

Так. Это все обидно мудрецу;
Но ты ведь добр, вполне тебе к лицу
Еще хоть раз прибегнуть бы к попытке!
Крупица благодарности в избытке
Тебя утешит, как ни тяжела

Неблагодарность прежняя была!
Мы просим не о малом, здесь не шутка:
Умно родиться хочет в свет малютка!

Нерей

Не отравляйте редких мне минут
Счастливого, без гнева настроенья!
Все грации морей сюда придут:
Я дочерей, дорид, жду посещенья!
Не знает сам Олимп, ни целый свет
Таких красавиц; их прелестней нет!
То восседая на спине дракона,
То на конях могучих Посейдона,
Сродненные с стихиею морской,
Дориды легче пены водяной;
На колеснице – раковине славной
Венериной – вслед за сестер толпой
Примчится Галатея, красотой
Первейшая меж ними: нет ей равной!
В Пафосе уж Киприда не живет:
Там Галатею ныне чтит народ.
Она владеет островом, столицей,

Киприды храмом, троном, колесницей.
Идите ж прочь! В час радости отцу
Брань на устах, гнев в сердце – не к лицу.
Прочь! Пусть Протей расскажет вам неложно,
Как превращаться и рождаться можно.

(Уходит по направлению к морю.)

Фалес

Нет, не принес нам пользы этот шаг!
Найдешь Протея – он в одно мгновенье
Исчезнет, если ж нет – ответит так,
Что удивит лишь и введет в сомненье.
Но что же делать? Нужен нам Совет.
Попробуем: пути другого нет!

Удаляются.

Сирены

(на скалах)

Что видит наше око
Там, в царстве волн, далеко?
Как, ветром напряженный,
Сверкает парус в море,
Так там морские жены
Сверкают на просторе.
Мы спустимся пониже,
Чтоб хор их слышать ближе.

Нереиды и тритоны

Дивитесь этим дивам,
Что в дар мы принесли вам!
Вот панцирь черепаший
С добычей чудной нашей:
В нем лик кумиров строгий.
О, пойте: это боги!

Сирены

Малы на взгляд,
Силой обильные,

Помощь в крушенье творят
Боги древнейшие, сильные.

Нереиды и тритоны

Мы ездили к кабирам,
Чтоб шел наш праздник с миром:
Их волей усмирен,
Спокоен Посейдон.

Сирены

Осилить мы их не могли:
Тонули порой корабли;
Но чудною силой своей
Они защищали людей.

Нереиды и тритоны

Здесь три; один остался там,
Не захотел примкнуть он к нам.
Он мнит, что он один – бесспорный,
Чьим мыслям все они покорны.

Сирены

Задеть друг друга шуткой злою
Богам случается порою.
Вы чтите милость их всегда
И бойтесь всякого вреда.

Нереиды и тритоны

Всего их прежде семь считалось.

Сирены

А где же трое их осталось?

Нереиды и тритоны

Не знаем сами: надобно пойти
И на Олимпе справку навести.
Там и восьмой живет, пожалуй, ныне,
Какого прежде не было в помине.
Они свою нам милость рады дать,
Но не готовы сами здесь предстать.
Эти несравненные
Вечно в даль стремятся,

Страстным голодом томятся –
Недоступные им снятся
Тайны сокровенные.

Сирены

Нам чтить богов – везде закон;
Где ни окажется их трон –
На солнце или на луне, –
Молиться стоит им вполне.

Нереиды и тритоны

Как мы гордимся нашей славой –
Устроить этот праздник величавый!

Сирены

Промчится всюду вашей славы гром;
Славней героев древности вы стали:
Они гордились золотым руном,
А вы – кабиров нам достали!

Общий хор

(повторяет эти слова)

Они гордились золотым руном,
А мы (вы) кабиров вам (нам) достали!
Нереиды и тритоны проплывают мимо.

Гомункул

Из глины вижу я горшки,
В которых все нескладно,
О них ломают знатоки
Лоб крепкий беспощадно.

Фалес

Таков их вкус: для них одна
В монете ржавчина ценна.

Протей

(невидимый)

А я доволен, старый чудодей:
Все это тем почтенней, чем странней.

Фалес

Где ты, Протей?

Протей

(говоря, как чревовещатель, то будто вдали, то вблизи)

Я здесь! И здесь!

Фалес

Прощаю
Тебе я шутки старые твои,
Но вместе с тем серьезно увещаю!
Как старый друг: скажи, не утаи,
Где ты? Обман твой вижу я прекрасно.

Протей

(как бы издали)

Прощай!

Фалес

(тихо, Гомункулу)

Он возле нас. Светись же ясно,
Как можно ярче! Любопытен он,
Как рыба; под каким бы видом странным
Он ни скрывался, он огнем приманным
Сюда, наверно, будет привлечен.

Гомункул

Светить я рад, все вкруг залью я светом,
Лишь не разбить бы мне стекло при этом.

Протей

(в виде огромной черепахи)

Что это здесь за чудный, нежный свет?

Фалес

(закрывая Гомункула)

Ты поглядеть желаешь ближе? Нет,
Ты утруди себя трудом немногим
И человеком нам явись двуногим.
Что можем мы сокрыть от чуждых глаз,
То показать – зависит лишь от нас.

Протей

(в благородном человеческом образе)

Мудрец, хитришь, как прежде, ты исправно!

Фалес

Как прежде, ты свой вид меняешь славно!

(Открывает Гомункула.)

Протей

(с удивлением)

Самосветящий карлик! Никогда
Подобного не видывал я!

Фалес

Да!
Вот от тебя он страстно ждет совета:
Произойти на свет желал бы он.
Он говорил мне – как ни странно это, –
Что вполовину только он рожден.
В душевных свойствах нет в нем недостатка,
А вот в телесных качествах – нехватка.
Теперь ему стекло лишь вес дает.

Протей

(Гомункулу)

Ты – истинный сын девы: существуешь,
Когда еще и быть не долженствуешь!

Фалес

(тихо)

Еще одно в нем хоть кого смутит:
Мне кажется, что он – гермафродит.

Протей

Пожалуй, это счастье: тем свободней
Он попадет в тот пол, куда пригодней.
Но нечего тут речи расточать:
В широком море должен ты начать!
Сперва там влага в малом жизнь слагает,
А малое малейших братий жрет
И понемногу все растет, растет –
И так до высшей точки достигает.

Гомункул

Как мягок воздух в этой стороне!
Живителен, приятен запах мне!

Протей

Ты прав. Но дальше там еще приятней
Тебе он будет, милый мальчик мой.
Вон там, на узкой отмели морской,
Еще свежей и воздух благодатней!
Взгляните: вереницей там
Процессия подходит к нам.
Пойдем туда!

Фалес

Я – с вами неразрывно.

Гомункул

Поход трех духов! Трижды дивно!

Родосские тельхины с трезубцем Нептуна подплывают на морских конях и драконах.

Хор

Трезубец, смиряющий волны морей,
Нептуну рукой мы сковали своей.
Когда громовержец грозу производит,
Нептун грохотанью навстречу выходит;
Как сверху зигзаги над морем блестят,
Так снизу навстречу им брызги летят,
И все, что меж ними боролося в страхе,
Все волны кидают и топят в размахе.
И ныне вручил свой трезубец он нам,
Чтоб празднично-мирно нам плыть по волнам.

Сирены

Свет веселый дня вы чтите,
Солнцу вы посвящены,
Но привет от нас примите,
Чтущих тихий свет луны!

Тельхины

Владычица кроткая темного неба!
На почести брата, лучистого Феба,
К Родосу цветущему слух твой склонен,
Где вечным пеаном почтен Аполлон.
Чуть день начинает он в беге широком,
На нас он взирает пылающим оком;
И волны, и суша, и горы блестят,
И мир весь любовью живит его взгляд.
Туман нас бежит; он подкрался б напрасно;
Лишь луч, ветерок – вновь на острове ясно
И Феб в сотне образов видит свой лик:
Колосс он и юноша, добр и велик;
Мы первые в мире его изваяли
И образ богам человеческий дали.

Протей

Пускай гремят хвалою вздорной!
Светила силе животворной

Не нужен мертвый их кумир!
Они руду спокойно плавят,
Из бронзы идолов наставят –
И мнят, что им дивится мир!
Гордиться стоит ли мечтою?
Один толчок подземный вмиг
Повергнет в прах кумира лик –
И снова идол стал рудою!
В воде привольней жизни ход!
На суше все ее стремленья –
Одни бесплодные мученья.
Пусть к вечной влаге понесет
Тебя Протей-дельфин.

(Превращается в дельфина.)

Отважно
Я на спине тебя помчу
Ко счастью по равнине влажной
И с Океаном обручу.

Фалес

Свершай похвальное стремленье,
С начала начинай творенье

И к действию готовым будь!
Ты по законам вечной нормы
Пройдешь бесчисленные формы:
До человека – длинный путь!

Гомункул садится на Протея-дельфина.

Протей

Стремись же духом в волны! В море
И вдаль и вширь в его просторе,
Куда захочешь, можешь плыть.
Но не ищи высоких званий:
Стал человеком – и желаний
Нет боле: нечем больше быть.

Фалес

Всему свой срок; хоть каждый связан веком,
Недурно быть и дельным человеком.

Протей

(Фалесу)

Да, для таких, как ты, – сомненья нет,
Не существуют и веков границы:
Встречая бледных духов вереницы,
Тебя я вижу много сотен лет!

Сирены

(на скалах)

Что за тучек рой, блистая,
Вкруг луны кольцом обвит?
Голубей влюбленных стая
Белокрылая парит.
Из Пафоса, без сомненья,
Прилетел их светлый хор,
Завершилось наслажденье:
Праздник полон с этих пор!

Нарей

(подходя к Фалесу)

Здесь для путника ночного

Лишь игра лучей средь тьмы;
Но, как духи, мненья мы
Справедливого, иного.
Галатею упреждая,
Мчится стая голубей;
А полету с давних дней
Обучалась эта стая.

Фалес

Я лишь благо вижу в этом:
Мудрый мудро поступал,
Если в гнездышке согретом
Он святыню воспитал.

Псиллы и марсы

(плывя на морских быках, тельцах и овнах)

В пещерах на Кипре обширном,
Где волны Нептун не тревожит,
Там Сейсмос трясти нас не может –
Обвеяны воздухом мирным,
Издревле мы там и доныне,
Счастливые стражи святыни,

Храним колесницы богини.
В чудесные ночи мгновенья
По зыби морского волненья,
Младого чужда поколенья,
Прекрасная шествует с нами.
Трудясь, мы орлов не боимся,
Крылатых мы львов не страшимся,
Креста и луны, что лучами
На нас с небосвода сияют,
Свой вид постоянно меняют,
Друг друга в борьбе изгоняют
И царство земли разоряют.
Вперед неустанно стремится
Прекрасная с нами царица.

Сирены

Шаг за шагом с колесницей,
Колыхаясь и теснясь,
Ряд за рядом, вереницей
Змеевидною виясь,
К нам подходят нереиды –
Образ их и мил и дик –

И везут с собой дориды
Галатеи чудный лик.
Величаво подплывает
Богоравная она,
Но красой своей пленяет,
Как и смертная жена.

Дориды

(хором, плывя на дельфинах мимо Нерея)

Лей, луна, свой свет чудесный
На красавцев молодых!
Как супругов сонм прелестный
Мы отцу представим их.

(Нерею.)

Мы прекрасных подхватили
Меж свирепых волн морских,
Отогрели, оживили
В камышах береговых,
Чтоб они нам за спасенье
Дали страсти наслажденье.
Брось же светлый взор на них!

Нарей

Вдвойне ценить такое счастье надо:
И милосердье и себе отрада.

Дориды

Если ты к поступкам нашим
Благосклонен в этот раз,
Жизнь бессмертную ты дашь им
Возле вечно юных нас.

Нарей

Держите пленников вам милых,
Чтоб отрок мог вам мужем стать,
Но я им дать того не в силах,
Что Зевс единый может дать.
Волны изменчив бег неровный,
Вполне подобна и любовь:
Когда остынет пыл любовный –
На брег их выпустите вновь.

Дориды

Прекрасные, нам вы любезны сердечно, –
Но надо расстаться в печали.
Мы рады б остаться вам верными вечно,
Но боги нам в том отказали.

Юноши

О, если и впредь нам, отважным пловцам,
Такая же будет награда,
То высшее счастье досталося нам,
И лучшей судьбы нам не надо.

Галатея приближается на раковине-колеснице.

Нерей

О милая, ты ли?

Галатея

Родитель! Отрада!

Дельфины, постойте! От милого взгляда

Нет сил оторваться!

Нерей

Умчался их рой...

Вращаясь, уносится круг быстротечный!

И что им до грусти, до муки сердечной!

О, если б меня вы умчали с собой!

Но столько дал счастья миг краткий свиданья,

Что я награжден за весь год ожиданья.

Фалес

Привет вам! И снова привет!

Цветущею радостью дух мой согрет –

Прекрасная истина в сердце проникла:

Живое из влаги возникло.

В ней жизни таятся источники вечно...

Твори ж, океан, о, твори бесконечно!

Когда б не давал ты клубящихся туч,

Когда б не дарил за ключом ты нам ключ,
Когда бы теченье ты рек не направил,
Обильным потокам их вод не доставил, –
Что были бы горы и долы – весь свет?
Ты жизнь им даешь: без тебя ее нет!

Эхо

(хор всех кругов)

Ты жизнь им струишь: без тебя ее нет!

Нерей

Вот, колыхаяся вдали,
Они обратно повернули,
Но нет надежды, чтоб сюда пришли…
Они все звенья цепи растянули,
Чтоб праздника порядок соблюсти,
И вьется рой несметный на пути.
Но Галатеи царственно прекрасной
Еще я вижу раковинный трон,
Мне сквозь толпу сверкает он

Звездою ясной!
Его я вижу вновь и вновь!
Так и в толпе сияет нам любовь!
Любимое, пленяя наше око,
Сияет нам приветно издалека,
Родное, близкое всегда, –
Как путеводная звезда.

Гомункул

Здесь, в этой влаге нежной,
Где лью я свет безбрежный,
Прекрасно все вокруг.

Протей

Во влаге лишь целебной
Светильник твой волшебный
Дает чудесный звук.

Нерей

Какое там новое, тайное диво
Открылось вдали средь толпы торопливой?

У ног Галатеи огонь восстает –

То мощно взовьется, то нежно блеснет,

Как будто любовною страстью лелеем.

Фалес

Гомункул горит: обольщенный Протеем,

Он яркий, чарующий свет издает.

То признак могучего к жизни стремленья.

Мне слышатся робкие стоны томленья –

Он хочет разбиться о блещущий трон…

Сверкает, блестит, разливается он!

Сирены

Все волны проникнуты чудом огнистым;

Дробясь, они искрятся пламенем чистым,

Сверкают, колышутся, плещут огнем;
Тела засияли во мраке ночном;
Все море великое пламя объяло.
Хвала же Эросу: он жизни начало!
Слава морю и волненью,
Волн с огнем объединенью,
И огню, и вод разливу,
И свершившемуся диву!

Всеобщий хор

Слава кроткому зефиру!
Слава тайн подземных миру!
Славу вечную поем
Всем стихиям четырем!

Действие третье
Местность перед дворцом менелая в спарте

Входит Елена в сопровождении хора пленных троянок с Панталис, предводительницей хора, во главе.

Елена

Хвалой одних, хулой других прославлена,
Являюсь я, Елена, прямо с берега,
Где вышли мы на сушу, и теперь еще
Морской живою зыбью опьяненная,
Которая с равнин далекой Фригии
Несла нас на хребтах высоких, пенистых
В родные наши бухты – Эвра силою
И милостью великой Посейдоновой.
А там, внизу, царь Менелай с храбрейшими
Из воинов свое прибытье празднует.

Прими ж меня приветливо, высокий дом!

Воздвиг тебя, на родину вернувшися,

Отец мой Тиндарей у склона славного

Холма Паллады; здесь я детство видела.

Ты всех домов спартанских был роскошнее,

Когда я здесь, играя, с Клитемнестрою

Росла, с Кастором и Поллуксом – братьями.

Приветствую и вас, о двери медные!

Когда-то вы навстречу распахнулися

Гостям – и вот один, один из многих выбранный,

В вас Менелай явился женихом моим.

Откройте их! Спешу теперь исполнить я

Приказ царя, как долг велит супружеский.

Одна войду я! Сзади пусть останется

Все то, что вкруг меня кипело бурею

По воле рока! С той поры как вышла я

Отсель во храм Цитеры беззаботная,

Чтоб долг священный свой свершить, и схвачена

Была фригийским дерзким похитителем,

Да, с той поры – увы! – свершилось многое,

О чем так любят люди все рассказывать

И что услышать тягостно несчастному,

О ком молва, разросшись, стала сказкою.

Хор

Ужель презришь, царица цариц,

Свой дар почетный, благо из благ?

Славнейшим ты счастьем владеешь одна:

Из всех величайшею славой красы.

Герою предшествует имени гром,

Затем он и горд.

Но даже упрямец склоняет чело

Пред всепокоряющей силой красы.

Елена

Довольно! Царь, супруг мой, вместе плыл со мной
И к городу вперед теперь послал меня;
Но что в душе замыслил он – не знаю я.
Супруга ль я, царица ли по-прежнему
Иль жертвою паду я гнева царского
И злой судьбы, терзавшей долго эллинов?
Добыча я, но пленница ль – не ведаю.
Судьбу и славу, эту пару спутников
Сомнительных, двусмысленно бессмертные
Мне предрекли; и даже на пороге здесь
Я чувствую их грозное присутствие.
На корабле смотрел супруг невесело;
Он на меня лишь изредка поглядывал
И слова мне приветного не вымолвил,
Как будто мне недоброе готовил он;
Когда ж, войдя в Эврота устья тихие,

Земли родной ладьи его коснулися,
Промолвил он, как будто богом движимый:
«На брег морской отсюда выйдут воины,
Устроить их на время тут останусь я,
А ты ступай по берегу священному,
По берегу Эврота плодородного.
По низменной равнине направляй коней
В долину ту, горами окруженную,
Где прежде было поле плодоносное,
А ныне Спарта, город мой, красуется.
Прибыв туда, поди в высокий царский дом
И там сбери служанок, мной оставленных
С хозяйкою, разумной старой ключницей.
И пусть тебе покажут все сокровища,
Которые отцом моим накоплены
И мной в войне и мире увеличены.
Конечно, ты увидишь все в дому моем
В порядке, ибо должен царь, придя на-

зад,
Имущество найти свое нетронутым
На том же месте, где его оставил он:
Не смеет раб менять того, что сделал царь».

Хор

О, пусть богатства сладостный вид
Твои утешит очи и грудь!
Златые запястья и блеск диадем
Покоятся гордо в надменной красе.
Но стоит, царица, тебе захотеть –
И все налицо;
И вступит – о диво! – в неслыханный спор
С алмазом и златом твоя красота.

Елена

И дальше так сказал мне повелитель мой:
«Когда же там в порядке все осмотришь ты,
Треножников возьми ты сколько на-

добно,

Сосуды все священные, которые

Нужны жрецу, когда обряд свершает он,

Котлы и чаши, также блюдо круглое;

Воды налей ты из ключа священного

В высокие кувшины; приготовь еще

Ты дров сухих из дерева горючего

И острый нож, старательно отточенный.

О прочем же сама должна подумать ты».

Так он сказал и в путь затем послал меня.

Но что хотел он в жертву принести богам

Из всех земных созданий – не сказал он мне.

Здесь тайна есть; но больше не заботчусь я:

Известно все бессмертным лишь, которые

Свершают то, что в сердце их задума-

но.

Добром ли, злом ли смертным то покажется,

Сносить должны покорно все мы, смертные.

Нередко жрец, подняв секиру тяжкую,

Над жертвою склоненной заносил ее,

А опустить не мог: была помехою

Рука врага иль близость бога вечного.

Хор

Что приключится – не ведаешь ты!

Смело, царица, иди

Твердой стопой!

Вечно и зло и добро

Смертным приходят нежданно!

Им предскажи – не поверят они!

Троя горела; видели мы

Смерть пред очами, позорную смерть;

Ныне же здесь мы тебе

Радостно служим и видим

В вечном сиянье небесное солнце

И красоту несравненную,

Видим – тебя, о счастливые мы!

Елена

О, будь что будет! Ныне же прилично мне

Немедленно войти отсюда в царский дом,

Желанный, милый, мной почти потерянный

И вновь мне данный, как – сама не знаю я.

Не так легко взойти мне на ступени те,

Где в детстве я, бывало, резво прыгала.

(Входит в дом.)

Хор

Сестры любезные,

Бедные пленницы,

Бросим свои мы печали!

Вместе с Еленою,

Вместе с царицею

Счастливы будьте, которая
Поздно, но твердой стопой зато
Радостно снова является
Ныне в родную обитель.
Вам, небожители.
Тихо и счастливо
В дом нас приведшие, – слава!
Ибо свободные,
Как окрыленные,
Смело порхают над бездною;
Пленник же, горько тоскующий,
Тщетно из бездны тюрьмы своей
Руки в мольбе простирает.
Вновь из чужбины ее
Боги вернули домой;
Наш Илион погубив,
Боги примчали Елену
В древний и вновь разукрашенный
Отческий дом,
После безмерного
Счастья и горя
Детство далекое

Снова заставили вспомнить.

Панталис

(как предводительница хора)

Покиньте, сестры, песни путь, столь радостный, –
К дверям высоким взор вы обратите свой!
Что вижу я, о сестры? Возвращается
Назад царица к нам шагами быстрыми.
Что было там, царица? Что могло тебе
В дому твоем попасться не приветное,
А страшное? Я вижу – что-то было там.
Я вижу недовольство на челе твоем,
И гневное я вижу изумление.

Елена

(возбужденная, оставив двери открытыми)

Несвойствен страх обычный Зевса до-

чери,

Пустой испуг не тронет сердца гордого;

Но ужас, мрачный ужас, Ночью древнею

Рожденный искони, во многих образах,

Как в бездне горной пламенное облако,

Являясь нам, смещает и героя грудь.

Так и сегодня – жители стигийские,

Ужасные, при входе мне явилися,

И я с порога милого, желанного

Должна была бежать, как гость непрошеный.

Но нет, на свет я вышла ныне: далее

Прогнать меня нельзя вам, силы мрачные,

Кто бы вы ни были! Дом же освящу я свой,

И, чистый вновь, меня с приветом примет он.

Панталис

Что было там с тобой, жена высокая,

Открой рабыням ты своим почтительным.

Елена

Что было там, вы сами видеть можете,
Коль ночь еще в свои пучины тайные
Не поглотила вновь того чудовища.
Но, чтоб вы знали, все я вам поведаю:
Вступая в глубь родного дома радостно,
Чтоб долг свершить скорее свой супружеский,
Дивилась я безмолвию глубокому.
Ни звук шагов не слышался ушам моим,
Ни вид работы спешной не пленял очей;
Служанки не встречались мне, ни ключница,
Приветливо гостей всегда встречавшие.
Когда ж потом я к очагу приблизилась,
У груды пепла теплого сидела там

Огромная старуха, вся закутана,
Не спящая, но в думы погруженная.
Зову ее к работе повелительно,
Подумавши, что ключницу я встретила,
Которую оставил царь хозяйкою.
Закутавшись, молчит она, недвижима!
Моим угрозам наконец ответствуя,
Она рукою машет, чтоб ушла я прочь.
Я, в гневе отвернувшись от нее, спешу
По горнице пройти в казнохранилище;
Но чудище, воспрянувши стремительно,
Становится, дорогу заграждая мне,
Как госпожа, – огромная и тощая,
С кроваво-мутным взором, видом странная,
Ужасная и взору и душе людской.
Но нет, никак нельзя словами бедными
Вам описать ужасное видение.
Вот, вот она на свет выходит дерзостно.

Но здесь мы господа, пока придет наш царь.

Могучий Феб, бессмертный друг прекрасного,

Сразит созданье мрака иль прогонит прочь.

Форкиада показывается в дверях.

Хор

Много, хоть кудри юные вьются

Вкруг моих щек, испытала я в жизни;

Много пришлось мне страшного видеть:

Ужасы боя, Трои пожар

В ночь беды.

В облаке пыли, между толпами

Воинов шумных, голосом страшным

Боги взывали; с голосом медным

В поле носился грозный Раздор

Возле стен.

Ах, тогда еще высились

Стены гордые! Пламя же,

Дом за домом объявшее,
Страх и горе несущее,
Вихрем дальше помчалося
Всюду над городом сонным.
Я бежала сквозь дым и чад;
Близко, близко носилися
Боги, в пламени гневные,
Страшно-дивные образы;
Шли они, исполинские,
Огненной тучей одеты.
Видела я или грезилось
Только душе лишь испуганной
Чудо такое – не знаю я;
Но что ныне ужасное
Мне пред очами явилось –
Это я знаю и вижу.
Я могла бы сама теперь,
Если б страх не удерживал,
Чуда коснуться руками.
Кто ты из страшных
Форкиса дщерей?
Ибо, как вижу я,

Ты из их рода.
Верно, одна ты из мрачных чудищ,
Око одно лишь и зуб один
Вместе имеющих страшных Грай,
Нас посетившая ныне?
Смеешь ты, чудо,
Рядом с красою
Взору глубокому
Феба явиться?
Что ж, осмелься, наружу выйди!
Он не посмотрит на мерзкое.
Фебово око священное
Мрака вовек не видало.
Мы же, смертные, здесь стоим,
Злой, безжалостно злой судьбой
К муке очей обреченные,
К муке, какую отверженно-мрачное
Чтущим красу причиняет.
Дерзко нас повстречавшая,
Ты внемли же проклятию,
Ты внемли порицанию!
Слушай ты это от нас, осчастливлен-

ных

Тем, что богов мы создания!

Форкиада

Старо, но вечно верно слово мудрое,

Что стыд с красой по-дружески, рука с рукой,

Вовек не шли по полю жизни светлому.

Глубоко в них таится злая ненависть:

Когда они сойдутся на пути своем,

Спиной тотчас друг к другу обращаются,

И каждый вновь идет своей дорогою:

Печально – стыд, краса – с надменной гордостью,

Пока она взята не будет Оркусом

Иль старостью седой не будет сгублена.

Вы, наглые, пришли сюда из чуждых стран,

Надменные и журавлям подобные,

Которые несутся над главой у нас

И хриплым криком воздух наполняют

весь.

Идущий путник вверх на них оглянется –

И вновь они своей спешат дорогою,

А он своей. И с вами так я сделаю.

И кто же вы, что царский дом возвышенный,

Как пьяные, как хор менад, скверните вы?

И кто же вы, что лаете, бесстыдные,

На ключницу, как стая псов на лунный лик?

Иль тайна для меня, какого рода вы?

Среди войны взращенные, развратные,

Прельщенные, других прельстить готовые,

И граждан вы и воинов расслабили!

Смотрю на вас – и кажется, что рой цикад

Крикливых скачет по полю зеленому.

Добро чужое жрете вы, снедаете

Добытое трудом благополучие:

Вы – воинов добыча, меновой товар!

Елена

В присутствии хозяйки кто слугу бранит,
Тот дерзостно права ее себе берет.
Одна хозяйка может дать достойному
Награду иль наказывать преступного.
Довольна ими я была все время то,
Пока святая сила илионская
Боролася, и пала, и легла; потом
Со мной они делили горе странствия,
Когда все только о себе заботятся.
И здесь того же жду от доброй челяди.
Мне нужно знать не кто мой раб – как служит он.
Итак, молчи и больше их не смей бранить!
Коль ты, хозяйки должность исправлявшая,
Исправно все хранила, то хвала тебе.
Пришла сама хозяйка – уступи же ей,
Чтоб не было взысканья вместо всех

похвал.

Форкиада

Слуге грозить есть право несомненное,
Которое супругою властителя
За много лет супружества заслужено;
И если вновь сюда, на место старое
Царицы и хозяйки, ты пришла опять –
Возьми бразды правления свободные,
Владей отныне нами и богатствами;
Но защити меня, старуху, ты от них,
Которые пред лебедем красы твоей
Крикливыми гусями только кажутся.

Панталис

С красою рядом как противно мрачное!

Форкиада

С рассудком рядом глупость отвратительна.

Хоретиды выходят из хора и говорят поодиночке.

Первая хоретида

Про матерь Ночь поведай, про Эреба нам.

Форкиада

А ты про Сциллу, кровную сестру свою.

Вторая хоретида

Твои все предки страшные чудовища.

Форкиада

Прочь, к Оркусу иди искать родство свое!

Третья хоретида

И там тебя моложе каждый во сто раз!

Форкиада

Иди ласкайся к старому Тирезию!

Четвертая хоретида

Кормилицы ты старше Орионовой.

Форкиада

Средь нечистот тебя кормили гарпии.

Пятая хоретида

И чем свое ты кормишь тело тощее?

Форкиада

Не кровью только, столь тебе любезною.

Шестая хоретида

Ты трупы жрешь, сама на труп похожая.

Форкиада

Блестят вампира зубы в дерзком рту твоем.

Панталис

Зажму твой рот, когда скажу я, кто ты есть.

Форкиада

Так назови себя – и все разгадано.

Елена

Не с гневом, но с печалью разнимаю вас,

Неистовый раздор ваш запрещаю вам!

Ничто не вредно столько для властителя,

Как верных слуг раздор и несогласие:

Веления его не превращаются

Тотчас же в дело, тщательно свершенное;

Они вокруг лишь своевольно буйствуют,

А он бранит их тщетно, растерявшись сам.

Но сверх того, враждуя, безрассудные,

Так много страшных призраков вы вызвали,

Теснящихся вокруг, что я сама теперь

Как будто унеслась отсюда к Оркусу.

Мечта ли это иль воспоминание?

Была ли я иль буду я когда-нибудь

Женою страшной, царства погубившею?

Страшатся девы; ты одна, старейшая,

Спокойна здесь. Скажи мне слово умное.

Форкиада

Тому, кто много лет провел во счастии,

Все милости богов виденьем кажутся;

А ты, без меры счастьем награжденная,

Одну любовь героев знала пылкую,

Готовую на все дела отважные.

Сначала жадно гнался за тобой Тезей,

Как Геркулес, могучий и прекрасный муж.

Елена

Он взял меня, газель десятилетнюю,
И я жила в Афидне граде в Аттике.

Форкиада

Кастор и брат его Поллукс спасли тебя,
И сватался героев пышный рой к тебе.

Елена

Но, помнится, Патрокла в глубине души,
Пелида верный образ, полюбила я.

Форкиада

Но волею отца за Менелаем ты,
Воителем и родины хранителем.

Елена

Вручил ему он дочь, вручил и царство все,

И Гермиона – плод того супружества.

Форкиада

Когда же царь наследье Крита смело брал,
Пришел к тебе, покинутой, прекрасный гость.

Елена

Зачем ты мне напомнила печальное
Полувдовство и горе, мной снесенное?

Форкиада

Тогда пришлось мне, Крита вольной дочери,
Узнать и плен и рабства годы долгие.

Елена

И ключницей ты стала: царь вручил тебе
Сокровища, войной приобретенные…

Форкиада

Которые забыла ты, предавшися
В высокой Трое радостям любви своей.

Елена

Не говори о радостях: терзало мне
И грудь и сердце горе несказанное.

Форкиада

Но слух идет, что есть на свете твой двойник:
Тебя и в Трое и в Египте видели.

Елена

Безумную молву не повторяй ты мне:
И так уже сама себя не помню я.

Форкиада

И говорят, что сватался Ахилл к тебе
Из царства мертвых – он, при жизни пламенно

Тебя любивший против воли злой судьбы.

Елена

Как призрак, с ним соединилась – призраком!
Все это сон, – так вижу я из слов твоих.
Сама себе я стала ныне призраком.

(Падает без чувств на руки хоретид.)

Хор

Смолкни, смолкни!
Зловещая, зловредная ты!
Пастью твоей однозубою
Страшная речь извергается
Из твоих отравленных уст!
Скрытая злость под личиною лести,
Волк под одеждой овечьею,
Мрачного Цербера ярости
Мне несравненно страшнее!
Мы стоим изумленные:

Как, откуда явилося
Столько коварства
В этом ужасном чудовище?
Вместо речей утешенья целебных,
Вместо забвения прошлого
Прошлое зло ты напомнила
Более радости прошлой.
Злобно ей омрачила ты
Светлый блеск настоящего
Вместе с надеждой
Счастья, в грядущем сияющей.
Смолкни, смолкни!
Чтобы от нас не умчалась
Нашей царицы душа,
Чтобы осталася прочно
В этом образе чудном,
Лучшем из видевших солнечный свет!

Елена приходит в себя и снова становится посреди хора.

Форкиада

Выйди, солнце золотое, из бегущих об-

лаков!

В тучах было ты прекрасно – ныне блещешь красотой.

Снова мир тебе открылся, снова светит чудный взор!

Пусть зовусь я безобразной: мне понятна красота.

Елена

Из бесчувственной пустыни я, шатаясь, выхожу;

Вновь уснула б я охотно – так устала телом я.

Но прилично нам, царицам, всем прилично

смертным нам

Укрепляться, ободряться пред грозящею бедой.

Форкиада

Ныне стала перед нами ты в величье красоты;

Нам твой взор повелевает: что велишь

ты, говори!

Елена

Время дерзостного спора вы должны вознаградить.

Быстро жертвенник поставьте, как супруг мой повелел.

Форкиада

Уж готово все: треножник, чашки, кубки, острый нож,

И кропленья, и куренья, – лишь на жертву укажи.

Елена

Царь о жертве не сказал мне.

Форкиада

Не сказал? О горе вам!

Елена

Что за горе, мне поведай!

Форкиада

О царица, жертва – ты!

Елена

Я?

Форкиада

(указывая на хор)

И эти.

Хор

Горе, горе!

Форкиада

Ты падешь под топором.

Елена

Страшно! Знала я… О ужас!

Форкиада

Неизбежно это вам.

Хор

Ах! А мы? Что будет с нами?

Форкиада

Благородно пасть должна
Ваша славная царица; но под крышею дворца,
Как дроздов крикливых стая, вы повиснете вверху.

Елена и хор, охваченные изумлением и ужасом, составляют выразительные живописные группы.

Презренные! Как призраки застывшие,
Стоите вы, дрожа за жизнь, которая
Принадлежать теперь уж перестала вам!
Ни человек, ни призраки, как вы теперь, –
Все люди только призраки, подобно

вам, –

Не любят расставаться с светом солнечным;

Но никому в конце концов спасенья нет:

Известно это всем, не всем приятно лишь!

Но кончено: все вы погибли! К делу же!

(Хлопает в ладоши.)

В дверях появляются замаскированные карлики, быстро исполняющие приказания.

Катись сюда, чудовищ круглых темный рой!

Немало зла наделать здесь вы можете.

Пусть златорогий жертвенник восстанет здесь

С секирой на краю его серебряном;

Наполните кувшины, чтобы было чем

Омыть алтарь, залитый кровью черною.

Ковер роскошный пышно расстелите вы:

Колени пусть преклонит жертва царственно,

И пусть ее, хоть с головой отрубленной,

С почетом завернувши, похороним мы.

Панталис

Царица, размышляя, в стороне стоит,

И вянут девы, как цветник подкошенный.

Старейшая из них, с тобой промолвить я

Должна два слова – с самою старейшею.

Ты опытна, мудра и благосклонна к нам,

Хотя безумно резвый рой бранил тебя.

Скажи же нам: спасенья ты не знаешь ли?

Форкиада

Сказать легко: зависит от царицы лишь

Спасти себя и вас с собою вместе всех;

Но нужно тут решение поспешное.

Хор

О старейшая из парок, ты мудрее всех сивилл:

Брось ты ножницы златые, изреки спасенье нам!

Холод смерти тихо чует, все застыло, все трепещет

Наше тело, что, танцуя, наслаждалось и у милых

Сладко млело на груди.

Елена

О, пусть они страшатся! Страха нет во мне,

Лишь горе! Но когда спасенье знаешь ты, –

Благодарю: возможно часто мудрому,

Что невозможно прочим. Говори скорей!

Хор

Говори же, расскажи же, как уйти нам от ужасных

Петель злых, убором страшным охватить уже готовых

Наши шеи. Горе, горе! Мы предчувствуем в испуге

Задушенье и погибель, если нас ты не избавишь,

Рея, матерь всех богов!

Форкиада

Имеете ль терпение прослушать вы

Рассказ мой долгий? Много вам поведаю.

Хор

Рассказывай: мы в это время будем жить!

Форкиада

Кто в доме мирно бережет сокровища,

Кто стены держит в целости высокие
И крышу чинит, чтоб ее не портил дождь, –
Тот долго, долго будет жить в дому своем;
Но кто, святой порог ногою легкою
Переступив, уходит, дом оставя свой,
Тот, воротясь, найдет хоть место старое,
Но все не так, как было, иль разрушено.

Елена

К чему сто раз болтать давно известное!
Нельзя ль вести рассказ, не досаждая мне?

Форкиада

Пришлося к слову: нет тебе упрека здесь.
Из бухты в бухту Менелай ладьи водил,
По берегам и островам он хищничал
И приезжал с добычею награбленной.

Под Троею провел он долгих десять лет,

Назад он плыл – не знаю, сколько времени.

Но что же было в доме Тиндареевом?

Что было с самым царством Менелаевым?

Елена

Ужели брань с тобою так сроднилася,

Что чуть раскроешь рот – уж осуждаешь ты?

Форкиада

Забыты были много лет отроги гор,

Что к северу от Спарты гордо высятся,

Вблизи Тайгета, где ручьем сверкающим

Спускается Эврот в долину тихую,

Где лебеди ютятся в камышах его.

В ущелья те недавно молодой народ

Откуда-то явился из полночных стран,

И крепкий замок там они построили
И как хотят страною правят с гор своих.

Елена

Возможно ль это? Как они отважились?

Форкиада

Им было время: целых долгих двадцать лет.

Елена

И есть начальник? Много ли разбойников?

Форкиада

Начальник есть, но это не разбойники.
Он мне грозил, но все ж я не браню его:
Он мог бы все похитить, но доволен был
Немногими подарками, без подати.

Елена

Каков собой он?

Форкиада

Видный. Мне он нравится.
Отважный он, с осанкой благородною,
Разумный муж, каких в Элладе мало есть.
Народ его хоть варварским зовете вы,
Но нет меж них таких свирепых извергов,
Как многие герои, что под Троею
Жестокими явились людоедами.
Я чту его – ему себя доверила.
А замок их – когда б его вы видели! –
Совсем не так построен неуклюже он,
Как ваши предки, грубо громоздившие
На камни камни, как циклопы дикие,
Строенья воздвигали: там, напротив, все
*Отвесно, прямо, ровно, строго, пра-

вильно.

Снаружи посмотрите – к небу всходит он,

Как стрелка, прямо, гладкий, ровный, будто сталь.

Взлезть на него? И мысль о том скользит долой!

Внутри – дворы широкие, просторные,

А во дворах строения различные:

Колонны и колонки, своды, сводики,

Террасы, галереи, ходы всякие,

Гербы…

Хор

Гербы? Что это значит?

Форкиада

Помните,

Аякс носил дракона на щите своем?

И семь героев фивских на щитах своих

Носили каждый символы различные:

Там месяц был, и звезды в небе сумрачном,

Мечи, герои, боги, копья, факелы
И все, что граду мирному беду несет.
И эти также сохранили воины
От древних предков чудные гербы свои.
Там есть орлы и львы, и лапы львиные,
Рога и крылья, розы и павлиний хвост,
Златые ленты, черные, и красные,
И синие; и в залах это все висит
Широких, длинных, будто и конца им нет.
В них можно танцевать.

Хор

И есть танцоры там?

Форкиада

О да! Там много златовласых юношей
Прелестнейших, точь-в-точь таких, как был Парис,
Когда царицу он пленил.

Елена

Выходишь ты
Совсем из роли. К делу же, решай скорей!

Форкиада

Решай сама и дай свое согласие:
Немедленно я в замок отведу тебя.

Хор

Скажи лишь слово – и спаси себя и нас!

Елена

Не может быть: ужели так безжалостно
Решится царь, супруг мой, погубить меня?

Форкиада

Забыла ты, как страшно изуродовал
С неслыханною злобою Дейфоба он,

Убитого Париса брата, жившего

С тобой насильно? Нос ему и уши он

Отрезал и еще его безжалостно

Калечил: страшно было на него смотреть!

Елена

Из-за меня с несчастным это сделал он.

Форкиада

Из-за него с тобой он это сделает.

Красу делить нельзя: кто ею всей владел,

Тот рад ее убить, чтоб не делить ни с кем.

Трубы вдали. Хор содрогается.

Как звуки труб, вдали теперь гремящие,

Терзают страхом ваши уши, точно так

Терзает ревность мужа, потерявшего

Сокровище, навеки незабвенное,

Которым он владел когда-то радостно.

Хор

Трубы слышишь ли, царица?
Блеск ты видишь ли мечей?

Форкиада

Здравствуй, царь и повелитель!
Я готова дать отчет.

Хор

Что же мы?

Форкиада

Ее кончину вы увидите сейчас,
А за ней кончину вашу. Нет, ничем вам не помочь!

Пауза.

Елена

Я думала, на что теперь решиться

мне.

Ты демон злой, наверно это знаю я:

Боюсь, добра во зло не обратила б ты.

Но все-таки с тобой отправлюсь в замок я;

А что таит царица в глубине души,

Она одна лишь знает – вам неведомо

Останется. Веди, старуха, нас вперед.

Хор

О, как охотно с ней мы идем

Легкой стопою!

Смерть сзади нас,

А перед нами

Твердая крепость

Высится грозной стеною.

О, защити же ее

Так же, как наш Илион:

Только коварством

Низким он был побежден наконец.

Подымается туман, заволакивает все в глубине сцены, а также вблизи, по желанию.

Что это? Что?
Сестры, смотрите вокруг:
Ясный и светлый был день;
Но отовсюду собралися
Тучи с Эврота священного;
Скрылся из виду любезный нам
Брег, камышами поросший весь.
Где же вы, лебеди? Где
Гордые птицы, что тихо
Плавали дивной семьею?
Ах, уж не вижу я их!
Вот уже, вот
Слышу вдали я, вдали
Резкие их голоса!
Смерть ли они предвещают нам?
Ах, когда б не предвестием
Было это погибели
Вместо обещанной помощи
Нам, столь похожим во всем
На лебедей с белой, длинной
Шеей красивой, и ей,
Дочери лебедя-Зевса?

Грозною тучей вокруг
Стало окутано все.
Даже друг друга не видим мы.
Что же, идем ли мы
Или же только
Тихо на месте колеблемся?
Гермеса нет ли пред нами теперь,
Жезл золотой не блистает ли там
Ярко – и нам не велит ли назад
Он воротиться в печальный Аид,
Непонятных видений ужасных
Вечно полный и пустынный вечно?
Потемнели, почернели – уж не блещут эти тучи,
Обступили, точно стены; стены стали перед нами,
Перед нашими очами. Двор ли это иль могила?
Страшно, страшно! Горе, сестры! Мы в плену теперь
остались.
Да, в плену, как никогда.

Внутренний двор замка, окруженный со всех сторон фантастическими постройками в средневековом вкусе

Предводительница хора

О женский род, безумно опрометчивый!

Зависит от мгновенья он; играет им

То счастье, то несчастье. Вы не можете

Нигде быть равнодушными: одна другой

Противореча, спорите бесплодно вы;

В беде и счастье вечно вы рыдаете

Или смеетесь. Но молчите, слушайте,

Что нам царица скажет, что решит она?

Елена

О, где ж ты, пифониса? Как зовешься ты

Не знаю я; но все же отзовися мне

И выйди из-под сводов замка мрачного!

Коль ты пошла к вождю героев славному

Просить его принять меня, пришедшую, –

Благодарю! Веди ж меня к нему скорей:

Конца я жажду, лишь покоя жажду я!

Предводительница хора

Напрасно лишь, царица, ты глядишь вокруг!

Исчезло это чудище, осталося,

Быть может, там, в тумане, из которого

Примчались дивно мы сюда, не двигаясь,

Иль, может быть, блуждает нерешительно

В обширном лабиринте замка дивного,

Возникшего из многих вместе слившихся,

И ищет там властителя, готовя нам

Прием его торжественный и царствен-

ный.

Но посмотри, царица: перед окнами,

И в портиках, и в ходах появилися

Толпами всюду слуги суетливые:

Прием радушный это предвещает нам.

Хор

Я свободней дышу! Посмотрите туда,

Как торжественно вниз, замедляя свой шаг,

Нежных юношей хор вереницей идет,

Направляяся к нам! По веленью чьему

Так поспешно явился, построясь в ряды,

Этих юношей чудных бесчисленный рой?

Удивляюсь! Идут перед нами они,

Вьется локон у них над челом золотой;

Кожа нежная щек – точно персика плод:

Мягкий шелковый пух покрывает ее.

Укусила бы я этот персик – но нет:

Я боюсь, что тогда мой наполнился б рот –

Страшно вымолвить! – прахом могильным.

Всех из красавцев прекраснее

Те, что подходят к нам ныне:

К трону ступени приносят они,

Ставят роскошно разубранный трон,

Пышный ковер перед ним расстилают.

Сестры, смотрите: над троном богатым

Ставят красавцы цветной балдахин!

Вот балдахин, колыхаяся,

Над головою Елены

Облаком дивным роскошно повис;

Пышно царица воссела на трон.

Станем же мы на ступенях.

Славен, о славен и трижды преславен

Этот тебе, о царица, прием!

Все, что возвещает хор, постепенно исполняется. После того как юноши и оруженосцы длинной процессией спустились вниз, на верху лестницы показывается Фауст в средневековом рыцарском придворном наряде. Медленно и с достоинством сходит он вниз.

Предводительница хора

(внимательно смотря на него)

Коль боги не нарочно, как случалося,
Столь чудный образ дали мужу этому,
Достойный вид, лицо, любви достойное,
На время только, – каждого, сомненья нет.
Он победит повсюду: и в борьбе мужей
И в мелких войнах с женами прекрасными.
Конечно, выше многих без сравненья он,
Которых все ж глубоко уважала я.
Но вот он шагом медленным почтительно
Подходит к нам. Царица, обратись к нему!

Фауст

(подходит, ведя с собой скованного человека)

Царица! Вместо пышного привета,
Какой тебе хотел я оказать,

Прием тебе почтительный готовя,
Я привожу к тебе раба в цепях.
Забыв свой долг, чрез то меня лишил он
Возможности свершить мой долг. Склонись же,
Преступный раб, пред дивною женой
И повинись пред ней! Царица, он,
На редкость сильным зреньем одаренный,
На нашей башне мною был поставлен
Осматривать окрестные поляны,
Земную даль, широкий неба свод
И все, что там явиться взору может
И что в долину с этих гор идет
На замок наш – стада ли будут то
Иль воины. Стада мы защищаем,
Врага – встречаем грудью. В этот день
Какое совершил он упущенье!
Явилась ты – и он не возвестил!
Не удалась торжественная встреча
Высокой гостьи. Он не должен жить –

И, без сомненья, смерти он достоин.
Уж он в крови лежал бы; но суди
Его сама: казни его иль милуй.

Елена

Высокий сан ты мне даешь
Царицы и судьи, хотя, быть может,
Меня ты лишь желаешь испытать.
Исполню первый долг судьи: спрошу я,
Что скажет обвиненный. Говори!

Дозорный Линцей

Преклоняюсь, созерцая!
Жизнь ли, смерть ли жребий мой –
Очарован навсегда я,
Небом данная, тобой!
Вечно солнца пред зарею
Я с востока ожидал,
Вдруг – о чудо! – пред собою
Солнце с юга увидал.
Вместо дали поднебесной,
Вместо всех полей и гор

Я на лик его чудесный
Устремил свой жадный взор.
Зренье чудное имея,
Ока рысьего быстрей,
Все ж не верил как во сне я
Дальновидности очей.
Предо мною все кружилось:
Башни, стены, вал крутой;
Туча мчится, туча скрылась –
И богиня предо мной!
К ней и взором и душою
Я стремился, восхищен:
Ослепительной красою
Был я, бедный, ослеплен.
Позабыв, что я на страже,
Я в свой рог не затрубил…
Осуди меня! Мне даже
Самый гнев твой будет мил.

Елена

За вред, который мною нанесен,
Я ль накажу? Зачем ты, рок суровый,

Судил мне так смущать сердца мужей,
Что не щадят себя они самих
И ничего высокого! Враждуя,
Сражаясь, водили за собой
Меня герои, демоны и боги,
И с ними я блуждала по земле,
Смущала мир, потом смущала вдвое,
И ныне – втрое, вчетверо несу
Я бедствий ряд. Пускай идет бедняк!
Кто ослеплен богами – невиновен.

Линцей уходит.

Фауст

Владычица, я вижу, изумлен,
Что он твоею поражен стрелою:
Я вижу, как, напрягшись, дивный лук
Пускает метко стрелы за стрелами
Мне в грудь. И вот пернатые снуют,
Свистя, под сводом замка моего.
И что я сам? Ты можешь сделать мне
Всех верных слуг – врагами, эти стены –

Неверными: все царство перейдет
К победоносной и непобедимой.
И что ж осталось мне, как не предать
Во власть твою себя и все именье?
Дозволь тебя у ног твоих признать
Владеющей отныне всеми нами –
Царицею, вступившею на трон!

Линцей

(возвращается с ларцом; слуги несут за ним другие ларцы)

Царица, я пришел назад!
Богатый жаждет лишь твой взгляд
Увидеть: на тебя дивясь,
И нищ он и богат, как князь.
Чем был я, чем я стал? И впредь
Что делать мне? Чего хотеть?
Пусть мечет молнии мой взор –
Им дивный трон твой даст отпор.
Ордою мы с востока шли
И гибель западу несли;
Была несметна наша рать,

Последних первым не видать.
Пал первый – стал второй, и вот
С копьем уж третий восстает;
За каждым сотня – как стена;
Утрата тысяч не видна.
Мы шли грозой; за краем край
Нам подчинялся то и знай;
Сегодня я владел страной,
А завтра грабил там иной.
Всяк брал, что быстрый взор встречал:
Один красавиц похищал,
Другой могучих гнал быков,
Коней был каждый взять готов.
Но я повсюду, где я был,
Одни лишь редкости любил,
И, чем не я один владел,
Того и знать я не хотел.
Везде сокровищ я искал
И острым взором проникал
Во все карманы, все мешки,
Насквозь все видел сундуки.
Собрал я злата целый клад,

Каменьев ценных пышный ряд;
Всех краше этот изумруд:
У сердца дай ему приют!
Вот перл-яйцо, дар моря, здесь:
К своим вискам его подвесь.
Рубин совсем сконфужен: он
Твоим румянцем посрамлен.
Так все сокровища свои
Тебе я жертвую: возьми!
Что здесь поверг я пред тобой,
Дал не один кровавый бой.
Ты видишь много здесь ларцов;
Есть и железных сундуков
Запас: дозволь – и возрастет
Вся груда их под самый свод.
Едва восходишь ты на трон,
Со всех склоняются сторон
Богатство, сила, ум людской
Перед единственной красой.
Держал я крепко все мое;
Теперь бросаю: все твое!
В чем прежде нравилась цена,

Того ничтожность мне ясна.
И вот – богатств моих уж нет:
Увяли, как опавший цвет!
О, брось на них веселый взгляд
И цену им верни назад!

Фауст

Возьми скорее прочь все это бремя,
Добытое отвагой боевой, –
Без порицанья, но и без награды!
И без того принадлежит царице
Все в нашем замке: незачем еще
Ей предлагать особое. Поди же
И дивные сокровища свои
Расположи в порядке. Пусть предстанет
В невиданном великолепье роскошь!
Пусть наши своды засверкают ярче
Безоблачного неба! Пусть без жизни
Все райской жизнью засияет вкруг!
Пусть пред ее раскинется шагами
Ковер цветочный за ковром; повсюду

Пусть для прекрасной мягок будет путь!

Пусть взор ее повсюду блеск встречает,

Какой одних богов не ослепит!

Линцей

Твой приказ, владыка, слаб:

Все шутя исполнит раб;

Все добро, всю кровь мою

Я прекрасной отдаю;

Все войска усмирены,

Все мечи притуплены;

Пред волшебной красотой

Солнце блеск теряет свой.

Лик божественный! Пред ним

Все на свете прах и дым.

(Уходит.)

Елена

(Фаусту)

С тобой хочу я говорить. Садись
Со мною рядом. Место есть тебе,
И этим мне ты место обеспечишь.

Фауст

Сперва позволь, царица, принести
Тебе присягу и поцеловать
Позволь меня подъемлющую руку.
Пускай в твоих владеньях безгранич-ных
Я буду соправителем тебе,
Поклонником, защитником, слугою!

Елена

И вижу я и слышу чудеса!
Изумлена, хотела б я о многом
Спросить тебя. Скажи мне: почему
Так странно и приятно речь раба
Звучала? Звук ко звуку подходил;
За словом слово, ухо мне лаская,

Неслось, одно согласное с другим.

Фауст

Коль самый говор нашего народа
Уж мил тебе, тогда – сомненья нет –
Ты от души полюбишь наши песни.
Мы сами будем в этом упражняться:
Наш говор ты, беседуя, поймешь.

Елена

Как мне столь дивной речи научиться?

Фауст

Легко: должна лишь речь от сердца литься.
Кто счастья полн, желанием томим,
Тот ищет лишь…

Елена

Кто счастлив вместе с ним.

Фауст

Смотреть ни вдаль, ни в прошлое не надо;
Лишь в настоящем…

Елена

Счастье и отрада.

Фауст

В нем наше благо, власть, залог святой.
Чем утвердить его?

Елена

Моей рукой.

Хор

Кто вменит в вину царице,
Если всю ее любовь
Властелин стяжает?
Ибо – сознайтесь – пленницы все мы

С той злополучной поры, как позорно
Пал Илион побежденный наш
И по морям мы блуждали,
В страхе и горе все дни проводя.
Жен, к мужской любви привыкших,
Сердце опытно, но им
Выбор не свободен:
И молодым пастухам златовласым
Также и черным щетинистым фавнам,
Если лишь случай поможет им,
Равное право дается
Телом упругим и нежным владеть.
Близко, близко на троне сидят
Оба, касаясь друг друга,
Колено к колену, плечо к плечу,
Рука с рукою, на пышных
Трона подушках
Нежатся вместе они.
Так, не стесняясь, величье царей
Тайную радость
Перед глазами народа
Смело готово раскрыть...

Елена

Так далеко – и все ж так близко я!
Мне так легко: я здесь, я у тебя!

Фауст

Я восхищен: чуть дышит грудь моя.
Иль это сон? Не помню я себя!

Елена

Я отжила – и вновь обновлена;
Я жизнь нашла в любви, тебе верна.

Фауст

Не размышляй о том, что рок судил;
Жизнь – долг наш, знай, – хотя б лишь миг то был.

Форкиада

(быстро входя)

Вы в любовном алфавите,
Нежась, смысл найти хотите,

Праздно нежности твердите –
До того ли вам теперь?
Иль глухой грозы не чуешь,
Труб не слыша – торжествуешь?
Уж близка погибель, верь!
Менелай со всем народом
Против вас идет походом:
Будь готов на страшный бой!
Если верх возьмет их злоба,
Из-за женщин – Деифоба
Ты поплатишься судьбой!
Вздернут челядь вереницей,
А затем топор с царицей
Счет покончит роковой!

Фауст

Опять помеха, дерзкая, несносная
Вторгается! Но даже и в опасности
Не потерплю я дикого неистовства!
Дурная весть прекрасных портит вестников,
А ты собой дурна и злую весть несешь;

Но не удастся ныне, все слова твои
На ветер ты потратишь. Нет опасности.
Да если б и была, то не страшна для нас.

Сигналы, выстрелы с башен, трубы и рожки, воинственная музыка, прохождение сильного войска.

Смотри, защитник твой построит
Перед тобой героев рать;
Лишь тот вниманья женщин стоит,
Кто их умеет защищать.

(К военачальникам, которые отделяются от колонн и подходят к нему.)

Сокрыв в груди свой гнев, заране
Неся в душе залог побед,
Идут младые северяне,
Сыны Востока им вослед –
Одеты в сталь, грозой сверкая,
За царством царство руша в прах,
Проходят, землю потрясая,
И каждый шаг их – гром и страх.

Чрез Пилос грозною толпою
Мы вторглись, – старый Нестор пал.
И все царьков союзы с бою
Наш бурный натиск разметал.
Ваш долг отсюда Менелая
Прогнать назад к его морям.
Пусть грабит он, по ним блуждая!
Утеху знал он только там.
Вы будьте герцоги отныне,
Владельцы данной вам страны;
Но Спарты царственной княгине
Повиноваться вы должны.
Германец крепостью и валом
Коринфа бухты пусть займет;
Пусть держит под своим началом
Ахайи все ущелья гот.
Вы, франки, шествуйте в Элиду;
Ты, сакс, Мессеною владей;
Норманн, прославив Арголиду,
Освободи простор морей.
Живите в тихом мире сами,
Лишь внешним страшные врагам,

Но Спарта пусть царит над вами:
Старинный трон царицы там.
Она следить оттуда будет,
Чтоб, богатейший край заняв,
Вы процвели; она вас судит,
У ней защита ваших прав.

Фауст сходит с трона, князья окружают его, чтобы подробнее выслушать приказания и распоряжения.

Хор

Кто обладает красавицей,
Чтобы владеть безопасно,
Прежде всего за оружье берись!
Ласковой речью добыл он ее,
Лучшее благо земное;
Но неспокойно владенье его:
Хитрый за нею ползет стороной,
Сильный стремится похитить ее.
Все покушенья умей отразить!
Ныне тебя, повелитель наш,
Выше других я считаю:

Славно и мудро устроил ты все!
Сильные смирно стоят здесь вокруг,
Ждут твоего мановенья;
Все приказанья исполнят они,
Каждый на пользу себе самому,
В дар благодарный царю своему,
Славу готовя себе и ему.
Кто, властелин, у тебя
Нашу царицу отнимет?
Ею отныне владей ты один;
Власть твою рады признать мы вдвойне:
Нас окружил ты стеною высокой,
А за стеною могучая рать!

Фауст

(Елене)

Дары им дивные дала ты;
Вознаградит вождей и рать,
Всем по уделу, край богатый.
Мы ж будем царством управлять.
Средь моря, крепко защищенный,

Пусть процветает с этих пор
Твой полуостров, прикрепленный
К Европе узкой цепью гор.
Нет лучше края в поднебесной:
Пусть все цветут там племена!
То край владычицы прелестной,
Где родилась сама она,
Где в камышах она восстала
Из лебединого яйца
И мать и братьев побеждала
Красою чудного лица.
Перед тобою в пышном цвете
Земля раскинулась твоя;
О, предпочти всему на свете
Свой край родной, краса моя!
Хоть солнца хладный луч почти не греет
Высоких гор скалистую главу,
Но все ж скала местами зеленеет
И козы щиплют скудную траву.
Вот бьют ключи, ручьи бегут, сливаясь;

Зазеленели каждый склон и скат;
Дол тянется, холмами прерываясь,
И кормит сотни тонкорунных стад.
Поодиночке осторожно бродит
Рогатый скот над пропастью крутой,
Но в сотнях гротов он себе находит
Убежище, и отдых, и покой.
Их Пан хранит; ущелья населяют
Там нимфы, прячась в свежести кустов,
И к горным сферам ветви устремляют,
Теснясь, деревья сотнями стволов.
То древние леса! В стволе высоком
Дуб копит силу, крепко ввысь растет,
А кроткий клен, пропитан сладким соком,
Весь груз ветвей играючи несет.
Там молоко, струясь в тени жилища,
И для детей и для ягнят течет;
Есть и плоды, долин цветущих пища,
А из стволов дуплистых каплет мед.

Блаженство здесь наследственное длится,

Уста румяны, ярок цвет ланит,

Бессмертен каждый там, где он селится,

Здоровы все, довольство вкруг царит.

В сиянье дня там жизнь привольно льется

От детских лет до зрелости мужской;

Дивясь на них, спросить лишь остается:

То боги ли иль смертный род людской?

Красивейшим из пастухов их рода

Уподоблялся даже Аполлон.

Где в чистой сфере царствует природа,

Там всех миров союз осуществлен.

(Садится рядом с Еленой.)

Так ты и я – мы счастием богаты.

Забудем же былое бытие!

Сознай, что высшим богом рождена ты,

И первый мир – отечество твое!

Но жить не будем в крепости мы тесной:

В соседстве Спарты нас с тобою ждет

Аркадия, она в красе прелестной

И в вечной силе юности цветет.

Туда, в блаженный край, мы путь направим,

Там радостно укроемся вдвоем!

Мы для беседки пышный трон оставим,

Аркадским вольным счастьем заживем!

Место действия совершенно меняется. К ряду горных пещер примыкают закрытые беседки. Тенистая роща простирается до окружающих крутых утесов. Фауста и Елены не видно. Хор спит, расположившись группами.

Форкиада

Как долго девы спят здесь – неизвестно мне.

Не то ли им пригрезилось, что видела

Я наяву? Но лучше разбужу я их.

Сомненья нет: дивиться будет юный хор,

А с ним и вы, брадатые, что, сидя там,

Разгадки ждете чуда вероятного.

Вставайте же и кудри отряхните вы!

Довольно спать: послушайте, что я скажу!

Хор

О, скажи, скажи, поведай, что чудесного случилось?

Слушать нам всего приятней то, чему нельзя поверить,

Ибо скучно эти скалы вечно видеть пред собой.

Форкиада

Дети, чуть глаза протерли – уж и скука вас берет?

Но внемлите: в этом гроте и в тенистой той беседке

Счастье тихое досталось, как в идиллии любовной,

Господину с госпожою.

Хор

Как, в пещере той?

Форкиада

От мира

Отделившися, служить им лишь меня они призвали.

Я, польщенная вниманьем, как поверенной прилично,

В стороне от них держалась, занималась посторонним,

Зная все растений свойства, корни, травы, мох искала,

Оставляя их одних.

Хор

Ты рассказ ведешь, как будто было все там что угодно:

Горы, лес, поля, озера. Нам ты сказку говоришь!

Форкиада

Да, неопытные дети, здесь неведомые тайны:

Залы, ходы, галлереи я могла б тут отыскать.

Вот в пещере раздается смеха резвый отголосок,

Я смотрю – чудесный мальчик от жены к супругу скачет,

А от мужа вновь к супруге. Шаловливые проказы,

Ласки нежные и крики восхищенья и восторга

Поражают взор и слух.

Голый гений, но без крыльев, фавн, но зверю

не подобный,

Он резвится над землею; но, едва земли коснется,

Вмиг на воздух он взлетает; прыгнет раз, другой,

а в третий

Уж до сводов достает.

Мать взывает боязливо: «Прыгай, прыгай сколько хочешь,

Но летать остерегайся: запрещен тебе полет!»

А отец увещевает: «Там, в земле, таится сила,

От которой ты взлетаешь. Лишь ногой земли касайся,

И окрепнешь ты безмерно, точно сын земли, Антей».

Но со скал на скалы скачет резвый мальчик неустанно:

Там и сям, как мяч упругий, ловко прыгает, резвясь.

Вдруг в расщелине утеса он мгновенно исчезает –

И пропал из глаз куда-то. В горе мать; отец утешить

Хочет; я – в недоуменье. Но опять какое чудо?

Не сокровища ль там скрыты? Разодетый, весь

в гирляндах,

Он является опять.

Рукава его с кистями, на груди же ленты вьются,

А в руках златая лира. Вот, как будто Феб-младенец,

На краю скалы высокой стал он. Все мы в изумленье,

А родители в восторге вновь друг друга к сердцу жмут.

Что горит над головою у него, сказать мне трудно:

Золотой убор иль пламя, знак высокой силы духа?

Как он гордо выступает! В нем теперь уж виден гений,

Все прекрасное вместивший, и мелодий вечных прелесть

В нем по всем струится членам. Но услышите его вы

И увидите – и, верно, удивитесь вы ему.

Хор

Это ли, дочь Крита, ты

Чудом считаешь?
Или не слышала ты
Вещего слова поэтов?
Иль ионийских не помнишь ты,
Всюду в Элладе известных,
Вечно прекрасных сказаний,
Песен про древних героев?
Все, что свершается
Здесь пред очами, –
Отклик печальный один
Чудных веков наших предков.
Да, весь рассказ не сравнится твой
С мифом, что вымысел чудный
Нам о Гермесе поведал,
Правдоподобнее правды!
Он, с красотою и силою
Дивно рожденный младенец,
Хоть и обвит пеленами был,
Хоть и усердно удержан был
Нянек толпою болтливою
От неразумных стремлений,
Все-таки с силой и прелестью

Он из пеленок извлечь сумел
Нежно-упругие члены,
Смело покинул пурпурную
Он колыбельку – и быстро
Прямо на свет полетел сейчас
Вверх, мотыльку уподобившись,
Нежные крылья поднявшему
Резво из куколки тесной,
Весело, смело летящему
К небу, в эфир лучезарный.
Так порожденный, поэтому
Всем хитрецам и ворам он,
Счастия скорого ищущим,
Богом всегда благосклонным был,
Что он на деле доказывал
Смелыми часто делами.
У Посейдона трезубец он
Смело унес, у Арея же
С ловкостью меч утащил он,
Лук он и стрелы у Феба взял
И молоток у Гефеста;
Взял бы и Зевсовы молнии,

Если б огня не боялся он;
Даже Эрота подножкою
Ловко в борьбе победил хитрец,
И у Киприды, ласкавшей его,
Пояс украл он волшебный.

Из пещеры раздаются чарующие чистые, мелодичные звуки струн. Все прислушиваются к ним и кажутся глубоко тронутыми. С этого времени вплоть до ниже указанной паузы продолжается музыка.

Форкиада

Звукам сладостным внемлите,
Старых сказок бросьте бред;
О богах речей не длите:
Их давно уж больше нет!
Вас никто не понимает;
Дань нам высшая нужна:
Та лишь речь сердца пленяет,
Что от сердца ведена.

(Отходит к скалам.)

Хор

Если, страшное творенье,
Ты смягчилося теперь,
Брызнут слезы умиленья
Из очей у нас, поверь!
Солнца лик пускай затмится,
Лишь в душе сиял бы свет!
В сердце нашем все таится –
Все, чего и в мире нет.

Появляются Фауст, Елена и Эвфорион в прежде описанном наряде.

Эвфорион

Песню ль детскую слагаю –
Вам веселье в этот час;
В такт ли, прыгая, ступаю –
Сердце прыгает у вас.

Елена

Двух сближая нежной страстью,
Радость им любовь дает,

Но к божественному счастью
Наш тройной союз ведет.

Фауст

Ныне все дано судьбою:
Весь я твой и весь ты мой.
Мы в союзе меж собою:
Мог ли быть исход иной?

Хор

Многих лет благословенье
Подарило вам, клянусь,
Это дивное творенье!
О, как чуден ваш союз!

Эвфорион

Пустите прыгать,
Скакать, резвиться!
Туда, на воздух,
Хочу я взвиться,
И весь желаньем
Проникнут я.

Фауст

Но тише, тише,
Без увлеченья,
Чтоб не постигло
Тебя паденье.
Нас в гроб сведешь ты,
Мое дитя!

Эвфорион

Не стану больше
Внизу стоять я.
Оставьте руки,
Оставьте платье,
Оставьте кудри:
Они – мои!

Елена

О вспомни, чей ты,
Мой сын бесценный!
Нас пожалей ты:
Союз священный,

Едва возникший,
Не разорви!

Хор

Боюсь я, рухнет
Союз любви!

Елена и Фауст

Сдержи, о сдержи, смирив,
Хоть к нам из любви,
Чрезмерно живой порыв
И страсти свои!
Спокойно здесь, в поле,
Красуйся, молю!

Эвфорион

Смирясь, вашей воле
Пока уступлю.

(Пробегает среди хора, увлекая его в пляску.)

Вот подлетел я к вам,
Бодрый народ!
Что же, не спеть ли нам?

Пляска ль у нас пойдет?

Елена

Славно! Пускай с тобой
Пляшет красавиц рой
Мерно и в лад.

Фауст

Только б конец скорей!
Нет, я игре твоей
Вовсе не рад.

Эвфорион и хор, танцуя, с пением движутся переплетающимися рядами.

Хор

Поводишь ли парой рук
Так плавно, красиво,
Блестящие ль кудри вдруг
Колеблешь так живо,
Иль, чуть по земле скользя,
Несется нога твоя,
Иль движешь согласные

Все члены прекрасные, –
О, знай же, что всем ты мил,
Ты цели достиг!
Ты всем нам сердца пленил
Навек в этот миг.

Пауза.

Эвфорион

Нашел себе я
Газелей стаю;
К иной игре я
Вас призываю:
Вы будьте звери,
Охотник – я!

Хор

Беги за нами
Не так проворно:
Поверь, мы сами
Хотим, бесспорно,
Малютка милый,
Обнять тебя!

Эвфорион

Чрез рощи и боры,
Чрез камни и горы!
Но легкой удачи
Я знать не хочу:
В борьбе, не иначе
Утехи ищу!

Фауст и Елена

Что за смелость, сколько рвенья!
Тут не жди успокоенья!
Точно в рог трубит вся стая,
Лес и долы оглашая!
Что за крик! Как шум растет!

Хор

(быстро входя поодиночке)

Насмехаясь, всех, проворный,
Обогнал он без хлопот;
Лишь одною, непокорной,

Овладев, ее влечет!

Эвфорион

(внося на руках молодую девушку)

Вот малютку к наслажденью
Я влеку по принужденью;
По желанью своему
Против воли к сердцу жму;
Непокорную целуя,
Волю сильного творю я.

Девушка

Прочь! И в нашей плоти нежной
Сила смелая живет!
Нашей воле – знай, мятежный, –
Как твоей, несносен гнет!
Мнишь смирить меня по праву?
Слишком силой не гордись!
Что ж, держи и, мне в забаву,
Сам, глупец, воспламенись!

(Вспыхивает и сгорает в воздухе.)

Следуй мне в эфир свободный,
В бездну пропасти холодной,
За исчезнувшим гонись!

Эвфорион

(отряхая остатки пламени)

Чащи лесов густых,
Горы кругом меня.
Что мне до стен крутых:
Молод и пылок я!
Вихри вдали свистят,
Волны вдали шумят.
Грустно смотреть мне вдаль:
Ближе взглянуть нельзя ль?

(Перепрыгивает со скалы на скалу и подымается все выше и выше.)

Елена, Фауст и хор

С серной хочешь ты сравниться?
Берегись, чтоб не слететь!

Эвфорион

Выше должен я стремиться,
Дальше должен я смотреть.
Знаю, где ныне я:
Море вокруг меня!
Пелопса здесь страна:
Морем шумит она.

Хор

Милый, спустися! Тут
Будешь ты с нами,
Здесь на скалах растут
Лозы с кистями,
Яблоков плод златой
Свесился ниже.
В милой земле родной,
Милый, живи же!

Эвфорион

Грезится мир вам здесь?
Что же, кто может – грезь!

Лозунг мой в этот миг –
Битва, победный крик!

Хор

Кто презирает
Мир, лишь войной прельщен,
Знай, что теряет
Счастье надежды он.

Эвфорион

Кто здесь рожден на свет,
Взросшие в бурях бед,
Волю куют в бою,
Кровь не щадя свою.
Их не смирить ничем,
Чистых душой!
Счастье да даст им всем
Ревностный бой!

Хор

Ввысь умчался он стрелою,
Но и там немал на вид!

Точно в латах, точно к бою,
Точно сталь на нем блестит!

Эвфорион

Что нам стены, укрепленья!
Защищай себя смелей!
Всех их крепче без сравненья
Грудь железная мужей.
Чтоб ты жил не покоренный,
Смело в поле, в легкий строй!
На конях помчатся жены;
В каждом отроке – герой.

Хор

К небу лети, неси
Звуки поэзии!
Выше сияй всегда,
Точно небес звезда!
Слышим тебя мы там:
С неба слетают к нам
Звуки сюда!

Эвфорион

Нет, уж не отрок пред вами:
Выходит юноша на бой!
Уже с отважными бойцами
Соединился он душой!
Вперед, вперед!
Нас честь ведет
Туда, где к славе путь прямой!

Елена и Фауст

Дня едва узрев свет милый,
К светлой жизни чуть рожден,
Ты с высот во мрак унылый,
В мир скорбей уж устремлен!
Или впрямь
Чужд ты нам?
Иль союз наш – только сон?

Эвфорион

Чу! Гром вы слышите ли в море,
В долинах отклик боевой?

В пыли, в волнах все рати в сборе
Идут на скорбь, на грозный бой.
Смерть для нас
В этот час –
Лозунг первый и святой!

Елена, Фауст и хор

Ужас! Страшное решенье!
Смерть – желанный лозунг твой?

Эвфорион

Мне ль смотреть из отдаленья?
Нет, приму нужду и бой!

Елена, Фауст и хор

Храбрость средь бед таких –
Гибель всегда.

Эвфорион

Пусть! На крылах своих
Ринусь туда!
Рвусь в боевой пожар,

Рвусь я к борьбе!

(Бросается со скалы. Одежды на время поддерживают его. Голова его сияет; за нею тянется светящийся след.)

Хор

Горе тебе!
Горе! Икар! Икар!

Прекрасный юноша падает к ногам родителей. Лицо его напоминает знакомые черты, но вскоре телесное исчезает, ореол в виде кометы возносится к небу, а на земле остаются платье, лира и мантия.

Елена и Фауст

Радость прошла моя,
Горе пришло за ней.

Голос Эвфориона

(из-под земли)

Мать, не покинь меня
В царстве теней.

Пауза.

Хор

(скорбная песнь)

Не покинем, без сомненья!
Ты и близок нам и мил:
В час разлуки, в час паденья
Все сердца ты поразил.
Плач не нужен погребальный:
Нам завиден жребий твой!
Жил ты светлый, но печальный,
С гордой песней и душой.
Ах, рожден для счастья был ты!
Древний род твой славен был!
Рано сам себя сгубил ты,
В полном цвете юных сил.
Ясно мир прозрев очами,
Ты сочувствовать умел,
Лучших жен владел сердцами,
Песни сладостные пел.
Ты помчался несдержимо,

В даль невольно увлечен;
Ты презрел неукротимо
И обычай и закон.
Светлый ум к делам чудесным
Душу чистую привел:
Ты погнался за небесным,
Но его ты не нашел.
Кто найдет? Вопрос печальный!
Рок ответа не дает
В дни, когда, многострадальный,
Весь в крови, молчит народ.
Пойте ж песни вновь сначала:
Что печально нам стоять?
Песни ввек земля рождала
И родит их нам опять.

Полная пауза. Музыка прекращается.

Елена

(Фаусту)

На мне теперь сбылося слово древнее,
Что не живет с красою счастье долгое.

Любви и жизни узы разрешаются.
Оплакав их печально, я скажу: «Прости!»
И обниму тебя – увы! – в последний раз.
Прими меня, о Персефона, с отроком!

(Обнимает Фауста. Телесное исчезает, платье и покрывало остаются у него в руках.)

Форкиада

(Фаусту)

Держи: тебе досталось платье лишь!
Не выпускай из рук, держи его!
Его б хотелось демонам отнять
И унести к себе: держи сильней!
Богини нет: ее ты потерял.
Но это все ж божественно. Возьми
Чудесный дар: взлетишь ты к небесам,
Над всем земным тебя возвысит он, –
И там, в эфире, будешь ты парить.
Вдали отсюда встречусь я с тобой.

Одежды Елены, расплывшись в облака, окружают Фауста, поднимают его ввысь и уносятся

вместе с ним.

(Берет с земли платье, лиру и мантию Эвфориона, направляется к просцениуму, поднимает их кверху.)

Себя с находкой мы поздравить можем,
Хотя святой огонь исчез, положим, –
Но надобно ль о мире горевать?
Успел довольно гений нам оставить,
Чтоб титулы поэтам даровать
И в ремесле их зависть развивать.
Талантов им не в силах я доставить,
Но платье в долг могу им раздавать.

(Садится на просцениуме у колонны.)

Панталис

Спешите, девы! Чары нас покинули:
Заклятье снято ведьмой фессалийскою;
Исчез и шум сплетенных звуков тягостный,
Смущавший нам и слух и ум тем более.
За мной в Аид! Спешите за царицею

Немедленно – и пусть же за спиной ее
Служанок верный хор повсюду следует!
У трона Недоступной мы найдем ее.

Хор

Да, для цариц есть повсюду приют.
Даже в Аиде, во мраке его,
Сходятся с равными гордо они
И с Персефоною дружбу ведут.
Мы же во тьме безотрадной
Грустных лугов асфоделей,
Средь тополей длинных, тощих,
Между бесплодных тоскующих ив, –
Как мы проводим там время?
Точно летучие мыши,
Шепчем печально мы там.

Панталис

Кто имени ничем не приобрел себе,
Кто даже не стремится к благородному,
Принадлежит стихиям тот. Исчезни-

те ж!

А я пойду к царице: не заслуга лишь,

А также верность существом нас делает.

(Уходит.)

Хор

К свету дневному вернулися мы;

Мы существами не будем, –

Это мы чуем и знаем,

Но не вернемся в Аид никогда.

Сделает духов из нас

Вечно живая природа:

В ней-то и будем отныне мы жить.

Часть хора

В сотнях листьев, сотнях веток мы забьемся,

затрепещем,

Из корней младые соки привлечем мы и по веткам

Разнесем их. То листами, то цветами

украшаем

Мы кудрявые верхушки и готовим урожай.

Плод созрел, народ приходит оживленный,

со стадами;

Все хватают, все кусают, и подходят, и теснятся:

Как пред первыми богами, всё пред нами шею гнет.

Вторая часть хора

Мы вселимся в эти скалы, будем тихо отражаться

В водном зеркале, и волны будут двигать образ наш;

Звук раздастся – птиц ли пенье, камыша ли

тихий шепот

Или страшный голос Пана, – наш ответ всегда готов.

Слышен шум – шумим мы также, гром грохочет –

мы грохочем,

Дважды, трижды и стократно откликаемся на зов.

Третья часть хора

Сестры, мы душой подвижней; побежим же вниз

с ручьями;

Манит нас вдали чудесный, пышный ряд холмов цветущих.

Вечно вниз и вглубь стремяся, потечем мы, извиваясь,

На луга и на поляны, и к жилищам, и к садам,

И восстанут кипарисы вдоль по брегу, над водами,

Грациозною вершиной упираяся в эфир.

Четвертая часть хора

Вы живите где хотите; мы шумливо окружаем

Холм цветущий, холм веселый, где посажена лоза.

Там вседневно и всечасно мы увидим труд любовный

Винодела, хоть удача и сомнительна ему.

Вечно роет он, копает, собирает, вяжет, режет

И к богам взывает часто, к богу солнца чаще всех.

Вакх изнеженный, забывшись, о слуге своем

не помнит:

Он покоится в пещере, с юным фавном он шалит.

Все, что нужно для довольства и для грез его

беспечных,

Он найдет в мехах широких, в легких кружках

и сосудах –

Там и сям в пещере хладной много лет вино стоит.

Между тем готовят боги – всех же Гелиос скорее, –

Орошая, согревая, сочных ягод полон

рог.

Где работал виноградарь, быстро жизнь теперь

струится,

Резвый шум в беседке каждой, шум у каждого ствола.

Всюду шум: скрипят корзины, стонут ведра и ушаты,

Все сбирают в чан широкий, где давильщики усердно

Пляшут, тяжкими ногами давят кучи свежих ягод;

Брызжут, пенятся и в массу все сливаются они.

И гремят тогда кимвалы, и литавры раздаются,

Ибо, сняв покров мистерий, всем открылся Дионис.

Он идет, ведя с собою целый табор козлоногих,

И кричит меж ними резко зверь ушастый,

зверь Силена;

Без пощады все копыта низвергают

пред собой.

Помрачаются все чувства, шум в ушах стоит

несносный;

Пьяный тянется за чашей, мозг и чрево переполнив;

Тот, другой, еще крепится, но растет лишь беспорядок:

Чтоб наполнить новым соком, осушают старый мех.

Форкиада на авансцене непомерно выпрямляется, сходит с котурнов, снимает маску и покрывало и является Мефистофелем, чтобы, насколько нужно, объяснить пьесу в эпилоге.

Действие четвертое
Высокий горный хребет

Скалистая вершина. Туча подплывает к ней и спускается на верхнюю площадку горы. Из тучи выходит Фауст.

Фауст

У ног моих зияет бездна горная;
Всхожу я на вершину с думой светлою
И тучу покидаю, что несла меня
В дни ясные над морем и над сушею.
Не расплываясь, тихо отделяется,
Меня оставив, облако, и медленно,
Клубясь, оно к востоку вдаль уносится,
И взор за ним стремится с восхищением.
Плывет оно, волнуясь, изменяя вид,
И в дивное виденье превращается.
Да, это так: я различаю явственно
На пышном изголовье гор сияющих
Гигантский образ женщины боже-

ственной.

Юнона ль это, Леда ли, Елена ли?

Своим величьем взор она пленяет мой.

Увы! Она вдали уж расплывается,

Покоится бесформенной громадою,

Подобно льдистых гор верхам сияющим,

И отражает смысл великий прошлых дней!

А вкруг меня тумана струйка светлая,

Прохладою лаская, обвивается.

Взвилась она наверх – остановилась там

Прозрачной тучкой. Это ль чудный образ тот,

Великое, святое благо юности?

Души моей сокровища проснулися,

Любовь Авроры вновь восстала в памяти

И первый милый взгляд, не сразу понятый,

Всего потом дороже в мире ставший мне.

Как красота душевная, стремится вверх,

В эфир небес, чудесное видение,

Неся с собой часть лучшую души моей.

На гору ступает семимильный сапог. За ним следует другой. Мефистофель сходит с сапог, а они отправляются далее.

Мефистофель

Вот так поход – рекомендую!

Что за фантазия пришла

Тебе забраться в глушь такую,

Где на скале торчит скала?

Иль непременно место выбрать надо,

Когда-то прежде бывшее дном ада?

Фауст

Любитель глупых сказок ты: опять

Ты начинаешь ими угощать!

Мефистофель

(серьезно)

Когда творец, нам отомстить желая –
Я б мог сказать, за что, – низвергнул нас
С высот небес в ту бездну, где, пылая,
Сверкал огонь и ввек бы не угас, –
Ужасный жар нас мучил повсеместно;
Притом же там уж слишком было тесно.
Тогда все черти, напрягая грудь,
Чтоб из темницы выйти, стали дуть:
Наполнилась вся бездна серным газом –
И стены ада лопнули, и разом
Потрескалась земная вся кора;
Здесь очутилась пропасть, там гора.
Переворотов было тут немало:
Вершина дном, а дно вершиной стало –
И люди так же точно всё потом
В теориях поставили вверх дном.
Так выбрались мы из темницы мрач-

ной
Наверх, на воздух светлый и прозрачный.
Все это было тайной для людей
И стало им открыто лишь поздней.

Фауст

Гора молчит в покое горделивом.
Каким она на свет явилась дивом,
Как знать? Природа силою святой
Произвела вращеньем шар земной,
Утесы, камни, горы и теснины,
Произвела ущелья и вершины,
И ряд холмов, который перешел
Чрез мягкие изгибы в тихий дол;
И чтоб росли, цвели природы чада,
Переворотов глупых ей не надо.

Мефистофель

Ну да, еще бы! Это ясно вам!
Но я, который был при этом сам,
Скажу другое: в глубине, пылая,

Сверкал огонь и страшный грохот был;
Молоха молот, скалы разбивая,
Утесы на утесы громоздил.
Поныне тьма каменьев стопудовых
Валяется: кем брошены они?
Молчит философ; что ни сочини –
Нет объяснений этому толковых!
Скала лежит – и пусть себе лежит,
А объяснять тут – праздный труд и стыд.
Одни простые люди смотрят зрело
На это все: их с толку не собьешь;
Народу здравый смысл докажет все ж,
Что чудеса все эти – беса дело;
И вот идет он, в вере тверд и прост,
Смотреть на чертов камень, чертов мост.

Фауст

Что ж, продолжай! Приятно, без сомненья,
Знать на природу чертовы воззренья.

Мефистофель

Что нам природа! Лестно только нам,
Что действовать пришлось в ней и чертям.
Великих мыслей в нас всегда обилье;
Безумство, неурядица, насилье –
Вот наш девиз! Но бросим этот спор.
Скажи ты мне, на чем теперь твой взор
Остановился? Ты, себе в забаву,
«Земные царства все и всю их славу»
Мог видеть. Все достигнуты мечты.
Иль новое затеял что-то ты?

Фауст

Конечно: есть великая затея.
Ну, угадай.

Мефистофель

Сейчас скажу тебе я.
Столицу ты построишь. В ней дома

Тесниться будут; узких улиц тьма
Лепиться будет криво, грязно, густо;
В средине – рынок: репа, лук, капуста,
Мясные лавки; в них лишь загляни –
Жужжат там мухи жадными стадами
Над тухлым мясом. Словом, перед нами
Немало вони, много толкотни.
В другой же части города, бесспорно,
Дворцов настроишь, площади просторно
Раздвинешь; вне же городской черты
Предместья вширь и вдаль раскинешь ты.
И наблюдать ты станешь, как теснятся
Повсюду люди, как кареты мчатся,
Как озабоченный народ
Спеша по улицам снует;
А сам проедешь – вмиг заметит
Тебя толпа, с почетом встретит;
Ты будешь центром их…

Фауст

Ну вот,
Нашел хорошую отраду!
Учи народ, питай и грей,
А после, смотришь, бунтарей
Ты воспитал себе в награду!

Мефистофель

Ну, если так, то лично для себя
Построил бы роскошный замок я
В красивом месте; лес, холмы и нивы
В парк превратил бы пышный и красивый;
Деревья там зеленою стеной
Прямые бы аллеи окаймляли
И для прогулок тень бы доставляли;
Луга, как бархат, взор ласкали б мой;
Струились бы меж скал везде каскады,
Хрустальные ручьи и водопады;
Фонтан высокий бил бы мощно там,
И мелких струй ряды по сторонам

Журчали бы; затем, для оживленья,
Я б домиков настроил, поселил
Там жен прекрасных, с ними бы делил
Волшебные часы уединенья;
Сказал я «жен» затем, что, без сомненья,
Всего любезней смертным на земле
Жена – но не в единственном числе.

Фауст

Противно, хоть и модно. Ты заврался,
Сарданапал!

Мефистофель

Я, право, потерялся
В догадках, хоть и был в них очень смел.
Смотри, как близко к небу ты забрался:
Не на луну ль лететь ты захотел?

Фауст

Довольно места для великих дел
И на земле: зачем бежать отсюда?
Вперед же смело! Совершу я чудо:
Вновь дух во мне отвагой закипел.

Мефистофель

А, вот что! Славы ты желаешь ныне!
Недаром был ты близок к героине.

Фауст

Власть, собственность нужна мне с этих пор!
Мне дело – всё, а слава – вздор!

Мефистофель

Ну что ж: тебя поэты не оставят –
В потомстве даже гимнами прославят,
Чтоб дурью дурь в других воспламенять!

Фауст

Не в силах, вижу я, понять
Ты человеческих стремлений.
Тебе ли, жалкий, злобный гений,
Людей потребности обнять?

Мефистофель

Пусть так. Скажи мне все-таки на милость,
Что там за мысль в тебе закопошилась?

Фауст

У моря я стоял. Вода росла,
Прилив готовя, грозно пред очами;
Остановилась – и, встряхнув волнами,
На плоский берег приступом пошла.
Тогда меня досада обуяла:
Свободный дух, ценящий все права,
Противник страстный грубого начала,
Не терпит дикой силы торжества.

Я это счел за случай; убедиться
Желая, стал смотреть: вода ушла,
Покинув то, что гордо так взяла;
В урочный час явленье повторится.

Мефистофель

(к зрителям)

Что ж, ничего тут нового мне нет:
Я видел это много тысяч лет.

Фауст

(страстно продолжая)

Бесплодная, бесплодье порождая,
Встает пучина бурная, седая,
Растет – и вот опять наводнена
Пустынной мели скучная страна;
Валы ревут, кипят – и снова с мели
Они уйдут, без пользы и без цели.
В отчаянье и страх меня привел
Слепой стихии дикий произвол.
Но сам себя дух превзойти стремится:

Здесь побороть, здесь торжества добиться!
И можно это: дикая волна
Малейший холмик огибать должна;
Ей не под силу даже возвышенье
Малейшее: невольно в углубленье
Вливается покорная вода.
И план за планом встал в уме тогда;
Я с наслажденьем чувствую отвагу:
От берега бушующую влагу
Я оттесню, предел ей проведу,
И сам в ее владенья я войду!
За шагом шаг все выяснил себе я
В задаче этой. Вот моя затея.

За спиной зрителей, с правой стороны, раздаются отдаленные звуки барабанов и воинственной музыки.

Мефистофель

Нетрудно это. Слышишь марш?

Фауст

Опять
Война! Уму плохая в ней отрада.

Мефистофель

Мир иль война – вся штука в том, что надо
Уметь отвсюду пользу извлекать
При случае. Здесь случай есть: так смело
Лови его, чтоб сразу двинуть дело.

Фауст

Нельзя ль меня избавить от речей
Загадочных? В чем дело, поскорей!

Мефистофель

В пути моем сюда я видел много:
Наш император вновь в беде, тревога
Его гнетет. Ты помнишь ведь его:
Когда с тобой его мы веселили

И вслед богатством ложным наделили,
Он возмечтал, что в мире ничего
Ему нет недоступного. Он сана
Высокого достиг чрезмерно рано
И к заключенью ложному пришел,
Что, никаких не опасаясь зол,
Он может жить, как хочется, беспечно,
И управлять, и наслаждаться вечно.

Фауст

Большое заблужденье! Находить
Во власти счастье должен повелитель.
Пусть высшей воли будет он хранитель,
Но пусть никто не сможет проследить
Его высоких мыслей. Повеленье
Он только близким тайно отдает;
Чрез них оно свершается – и вот
Невольно мир приходит в изумленье,
Тогда всех выше чтит его народ.

Так он себе всю славу оставляет!
А наслажденье – только опошляет.

Мефистофель

Наш не таков! Он тешился лишь сам –
И вот распалось царство по частям:
Большой и малый спорят меж собою,
На брата брат родной идет войною,
На город город восстает везде;
Ремесленник с дворянством во вражде,
Епископы – с властями и с приходом.
Куда ни глянь – вражда между народом!
В церквах разбой; грабеж везде, всегда,
Купцу и страннику в пути беда!
Всяк борется и отражает смело
Соперника. Так вечно шло их дело!

Фауст

Шло, падало, хромало, встав опять, –
И вот свалилось так, что уж не встать!

Мефистофель

Сперва их это мало тяготило:
Привольно жить им и свободно было;
Кто слаб был, тот слабейших грабил все ж,
Но лучшим это стало невтерпеж,
Умнейшие восстали, рассуждая:
Спокойствие должна давать святая
Монарха власть; наш император, знать,
Его не хочет иль не может дать;
Так изберем, не мешкая напрасно,
Другого императора: создаст
Он царство вновь, чтоб жить нам безопасно,
И всем нам мир и справедливость даст.

Фауст

Попами пахнет тут.

Мефистофель

Попы и были
Зачинщики: они народ подбили
К восстанию, чтоб выдумкой такой
Сберечь брюшка набитого покой.
И стал мятеж расти, с благословенья
Святых отцов; народ восстал гурьбой,
И бедный наш любитель наслажденья
Идет, быть может, на последний бой.

Фауст

Мне жаль его: он добр и прям был.

Мефистофель

Что же,
Пойдем к нему: пока живешь, негоже
Терять надежду, хоть грозит беда.
Освободим его мы из теснины;
Кто раз спасен – быть может, навсегда
Спасется. Как предречь игру судьбины?

Раз победив, вассалов вновь тогда
Найдет он и не будет знать кручины.

Они всходят на середину горы и смотрят на войско, расположенное в долине. Снизу слышен гром барабанов и звуки военной музыки.

Мефистофель

Позиция теперь досталась им
Хорошая. Пойдем и победим!

Фауст

Какую же ты помощь им предложишь?
Ты лишь обман волшебный дать им можешь.

Мефистофель

Полезна ведь и хитрость на войне!
Ты лишь держись своей великой цели:
Ведь только б мы помочь ему сумели
И утвердили трон его в стране, –
Тогда пред ним лишь преклони колена,
И даст тебе он берег в виде лена.

Фауст

Немало ты свершил чудес;
Что ж, выиграй сраженье, бес!

Мефистофель

Ты победишь: я под твоим началом;
Ты сам здесь будешь главным генералом!

Фауст

Мне вовсе не к лицу высокий сан
В таких делах, где я совсем профан!

Мефистофель

Ты предоставь лишь штабу все заботы –
И, как фельдмаршал, можешь ничего ты
Не делать. Я давно уже расчел,
Что будет здесь война, что дело гадко;
И у меня готова уж разгадка,

Как выбраться из этих бед и зол:
Я в недрах гор союзников нашел –
Народ могучий, древний там таится,
И благо тем, с кем он соединится.

Фауст

Кто это там с оружием идет?
Не горный ли восстал за нас народ?

Мефистофель

Не весь: как Петер Сквенц, я взял оттуда
Эссенцию из каждого лишь блюда.

Входят Трое Сильных.

Взгляни на них: различных лет
Мои волшебные ребята;
Различно каждый разодет;
Их сила помощью богата.

(К зрителям.)

Известно: любят в наши дни
Все дети панцири и латы;
Как вам понравятся мои

Аллегорические хваты?

Догоняй

(молодой, легко вооруженный и пестро одетый)

Кого ни встречу я, тому
В физиономию заеду,
А труса догоню по следу
И за вихор его возьму.

Забирай

(средних лет, хорошо вооруженный и богато одетый)

Все это вздорно и ничтожно!
Врага поймавши, забери
Сперва все то, что взять возможно;
О прочем – после говори.

Держи-крепче

(пожилой, тяжело вооруженный, в простом платье)

Барыш и в этом невеликий!
Все эти блага с силой дикой
Умчит житейская река.
Взять – хорошо, сберечь – важнее;
Чтоб сохранилось все вернее,
Поставьте стражем старика.

Все спускаются в долину.

На предгорье

Снизу слышатся барабаны и военная музыка. Ставят императорский шатер. Император, главнокомандующий и драбанты.

Главнокомандующий

Я план свой здесь надеюсь оправдать:
Мне кажется, ногой мы твердой станем,
Когда все войско в ту долину стянем.
Надеюсь, что удачи можно ждать.

Император

Посмотрим. Мне лишь грустно впечатленье,
Что это полубегство, отступленье.

Главнокомандующий

Взгляни, как правый фланг у нас стоит:
Глазам вождя приятен этот вид!
Холм не крутой, но годный для защиты:
Нам выгоден, губителен врагам;
Волниста местность, мы полуприкрыты,
И коннице не подобраться к нам.

Император

Мне ничего пока не остается,
Как похвалить. Пусть битва здесь начнется!

Главнокомандующий

Здесь, посредине луга, пред тобой
Фаланга ждет и сердцем рвется в бой.
При блеске солнца пики в нашем стане
Сверкают в легком утреннем тумане.
Как движется могучий войск квадрат!
Здесь тысячи отвагою горят!
Тут силу массы ты увидишь вскоре:
В ней вся моя надежда в бранном споре.

Император

Столь чудный вид предстал впервые мне!
Здесь каждый воин стоит двух вполне.

Главнокомандующий

И левый фланг в отваге не отстанет;
Крутой утес героев ратью занят;
Отряд, блестя оружьем, стережет
Важнейший пункт – в ущелье узкий вход.

Предвижу я, что здесь, вступив в сраженье,
Кровавое потерпит враг крушенье.

Император

Вот, вот она, фальшивая моя
Родня: кузены, дяди и зятья!
Они все больше силы забирали,
Власть ослабляли, трона честь марали;
Все царство грабя, ссорилась родня
И вся теперь восстала на меня!
Чернь колебалась к ним примкнуть сначала,
А там к теченью общему пристала.

Главнокомандующий

Наш верный вестник с гор идет спеша:
Дай бог, чтоб весть была нам хороша!

Первый вестник

Счастье нас сопровождало;
Храбрость, хитрость помогли

Нам везде пройти; но мало
Мы отрадного нашли.
Жив во многих дух присяги,
Часть страны тебе верна,
Но бессильна, без отваги,
Оттого что чернь грозна.

Император

Хранят покой свой себялюбцы жадно;
Честь, верность, долг, любовь – им прах и дым.
Как будто, если в их дому все ладно,
Пожар соседа не опасен им!

Главнокомандующий

Другой идет к нам медленно, усталый,
С горы; дрожит всем телом бедный малый.

Второй вестник

На сумбур их бестолковый
Любовались мы сперва;

Вдруг у них явился новый
Император – их глава;
И путем, ему желанным,
Потянулися рабы,
И к знаменам самозваным
Все стеклись. Бараньи лбы!

Император

Их император новый – в пользу мне!
Впервые императором вполне
Себя теперь я чувствую! К сраженью
Надел я латы, как простой солдат;
Теперь они мне ясно говорят,
Что высшему служу я назначенью!
Среди торжеств в сердечной глубине
Я тосковал: недоставало мне
Опасности; по вашим я советам
Вел только в обруч детскую игру,
Но сердце билось храбростью при этом:
Я грезил, что в турнире приз беру.
Не избегай я войн, удержан вами, –

Блистал бы я геройскими делами!
Весь пламенем объят, могучих сил
Почувствовал в себе я пробужденье,
Когда грозило мне уничтоженье:
То был мираж, но как велик он был!
О славе, о победном шаге смелом
Я грезил… Что преступно упустил,
Я возмещу теперь отважным делом!

Отсылает герольдов с вызовом к враждебному императору. Входит Фауст в латах, с полуопущенным забралом. Появляются Трое Сильных, вооруженные и одетые, как сказано выше.

Фауст

Пришли мы к вам на помощь в этот час
В надежде быть не лишними для вас.
Ты знаешь: горцев думы и преданья
Закреплены в чудесных письменах
Природы и утесов; светом знанья
Наука озаряет их. В горах,
Давно покинув плоские равнины,

С любовью духи поселились; там
В тиши, заняв ущелья и теснины,
Работают они по всем местам
Средь атмосферы газов благородных,
Среди паров металлов самородных,
Дробя, связуя, находя пути.
Их цель одна лишь: новое найти.
Воздушными они перстами властно
Прозрачные фигуры создают,
И что у нас, вверху, творится тут,
Все сквозь кристалл безмолвный видят ясно.

Император

Я понял все и верю в эту весть.
Но, друг, скажи: при чем все это здесь?

Фауст

Знай: некромант Сабинский, маг известный
Из Норчии, навек слуга твой честный!
Весь ужас смерти он уж предвкушал,

Горящий хворост уж пред ним трещал,
Дрова пылали, дым клубился серный…
Никто б его не спас от смерти верной –
Ни человек, ни бог, ни бес – в тот час;
Но ты пришел, освободил и спас.
То было в Риме. Жизнью он обязан
Тебе и всей душой к тебе привязан.
Совсем забывши думать о себе,
Лишь о твоей гадает он судьбе.
Он нас послал для помощи проворной
К тебе сюда. Народ отважен горный:
Природы сила в нем кипит ключом;
Попы зовут ту силу колдовством.

Император

Когда идут к нам в праздник гости с целью
Предаться с нами светлому веселью,
Мы рады видеть, как они спешат,
Теснясь, наполнить зал роскошных ряд;
Тем нам приятней смелый друг, который

Является, чтоб нам служить опорой,
В то утро, как над нашею главой
Судьба колеблет жребий роковой.
Но все ж вложите в этот час высокий
В ножны свой меч послушный и жестокий,
Почтите миг, когда бойцы толпой
Пойдут за нас иль против нас на бой.
Кто мужествен, стой за себя! Кто трона
Искал себе, кому нужна корона,
Тот лично пусть докажет всем, что он
Достоин чести занимать свой трон!
Пусть призрак, против нас столь дерзновенно
Восставший, императором надменно
Себя зовущий, наших стран царем,
Отважной нашей армии вождем,
Вассалов наших властию законной,
Падет, рукою нашею сраженный!

Фауст

Велик, но смел чрезмерно замысл твой.
Как рисковать священной головой?
Ее шелом пернатый украшает;
Под ним она нам мужество внушает.
Что без главы все тело? Осенил
Ее лишь сон – и члены все без сил,
Ей рана – рана членам всем, и снова
Здорово все, когда она здорова.
Рука свой долг исполнить вмиг спешит,
Над головой поднявши крепкий щит;
Меч отражает недруга и с жаром
Разит его губительным ударом;
Участвует в победе и нога,
Ступив на выю павшего врага.

Император

Таков и есть мой гнев: хочу себе я
Подножьем сделать голову злодея!

Герольды

(возвратившись)

Мало веса, мало чести
Там имели мы у всех;
Нашей смелой, гордой вести
Отвечал, как шутке, смех:
«Император ваш для света
Умер, след его простыл;
Если вспомнит кто про это,
Сказка скажет: был, да сплыл!»

Фауст

Пусть будет так! Тем лучше для людей,
Стоящих здесь, на стороне твоей.
Подходит враг; на бой дружина рвется:
Удобен миг – пускай же бой начнется!

Император

Командовать отказываюсь я.

(Главнокомандующему.)

Ты примешь, князь, долг этот на себя.

Главнокомандующий

Пусть правый фланг наш выступает! В гору
Теперь восходит левым флангом враг;
Пускай, подвергшись юных сил отпору,
Не довершит он свой последний шаг.

Фауст

Дозволь ему, проворному герою,
Сейчас примкнуть к передовому строю;
Пускай, пристав к отважнейшим рядам,
Он мужество свое покажет там.

(Указывает на стоящего справа.)

Догоняй

(выступая вперед)

Кто мне лицо подставит, не уйдет

Иначе, как с разбитыми зубами;
Кто тыл покажет, навзничь упадет,
Затылком тяжко шлепнувшись пред вами;
Пусть наши все разить начнут,
Как я, мечом и булавою:
Утонут в несколько минут
Враги в крови своей толпою!

(Уходит.)

Главнокомандующий

Фаланга центра стройно в тишине
Пусть выступит; пусть скажется в ней сила
Разумная! На правой стороне
Расчет врагов она уж частью сбила.

Фауст

(указывая на среднего)

И этого пошли: он быстр и смел,
Всех увлечет на путь отважных дел.

Забирай

(выступая вперед)

Пусть император храброй рати
Велит искать добычи кстати,
Чтоб целью всем был с этих пор
Вождя враждебного шатер!
Недолго будет он стоять кичливо!
Я во главе фаланги встану живо.

Хватай-добычу

(маркитантка, прижимаясь к нему)

Я не зовусь его женой,
Но он – любовник лучший мой!
Для вас созрела жатва эта!
Зла грабить женщина и страх
Как беспощадна в грабежах.
К победе же, – и нет ни в чем запрета!

Оба уходят.

Главнокомандующий

На левый фланг обрушит враг, наверно,
Свой правый фланг. Отважно и примерно
Должны войска атаку отражать,
Чтоб узкий вход за нами удержать.

Фауст

(указывая на стоящего слева)

На помощь им отправь его отсюда:
Умножить силу силою – не худо.

Держи-крепче

(выступая вперед)

За левый фланг не надобно забот!
Где встану я, там верен ваш оплот.
Того, что я храню, вояка старый,
Не раздробят и молнии удары.

(Уходит.)

Мефистофель

(спускаясь сверху)

Смотрите: из-за всех зубцов,
Покинув всех ущелий своды,
Стремится в латах тьма бойцов,
Стесняя тесные проходы;
Мечей, щитов и шлемов рой
Там, сзади нас, стоит стеной
И знака ждет, чтоб биться смело.

(Тихо, к знающим, в чем суть.)

Откуда это? Что за дело
Нам до того? Я не дремал:
За арсеналом арсенал
Очистил я. Они стояли
В тиши, кто пеш, кто на коне,
Как будто и сейчас вполне
Земных владык осуществляли
Всех, кто – недавно ли, давно ль –
Был император, иль король,
Иль рыцарь. Эти пережитки

Теперь пустые лишь улитки;
Но в них я призраки вселил
И так пред вами в пышном цвете
Средневековье оживил.
Поверьте мне: в наряды эти
Какой бесенок ни войдет,
Большой эффект произведет.

(Громко.)

Вы слышите, как уж теперь их стая
Кипит, ярясь, оружьем громыхая!
Знамен лоскутья гордо веют с гор:
Манил их свежий воздух с давних пор.
Восстал народ и древний и суровый,
И жаждет он участья в битве новой.

Грозные звуки труб сверху; в неприятельском войске заметное колебание.

Фауст

Весь горизонт вокруг темнеет;
Лишь здесь и там зловеще тлеет
Огонь багровый в тьме густой;
Кровавы воинов уборы,

Вся атмосфера, лес и горы, –
Само вступает небо в бой!

Мефистофель

Наш правый фланг дерется славно,
Но всех заметней, быстр и рьян,
Ганс Догоняй, наш великан:
Он там свирепствует исправно.

Император

Одною он взмахнул рукой –
И вдруг я вижу зорким глазом
Двенадцать рук как будто разом.
Ненатурален вид такой.

Фауст

Ты слышал о туманах нежных
В морях Сицилии прибрежных?
В сиянье дня туман парит,
Восходит ввысь и, разрежаясь,
В парах особых отражаясь,
Нас чудным зрелищем дарит:

То города там возникают,
То здесь и там сады мелькают –
Что миг, то в небе новый вид.

Император

Но что за странность! Засверкали
Все пики блеском яркой стали;
На копьях наших всех полков
Порхают стаи огоньков.
Здесь много чар я вижу явных.

Фауст

Прости, о государь! То след
Когда-то живших духов славных,
То Диоскуров дивный свет!
К ним моряки всегда взывали;
Они теперь нам даровали
Всю мощь своих последних сил.

Император

Но кто ж и по какой причине
Все чудеса природы ныне

На помощь нам соединил?

Мефистофель

Кто ж, как не тот мудрец великий,
Что ввек судьбу твою хранил?
Твоих врагов угрозой дикой
Он возмущен глубоко был.
Дабы спасти тебя, решится
Он жизни собственной лишиться.

Император

Среди торжеств, увенчан всенародно,
Являлся я могучим, полным сил,
И власть мне было испытать угодно,
И я, не долго думая, решил
Седому старцу дать вздохнуть свободно.
Тем духовенству я испортил пир,
И невзлюбил меня за это клир.
С тех пор уж лет немало пролетело.
Ужель пожну плод радостного дела?

Фауст

Добро всегда дает богатый плод.
Взгляни наверх: что в небе за явленье?
Мне кажется, он знаменье нам шлет,
И скоро ты поймешь его значенье.

Император

Орел летит там, воспарив;
За ним свирепо мчится гриф.

Фауст

Смотри: тут добрый знак таится!
Что гриф? Лишь в сказках говорится
О грифе! Где же сила в нем,
Чтоб сладить с дарственным орлом?

Император

Вот мчатся, носятся по кругу,
Скорей, скорей, и вдруг – взгляни –
Навстречу бросились они
И грудь и шею рвут друг другу.

Фауст

Смотри же, как несчастный Гриф
Избит, бессильно лишь ярится
И, хвост свой львиный опустив,
Спешит в лесных вершинах скрыться.

Император

Пусть будет все по слову твоему.
Дивясь, я это знаменье приму.

Мефистофель

(повернувшись вправо)

Уступает враг ударам,
Наносимым с силой, с жаром;
Вот, смешавшись, отошло
Вправо левое крыло
И внесло волну смятенья
Слева в центр их ополченья.
А фаланги нашей строй
Вправо ринулся стрелой

И, разя, как гром, умело
В слабый пункт ударил смело.
Брызжа яростью слепой,
Бурных волн грядам подобно,
Обе роты бьются злобно;
Закипел теперь двойной
Равных сил кровавый бой.
Что за чудный вид сраженья!
Победим мы, без сомненья.

Император

(смотря влево, Фаусту)

Посмотри: неладно тут!
Наш в опасности редут!
Пращ и камень бьют без цели,
Нижних скал уж занят ряд
И вершины опустели.
Вот враги уже спешат,
Всею массой подоспели!
Может быть, проход уж взят!
Вот что значит план негодный!

Ваши штуки все бесплодны.

Пауза.

Мефистофель

А вот два ворона мои
Летят. Что скажут нам они?
Боюсь, что вести не отрадны.

Император

К чему нам их прилет досадный?
Летят, внушая сердцу страх,
Они на черных парусах
От скал, где бой кипит нещадный.

Мефистофель

(к воронам)

Присядьте здесь, к моим ушам.
Никак погибнуть тот не может,
Кто под защиту отдан вам:
Совет ваш каждому поможет.

Фауст

(императору)

Ты, верно, государь, и сам
О голубях слыхал, летящих
Из дальних стран и находящих
Свое гнездо в родной стране.
Здесь голубь был бы нам некстати:
Он вестник мира, благодати,
А ворон – вестник на войне.

Мефистофель

Да, вести плохи. Посмотрите:
Героям нашим при защите
Тех скал крутых грозит беда.
Уже врагом высоты взяты.
Ворвись в проход его солдаты,
Придется туго нам тогда.

Император

Итак, обман все чары эти!

Вы завлекли меня лишь в сети!
Я к ним давно питал уж страх.

Мефистофель

Мужайся: выход есть в руках.
Терпенье, хитрость – напоследок:
Конец всегда тяжел вдвойне.
Послы готовы для разведок,
Вели принять начальство мне.

Главнокомандующий

(который в это время вошел)

Ты с шарлатанами связался;
Все время их я опасался.
Непрочен фокусов успех.
Меня ход битвы удручает;
Кто начал, тот пусть и кончает,
Я ж отдаю свой жезл при всех.

Император

Твой жезл оставлю при тебе я:
Храни его до лучших дней;

Боюсь я, право, чародея
И воронов, его друзей.

(Мефистофелю.)

Нет, жезл не дам тебе во власть я:
Тебе доверья не дано.
Командуй, попытаем счастья;
Пусть будет то, что суждено!

(Уходит с главнокомандующим в шатер.)

Мефистофель

Тупую палку пусть себе оставит!
Она нам много пользы не прибавит:
Крест, кажется, надет был на нее.

Фауст

Но что ж нам делать?

Мефистофель

Сделаем свое!
Летите, братцы черные, к ундинам,
Живущим в горном озере большом,
Скажите, что с поклоном господином

Вы присланы, просите их притом
Нам дать на время призрак наводненья.
Как женщины, сумеют, без сомненья,
Они найти искусно скрытый путь,
Чтоб отделить от видимости суть,
И скажет всяк, не усомнясь нимало,
Что перед ним не ложь, а суть предстала.

Пауза.

Фауст

Должно быть, там девицам водяным
Польстили наши вороны изрядно:
Вода бежит уж по местам иным,
Где лишь сухие камни безотрадно
Торчали. Вот потоки понеслись…
Ну, враг, теперь с победою простись!..

Мефистофель

Вот так прием! Храбрейшим стенолазам

От этого конфузно стало разом.

Фауст

Ручей с ручьем сливаются, шумят,
С двойною силой вновь бегут назад
Из горных недр; то бьют дугою чистой,
То в ширь и в даль равнины каменистой,
Бушуя, плещут; то вдруг водопад
Уступами свергается в долину.
Что храбрость тут поможет! Ведь волнам
Нетрудно смыть всех храбрецов. Я сам
Страшусь, смотря на дикую стремнину.

Мефистофель

Я этой лжи не вижу водяной;
Глаза людей способны обмануться,
А для меня тут случай лишь смешной.
Они бегут толпой, спеша вернуться.
Глупцы боятся утонуть в воде,

Чтоб плыть, руками машут презабавно,
Хоть на земле стоят они исправно.
У них смятенье полное везде!

Вороны возвращаются.

Я властелину мудрому хвалебный
О вас дам отзыв, но, дабы и вам
Дать отличиться здесь как мудрецам,
Я шлю теперь вас к кузнице волшебной,
Где неустанно карлики куют,
Металл и камень в искры разбивая.
Пусть ваша там польется речь живая,
Чтоб убедить их выковать из руд
Огонь блестящий и трескучий,
Громадный, яркий и могучий,
Какой мечты лишь создают.
Сверканье молний в дальней туче
Иль быстрый след звезды падучей
Мог летней ночью видеть всяк;
Но молний меж кустов свеченье
Иль звезд в сырой земле шипенье –
Явленья редкие. Итак,

Не мучась много, просьбу изложите,
А если нужно будет – прикажите.

Вороны улетают.
Все совершается, как предписано.

Мефистофель

Врагов густой объемлет мрак!
Во тьме неверен каждый шаг!
Огней, блуждающих средь ночи,
Внезапный блеск слепит им очи.
Все хорошо, но страшный звук
Пусть довершит врага испуг.

Фауст

Пустые латы старых зал проснулись,
На воздухе окрепли, встрепенулись,
Вверху стучат, гремят со всех сторон.
Престранный и фальшивый звон!

Мефистофель

Да! Не уймутся эти забияки.
Опять шумят их рыцарские драки,

Как в милые былые времена;
Сверкают рук и ног стальные шины,
Восстали гвельфы, встали гибеллины,
Вновь началась их вечная война.
В наследственных возросши диких ссорах,
Они в своих непримиримы спорах.
Уж вся окрестность шумом их полна.
На всех пирах бесовских высшей пробы
Нет ничего страшней партийной злобы:
Нет ужасам конца в ее делах.
Так и теперь, панически пугая,
Крик сатанинский, дикий извергая,
Она несет в долину смерть и страх.

В оркестре шумная беспорядочная музыка, которая переходит под конец в веселые военные мотивы.

Шатер враждебного императора

Трон, богатая обстановка.

Забирай и Хватай-добычу.

Хватай-добычу

Сюда пришли мы всех скорей!

Забирай

Неслись мы воронов быстрей.

Хватай-добычу

О, сколько здесь богатств вокруг!
С чего начать, чем кончить, друг?

Забирай

Шатер весь полн – и здесь и там!
Что мне хватать, не знаю сам.

Хватай-добычу

Как кстати мягкий мне ковер:
Я сплю на жестком до сих пор.

Забирай

Стальная булава! Такой
Давно я жажду всей душой!

Хватай-добычу

Плащ красный с золотым шитьем:
Давно мечтала я о нем!

Забирай

(берет булаву)

Вот с этой штукой скор расчет:
Убил – и марш себе вперед.
Ты много вздору набрала,
А что получше – не взяла.
Да брось же дрянь-то наконец!
Возьми-ка лучше тот ларец:
В нем войсковая вся казна,
От крышки золото до дна!

Хватай-добычу

Уф, как тяжел он! Ни на шаг
Не сдвинуть, не стащить никак!

Забирай

Нагнись сейчас: я пособлю
И ящик на спину взвалю.

Хватай-добычу

Ой-ой! Приходит мой конец!
Он переломит мой крестец.

Ларец падает и раскрывается.

Забирай

Вон сколько золота, смотри!
Скорей бери его, бери!

Хватай-добычу

(присев на корточки)

В передник я его сейчас

Сберу. Довольно будет с нас!

Забирай

Довольно, нам идти пора.

Она встает.

Ай-ай! В переднике дыра!
Постой же, так нельзя идти:
Ты все посеешь на пути.

Драбанты

(нашего императора)

Святого места не щадят!
Как? Грабить государев клад?

Забирай

Мы рисковали в битве пасть,
Так и берем добычи часть!
Шатер ведь вражий: грабь как раз!
Солдаты мы – не хуже вас.

Драбанты

У нас не так заведено:
Солдат и вор – не все равно;
Кто служит цесарю, будь рад
Трудиться честно, как солдат!

Забирай

Мы знаем вашу честь и труд:
Их контрибуцией зовут!
Ведь все вы на один покрой:
«Давай» – привет ваш цеховой!

(К Хватай-добычу.)

Пойдем! Тащи весь узел свой:
Не ко двору мы здесь с тобой.

Уходят.

Первый драбант

Скажи: зачем ты наглецу
Спустил – не треснул по лицу?

Второй драбант

Не знаю: я лишился сил;
Он так похож на призрак был.

Третий драбант

В глазах мутилось у меня,
И разглядеть не мог их я.

Четвертый драбант

В чем дело, не пойму я сам:
Весь день так жарко было нам,
Нас чад какой-то обуял;
Тот падал мертвым, тот стоял,
Тот убивал врага – и как!
От всех щелчков валился враг;
Туман какой-то был в глазах;
Стояли шум и звон в ушах.
И так все шло, и вот мы здесь,
А почему и как – бог весть!

Входят император и четыре князя.
Драбанты удаляются.

Император

Но, что ни говори, победа все ж за нами!

Разбитый враг бежит нестройными толпами,

Изменника трон пуст, и вот его казна,

Коврами пышными палатка вся полна.

Теперь мы царственно средь ратников-собратов

Спокойно можем ждать покорных депутатов,

И вести добрые придут отвсюду к нам.

Пусть царство отдохнет: ему покой я дам.

Хоть фокусники к нам в сраженье и вмешались,

Но все ж в конце концов мы лишь одни сражались.

Различные нам бой случайности несет:

То с неба град камней, то дождь кровавый льет

На голову врагов, то слух наш грому

внемлет

В пещерах: враг дрожит, нас мужество подъемлет.

Кто побежден, над тем насмешкам нет конца;

Кто ж победил, тот шлет свой гимн к стопам творца,

И вторить все ему готовы без приказу:

Те Деит воспоют мильоны глоток сразу.

Теперь, когда я так своей победе рад,

Я в глубь своей души смиренный брошу взгляд;

Пусть в молодости мной владело увлеченье –

Теперь я научен знать времени значенье,

И с вами четырьмя немедля с этих пор

Всю власть я разделю: правленье, дом и двор.

(Первому.)

Ты, князь, устроил нам все войск распределенье,

И в миг решительный ты дал им направленье;

Старайся ж армию и в мире нам сберечь

И будь фельдмаршалом: тебе вручаю меч.

Фельдмаршал

Рать верная твоя внутри хранила царство.

Когда ж мы укрепим границы государства,

Тогда, наполнив зал, отпразднуем мы мир

И в замке прадедов устроим пышный пир;

Туда я понесу меч этот знаменитый,

Служа величеству почетной вечной свитой.

Император

(второму)

Как, кроме храбрости, приятностью

манер

Известен ты, то будь наш первый камергер.

Нелегкий это труд – главою быть придворных,

Чьи ссоры вечные мне портят слуг покорных.

Уменьем ты своим всем покажи пример:

Будь друг властителя и всех придворных сфер.

Первый камергер

Готов последовать совету я благому:

Всем добрым помогать, но не вредить и злому,

Прямым быть, не хитря, и жить, не зная лжи;

Мне только, государь, доверье окажи.

Дозволь, о пире том я пару слов прибавлю:

Когда пойдешь к столу, я таз златой поставлю

И кольца подержу, чтоб, руки освежив,

Ты светел был, как я твоею лаской жив.

Император

Положим, думаю теперь я лишь о деле.

Но пусть! И радости ведут к высокой цели.

(Третьему.)

Будь стольником моим, и пусть мой птичий двор,

Охоту и всю дичь блюдет твой строгий взор!

Смотри, чтоб кушанья любимые при этом

Имел я осенью, зимой, весной и летом!

Стольник

Готов себя морить строжайшим я постом,

Пока не будешь сам доволен ты столом;

И мне и поварам твой стол – предмет

ухода,

Хотим приблизить даль, ускорить время года;

Но иностранных блюд и прихотей пустых

Ты враг! Ты любишь вкус здоровых блюд, простых.

Император

(четвертому)

Так снова к пиру речь склонилась неизбежно!

Тебя, мой юный друг, всегда любил я нежно:

Будь виночерпием. Наш погреб снаряжай

И лучших вин его запасами снабжай;

Но сам умерен будь; служа забавам разным,

Не дай увлечь себя при случае соблазнам.

Виночерпий

Верь, государь: твоим доверием почтен,

Вмиг станет юноша, как зрелый муж, умен.

Готовясь к празднеству, буфет и залу нашу

С великой роскошью я пышно разукрашу,

Из злата и сребра сосудов всю красу

Расставлю, а тебе бокал я поднесу

Венецианский: в нем вино пленяет

Вдвойне и никогда притом не опьяняет;

Иной увлекся бы тем свойством, но храним

Умеренностью ты еще верней, чем им.

Император

Теперь, в сей важный час, всё слышали вы сами,

Что собственными вам поведал я уста-

ми.

Хоть императора слова всего важней,

Но, чтобы утвердить значенье их прочней,

Указ мы издадим. Вот кстати подоспела

Рука, которая оформит это дело.

Входит архиепископ-канцлер.

Когда доверчиво примкнет к постройке свод,

То знаем мы, что дом века переживет…

Четыре князя здесь. Мы разобрали дружно,

Что для порядка нам двора и дома нужно;

Теперь, чтоб царством всем на славу управлять,

Тебя прибавлю к ним – тогда вас будет пять.

Всех прочих выше быть должны вы без сравненья,

И ваши потому расширю я владенья

За счет других князей, покинувших меня.

Их земли верным дать решился твердо я

И позволяю вам их расширять наследством,

Покупкой, меною, законным всяким средством,

И пользоваться всем, что по закону вам

К землевладельческим относится правам.

Пусть каждый из князей в своих владеньях судит,

И апелляции на этот суд не будет.

Оброк и подати пусть платит вам народ;

Монета, соль, руда пусть вам дают доход.

Так благодарность вам свою я выражаю:

Почти до царской вас я власти возвышаю!

Архиепископ

Благодарим тебя, наш повелитель! Нам
Ты силу дал и тем себя усилишь сам.

Император

Еще и высшим вас я правом наделяю:
Для царства я живу и жить еще желаю,
Но от житейских дел задумчивый мой взгляд
К пределу грозному склоняет предков ряд.
Расстаться с милыми и мне ведь рок присудит!
Тогда ваш долг – избрать преемника: пусть будет
Святой короной вновь увенчан государь,
И мирно кончится, что бурно было встарь.

Архиепископ

С достоинством в душе, с осанкою смиренной

Склонились пред тобой властители вселенной.

Пока кровь верная по жилам льется в нас,

Мы – тело, воля – ты, и свят нам твой приказ.

Император

И навсегда все то, что даровал вам разом,

Желаю утвердить я письменным указом.

Свободны вы во всем, свою имея часть,

С одним условием – чтоб не делить ту власть.

Введите майорат, чтоб не было сомненья:

Пусть старший сын всегда наследует именья.

Архиепископ

Я на пергаменте твой изложу указ:
Пусть счастьем будет он для царства и для нас!
Пусть в канцелярии тот документ составят
И к подписанию потом тебе представят.
Я отпускаю вас, чтоб вы наедине
Значенье дня сего обдумали вполне.

Светские князья уходят.

Архиепископ

(остается и говорит с пафосом)

Не канцлер и не князь, – архиепископ ныне
Стоит перед тобой в отеческой кручине:
Опасность видит он и о тебе скорбит.

Император

Что за опасность мне в веселый час грозит?

Архиепископ

С печалью вижу я и с тяжкою тоскою
Священный твой престол в союзе с сатаною!
На троне, кажется, теперь ты укреплен;
Но тем – увы! – и бог и папа посрамлен!
Подумай: папа ведь узнать об этом может –
И грешное твое он царство уничтожит.
Он не забыл, что ты в тот день, когда вступил
На трон своих отцов, волшебника простил,
И вот твой первый луч с короны освященной
Коснулся головы, от церкви отлучен-

ной!

Сознай грехи свои, смирись, покайся в них

И церкви удели владений часть своих!

То место, где шатер стоял и где витали

Над вами духи зла, советы вам шептали

И где от князя лжи явился чародей,

Отдать всевышнему теперь не пожалей!

Отдай ты гору нам и лес вокруг пространный,

И этот тихий дол с соседнею поляной,

Озера, рыбою богатые, твои

И с гор бегущие прозрачные ручьи –

Все это церкви дай ты в полное владенье:

Тогда, покаявшись, получишь ты прощенье.

Император

Я о грехе скорблю от сердца полноты;

Границы той земли мне сам укажешь ты.

Архиепископ

Во-первых, те места, что ядом прегрешенья

Ты осквернил, назначь немедля для служенья

Всевышнему! В уме уже воздвигся храм.

Вот в утренних лучах уж хоры блещут там;

Вот ширится, растет, как крест огромный, зданье,

И высится тот храм всем верным в назиданье;

Вот, верою горя, спешат они в портал,

И первый колокол в горах уж зазвучал

Из башен, к небесам главой, крестом венчанной,

Стремящихся, и вот для жизни новозданной

Вновь грешник восстает, моленьем искуплен.

Когда же наконец настанет срок желанный,

Чтоб храм тот освятить, – скорей настал бы он!

Твоим присутствием да будет храм почтен!

Император

Исполни это все, чтоб господа прославить

И от греха меня тяжелого избавить.

Скорей исполни все! Легко душе моей!

Архиепископ

Как канцлер, требую я подписи твоей.

Император

Формальный документ, что отдал по желанью

Все это церкви я, представь мне к подписанью.

Архиепископ

(откланивается, но перед выходом снова возвращается)

И повели, чтоб храм сбирать навеки мог
С окрестностей своих законный свой оброк!
Чтоб велелепие во храме процветало,
Потребно денег нам для этого немало!
Чтоб на горе нам храм воздвигнуть поскорей,
Благоволи отдать добычи часть своей.
Понадобится нам на дело то святое
И камень, и кирпич, и многое другое;
Мы с кафедры народ сумеем убедить
Бесплатно это все для нас перевозить.
Тех бог благословит, кто будет нам служить!

(Уходит.)

Император

(один)

Да, много повредил своим грехом себе я!

Зачем призвал себе на помощь чародея?

Архиепископ

(возвращаясь, с глубоким поклоном)

Прости, о государь! Волшебнику тому

Ты берег моря дал; проклятие ему

Грозит, коль скоро нам и неба властелину

Не будет он платить с доходов десятину.

Император

(с досадою)

Там нет еще земли. Что море может дать?

Архиепископ

Кто прав и терпелив, тот может подождать:
Лишь слова твоего прошу я без коварства.

(Уходит.)

Император

Пожалуй, этак им я раздарю все царство.

Действие пятое
Открытая местность

Странник

Вот она, в красе тенистой,
Старых, крепких лип семья!
Кончив долгий путь тернистый,
Снова здесь их вижу я!
Вот то место, кров счастливый
Той избушки предо мной,
Где я жил, когда бурливой
Был я выброшен волной.
Дорогих моих хозяев
Обниму ль? Я шел сюда,
Видеть их уже не чаяв:
Стары были уж тогда.
Да, чета была святая!
Постучать? Заговорить?
Всё ль, любовь ко всем питая,
Рады вы добро творить?

Бавкида

(очень старая бабушка)

Тише, тише, странник милый!
Тише: муж мой дремлет тут!
Подкрепляет старец хилый
Долгим сном короткий труд.

Странник

Ты ль, родная, видишь снова
Благодарного меня?
С мужем путника младого
Ты ль спасла, мне жизнь храня?
Ты ль Бавкида, чьим уменьем
Полумертвый воскрешен?

Муж старушки входит.

Ты ль, добро мое со рвеньем
Смело спасший Филемон?
Вот он, ваш очаг отрадный,
Нежный колокола звон;
Да, от гибели нещадной

Я лишь вами был спасен!
Дайте ж к морю удалиться,
На простор его взглянуть,
Преклониться, помолиться:
Чувства мне стеснили грудь.

(Идет вперед по дюне.)

Филемон

(Бавкиде)

В сад, жена, иди скорее:
Там ты стол накроешь нам.
Пусть дивится он, не смея
Верить собственным глазам.

(Подойдя к страннику.)

Там, где был ты опрокинут
Необузданной волной,
Сад и вширь и вдаль раздвинут,
Рай раскинулся земной.
Стар я стал, не мог уж, хилый,
Помогать, вершить дела,
Но пока терял я силы,

Зыбь морская вдаль ушла.
Умных бар рабы лихие
Рыли рвы, воздвигли мол,
Воцарились над стихией,
Сузив моря произвол.
Горизонт лесами сужен,
Села там, луга пестрят…
Но пойдем, вкуси наш ужин:
Близок солнечный закат.
Парусов вдали так много:
К ночи нужен им приют.
Птицам ведома дорога
К гнездам! Порт их примет тут.
Да, лишь там, каймою синей,
Моря зыбь теперь видна;
Здесь же, вкруг, по всей равнине –
Многолюдная страна.

Сад

Стол для троих.

Бавкида

(страннику)

Что ж молчишь? Что не съедаешь
Ни кусочка за столом?

Филемон

Ты охотно так болтаешь:
Расскажи о чуде том.

Бавкида

Точно, чудо приключилось:
И теперь я вся дрожу;
Право, это все случилось
Не добром, как погляжу.

Филемон

Император наш свободно
Отдал берег: где ж тут грех?
Ведь трубою всенародно
Известил герольд нас всех.

И под дюной, на равнине
Дело вмиг пошло на лад:
Лагерь, хижины, а ныне
Там дворец и пышный сад.

Бавкида

Тщетно слуги днем трудились,
Грохотал топор и лом;
По ночам огни кружились, –
Смотришь, вал явился днем.
Ночью в жертву человеки
Приносились, стон стоял,
Мчались огненные реки, –
Утром был готов канал.
Он безбожник: взять он ладит
Нашу рощицу, наш дом;
Там, где он соседом сядет,
Преклоняйся все кругом!

Филемон

Он нас только звал, не споря,
Перебраться в новый край.

Бавкида

Ну, не слишком верь дну моря:
Знай на горке поживай.

Филемон

Мы в часовне, в тихой сени
Встретим солнечный заход,
Зазвоним, склонив колени;
Старый бог наш – нам оплот!

Дворец

Роскошный сад, прорезанный большим, ровно выведенным каналом. Фауст, глубокий старик, задумчиво прогуливается по саду.

Линцей

(стоя на башне, говорит в рупор)

Садится солнце; подплывая,
Бегут последние суда;
Вот барка в порт вошла большая

И к нам в канал идет сюда.
На ней игриво вьются флаги
И мачты крепкие стоят,
И, полный счастья и отваги,
Тебя восславить боцман рад.

На дюне звонят в колокол.

Фауст

(вздрагивая)

Проклятый звон! Как выстрел, вечно
Он в сердце бьет! Передо мной
Мое владенье бесконечно,
А там – досада за спиной!
Твердит мне звон дразнящий, мерный,
Что господин я не вполне,
Что кучка лип, домишко скверный,
Часовня – не подвластны мне!
Пойду ль туда – мне страшны, гадки
Чужие тени на пути, –
Бельмо в глазу, заноза в пятке!
О, если б прочь отсель уйти!

Линцей

(как выше)

С вечерним ветром мчится барка
На парусах, нагружена
Пестро, блистательно и ярко,
Мешков и ящиков полна!

Подходит великолепная барка, богато нагруженная произведениями чужих краев.

Мефистофель и Трое Сильных.

Хор

Вот мы вернулись,
Путь свершен;
Привет, владыка,
Наш патрон!

Они выходят и выгружают богатства на берег.

Мефистофель

Мы отличились как могли, –
Ты только труд наш похвали!

Тут было мало кораблей;
Теперь же в гавани твоей
Их двадцать. Много было нам
Хлопот: их плод ты видишь сам.
В свободном море дух всегда
Свободен; медлить, разбирать –
Не станешь: надо смело брать!
То ловишь рыбу, то суда;
Уж скоро три я их имел,
Потом четыре; там, забрав
Еще корабль, пятью владел;
Имеешь силу, так и прав!
Лишь был бы наш карман набит.
Кто спросит, как наш груз добыт?
Разбой, торговля и война –
Не все ль равно? Их цель одна!

Трое Сильных

Привета нет
И нет наград;
Как будто дрянь
У нас – не клад!

С досадой он
На нас глядит,
И царский дар
Ему претит.

Мефистофель

Наград не ждите,
Все равно:
Всяк часть свою
Уж взял давно.

Трое Сильных

Ну, это все
Нам прах и дым:
По равной части
Все хотим!

Мефистофель

Сперва расставьте
В залах там
Весь груз сокровищ
По рядам.

Авось тогда
Со всех сторон
Подробней все
Осмотрит он.
Он не скупец,
Дарить горазд
И пир за пиром
Флоту даст.
Я пестрых птиц назавтра жду
И вам воздать сумею мзду.

Выгруженное уносят.
(Фаусту.)

С суровым взором и с тоской
Ты принял жребий чудный свой!
Свой мудрый труд ты сотворил
И берег с морем примирил;
Твоих судов отсюда рать
Готово море принимать;
Здесь твой дворец стоит, отсель
Ты обнимаешь круг земель;
Отсюда шел весь подвиг наш,
Здесь первый выстроен шалаш,

И первый ров был вырыт тут,
Где ныне весла воду бьют.
Твой гордый ум, труд верных слуг
И сушу здесь и море вкруг
Стяжали; здесь…

Фауст

О, это «здесь»
Проклятое! В нем зло и есть!
Скажу тебе – на все ведь руки
Ты ловок, – страшно я бешусь!
Невыносимы эти муки,
А говорить о них стыжусь.
Мне стариков бы первым делом
Убрать: мне нужно место их;
Мне портит власть над миром целым
Одна та кучка лип чужих!
Из их ветвей для кругозора
Себе я вышку бы воздвиг,
Чтоб весь свой труд легко и скоро
Мог обозреть я, чтобы вмиг
Мог все обнять, что так прекрасно

Дух человека сотворил,
И править всем умно и властно,
Чем я народы одарил.
О, как мучительно, как гадко
В богатстве чувство недостатка!
Мне запах лип давно не мил!
Звон этот колокола ровный
Напоминает мрак церковный,
Пугает ужасом могил!
Иль здесь, у дюны, все решенья
Всесильной воли ждет крушенье?
Когда ж я с этим развяжусь?
Раздастся звон – и я бешусь.

Мефистофель

Еще бы: эта мерзость, право,
Способна жизни быть отравой!
Противен звон – скажу и сам –
Благовоспитанным ушам:
Висит проклятый звук «бим-бом»,
Как туча в небе голубом,
Во все мешаясь без причины,

И от купели до кончины
Как будто важен только звон,
А жизнь сама – ненужный сон.

Фауст

Упорством глупым и строптивым
Испорчен плод моих побед;
Измучен я, терпенья нет;
Я устаю быть справедливым!

Мефистофель

Чего ж стесняться? Ты давно
Решил создать там поселенья.

Фауст

Идите ж, чтоб без промедленья
Убрать отсюда их в именье,
Что мною им отведено.

Мефистофель

И не успеют оглянуться –
На новоселье уж очнутся;

Насилья след пройдет, и впрок
Пойдет им чудный уголок.

Дает резкий свисток. Трое Сильных возвращаются.

Исполним, что велит он нам, –
И завтра праздник морякам.

Трое Сильных

Нас старый барин принял грубо,
Но нам повеселиться любо.

(Уходят.)

Мефистофель

(к зрителям)

Рассказ не нов: отдай скорей
Свой виноградник, Навуфей!

Глубокая ночь

Линцей

(башенный сторож, стоя на страже, поет)

Страж зоркий, всегдашний,
На вышке стою,
Сроднившися с башней,
Весь мир я люблю.
Вся даль предо мною
Открыта всегда –
И звезды с луною,
И лес, и стада.
Весь мир с неизменной
Я вижу красой,
Доволен вселенной,
Доволен собой.
Что видел с отрадой
Я в жизни своей,
Все было усладой
Счастливых очей.

Пауза.

Нет, не только наслажденье
Вижу здесь я в вышине:

Что за страшное виденье
Там грозит из мрака мне?
Между лип там засверкали
Искры в сумраке двойном;
Вот пожар ползет все дале,
Раздуваем ветерком;
То горит избушка, тлея
В темной сырости своей;
Помощь ей нужна скорее,
Но уж нет спасенья ей!
Ах, как добрым людям старым
Страшен был огонь всегда!
А теперь объят пожаром
Дом их. Страшная беда!
Вот уж красными огнями
Стены мшистые горят...
Старички бы только сами
Не погибли! Что за ад!
Языки огней, взбегая,
Листья жгут, шипя, дымя,
Ветки гнутся, засыхая,
Сучья падают, шумя...

Вот что вижу я, вздыхая:
О, зачем так зорок я!
Вот часовня обвалилась
С тяжким бременем ветвей,
И в вершинах заструилось
Пламя тысячами змей,
И торчат, светясь уныло
Красным пурпуром, стволы.

Долгая пауза. Снова пение.

Что веками взор манило,
Скрыла все завеса мглы…

Фауст

(на балконе против дюн)

Что там за плач вверху певучий?
Жалеть уж поздно!.. В вышине
Он стонет – и досадой жгучей
Вновь сердце мучится во мне.
Я поспешил… Но пусть золою
И пеплом станут липы те, –
Я скоро башню там построю,

Чтоб вдаль смотреть на высоте;
А стариков найду тогда я
На новоселье – и простят
Они обиду мне, встречая
В довольстве дней своих закат.

Мефистофель и Трое Сильных (внизу).

Мефистофель

Бегом вернулись мы сюда.
Прости, произошла беда!
Стучались мы, ломились там,
Но все не отворяли нам;
Мы навалились, налегли
И прочь гнилую дверь снесли;
Просили мы, внушали страх –
Никто не слушал просьбы той,
И, как всегда в таких делах,
Все речи были – звук пустой.
Тогда, чтоб праздный спор не длить,
Мы их решились удалить.
Не много было тут возни:
От страха умерли они,

А гость, который был там скрыт
И вздумал драться, был убит.
Борьба окончилась сейчас,
Но невзначай один из нас
Рассыпал уголья – и вдруг
Солома вспыхнула вокруг,
И запылало все костром
Невольным жертвам нашим трем.

Фауст

К моим словам вы глухи были?
Не мена это, а разбой!
Проклятье вашей дикой силе!
Его делите меж собой.

Хор

Он песню старую поет:
Сноси охотно силы гнет!
Кто смел, кто тверд – будь сам в борьбе
Защитой дому и себе.

(Уходят.)

Фауст

(на балконе)

За тучей звездный рой сокрыт;
Огонь уж гаснет, чуть горит;
Пахнуло воздухом ночным:
Ко мне несется легкий дым.
Да, слишком скор был мой приказ,
И слишком скоро все сейчас
Свершилось… Я тому виной!..
Что там за тени предо мной?

Полночь

Появляются четыре седые женщины.

Первая

Зовусь я Пороком.

Вторая

Зовусь я Грехом.

Третья

Зовусь я Заботой.

Четвертая

Зовусь я Нуждой.

Порок, Грех и Нужда

Здесь заперты двери, нельзя нам войти:
К богатому, сестры, нам нету пути.

Порок

Там тенью я стану.

Грех

Исчезну там я.

Нужда

Богач избалован – отвергнет меня.

Забота

Из вас, мои сестры, никто не пройдет,
Забота ж – в замочную щель проскользнет.

(Исчезает.)

Порок

Вы, сестры седые, идите за мной.

Грех

Везде я с тобою пойду стороной.

Нужда

Везде за тобою Нужда по пятам.

Порок, Грех и Нужда

Проносятся тучи по тверди широкой –
Смотрите, смотрите! Далеко, далеко
Не брат ли – не Смерть ли виднеется там?

Уходят.

Фауст

(во дворце)

Пришли четыре, только три ушли!
О чем беседу здесь они вели?
«Нужда!» – вдали печально раздалось,
И слово «смерть» как эхо донеслось.
Глуха их речь, волшебна их семья…
Не вырвался еще на волю я!
О если бы мне магию прогнать,
Забыть все заклинанья, чар не знать,
Лицом к лицу с природой стать! Тогда
Быть человеком стоило б труда!
И я им был, пока, во тьме бродя,
Себя и мир не проклял дерзко я!
Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.
Пусть светел и разумен ясный день,
Но в сети снов нас ловит ночи тень;
Пусть весело с прогулки я иду, –
Вдруг ворон каркнет. Что же? На беду.

Так суеверье царствует везде:

То – к горю, это – к счастью, то – к беде.

И вот стоишь один, страшась всего…

Дверь скрипнула… Но нет здесь никого…

(Взволнованно.)

Здесь кто-то есть?

Забота

Ответ естествен – есть.

Фауст

Но кто же ты?

Забота

Я пред тобою здесь.

Фауст

Прочь! Удались!

Забота

Я кстати здесь, – зачем?

Фауст

(сперва гневно, потом, успокоившись, про себя)

Не заклинай! Сдержись! Останься нем!

Забота

Пусть меня не слышит ухо –
Громок зов мой в недрах духа;
В разных образах встает
Мой суровый, властный гнет;
На морях, на суше – всюду
Страшным спутником я буду.
Хоть не ищут никогда,
Но найдут меня всегда,
И клянут меня – и вместе
Ублажают словом лести…
Ты никогда не знал заботы?

Фауст

Я
Чрез мир промчался быстро, несдержимо,
Все наслажденья на лету ловя.
Чем недоволен был, пускал я мимо,
Что ускользало, то я не держал.
Желал достичь, и вечно достигал,
И вновь желал. И так я пробежал
Всю жизнь – сперва неукротимо, шумно,
Теперь живу обдуманно, разумно.
Достаточно познал я этот свет,
А в мир другой для нас дороги нет.
Слепец, кто гордо носится с мечтами,
Кто ищет равных нам за облаками!
Стань твердо здесь – и вкруг следи за всем:
Для мудрого и этот мир не нем.
Что пользы в вечность воспарять мечтою!

Что знаем мы, то можно взять рукою.
И так мудрец весь век свой проведет.
Грозитесь, духи! Он себе пойдет,
Пойдет вперед, средь счастья и мученья,
Не проводя в довольстве ни мгновенья!

Забота

Раз кого я посетила,
В мире все тому не мило;
Тьмой душа его объята:
Ни восхода, ни заката!
Пусть его все чувства мощны –
В сердце мрак царит полнощный;
Пусть богатство он имеет –
Им на деле не владеет;
В счастье, в горе он страдает,
В изобилье – голодает;
Ждет ли радость, скорбь ли точит –
Все охотно он отсрочит;
Все в грядущем полагая,
Он лишь ждет, не достигая.

Фауст

Довольно! Не поймаешь ты меня!
Напрасно вздор свой ты твердишь мне злобно.
Прочь! Причитаний этих болтовня
Умнейшего с ума свести способна.

Забота

В путь идти ль? Стремиться ль смело?
Нет решимости для дела!
Он пошел, но по дороге
Замедляет шаг в тревоге;
Тщетно бьется он, как в сети,
Видит все в превратном свете,
Сам себя отягощая
И другим лишь жить мешая.
Так, ни жив ни мертв, тревожно,
Задыхаясь безнадежно,
Он терзается без меры,
Без отчаянья и веры.

Беспрестанным раздраженьем,
Этой вялостью унылой,
Этим тягостным кружденьем
И ничтожностью постылой,
Полусном, душе усталой
Отводящим отдых малый, –
Вечно к месту он прикован
И для ада уготован.

Фауст

Злосчастные виденья! Для людей
Изобрели вы тысячи терзаний,
И даже ряд простых, обычных дней
Вы превратили в лабиринт страданий.
От демонов труднее нам всего
Отделаться! Крепка их цепь, конечно,
Но, грозно-низкая Забота, твоего
Могущества я не признаю вечно!

Забота

Так испытай его теперь, в тот миг,
Когда тебя с проклятьем я покину!

Всю жизнь вы, люди, слепы: ну, старик.
И ты слепым встречай кончину!

(Дует на него.)

Фауст

(ослепленный)

Вокруг меня весь мир покрылся тьмою,
Но там, внутри, тем ярче свет горит;
Спешу свершить задуманное мною:
Одно владыки слово все творит!
Вставайте, слуги! Все трудолюбиво
Мой смелый план исполнить пусть спешат!
Орудий больше, заступов, лопат!
Что я наметил, пусть свершится живо!
Порядок строгий, неустанный труд
Себе награду славную найдут;
Великое свершится – лишь бы смело
Рук тысячью одна душа владела!

Большой двор перед дворцом

Факелы.

Мефистофель

(в качестве смотрителя, впереди)

Сюда, сюда! Смелей, дружней,
Дрожащие лемуры,
Из жил, и связок, и костей
Сплетенные фигуры!

Лемуры

(хором)

Везде, всегда мы за тобой!
Велишь ты, без сомненья,
Расширить новою страной
Господские владенья?
С собой мы колья принесли
И цепь для меры с нами.
Что делать нам? Зачем мы шли,

О том забыли сами.

Мефистофель

Несложен будет труд на этот раз!
Себя самих за меру вы примите:
Пусть ляжет тот, кто всех длинней из вас,
А остальные – дерн вокруг снимите
И, как отцам все делают своим,
В земле квадратик выройте под ним.
В дом тесный из дворца! Такою
Всегда кончают люди чепухою.

Лемуры

(роя, поют с ужимками)

Когда я юн и пылок был,
Мне все казалось мило;
Где пир был, дым столбом ходил,
Туда меня манило.
Но старость злобная меня
Клюкой своей хватила –
И вдруг о гроб споткнулся я.

Откуда ты, могила?

Фауст

(выходя из дворца ощупью, у дверных косяков)

Как звон лопат ласкает ухо мне!
Здесь вся толпа мой замысл исполняет:
Она кладет предел морской волне,
С самой собою землю примиряет,
Грань строгую для моря создает.

Мефистофель

(в сторону)

Лишь нам на пользу все пойдет!
Напрасны здесь и мол и дюна:
Ты сам готовишь для Нептуна,
Морского черта, славный пир!
Как ни трудись, плоды плохие!
Ведь с нами заодно стихии.
Уничтоженья ждет весь мир.

Фауст

Смотритель!

Мефистофель

Здесь!

Фауст

Громаду за громадой
Рабочих здесь нагромождай;
Приманкой действуй, платой и наградой
И поощряй и принуждай!
И каждый день являйся с донесеньем,
Насколько ров подвинут исполненьем.

Мефистофель

(вполголоса)

А мне доносят, что не ров,
А гроб скорей тебе готов.

Фауст

До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая.
Прочь отвести гнилой воды застой –
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,
И пусть мильоны здесь людей живут
Всю жизнь в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
Среди холмов, на плодоносном поле
Стадам и людям будет здесь приволье;
Рай зацветет среди моих полян,
А там, вдали, пусть яростно клокочет
Морская хлябь, пускай плотину точит:
Исправят мигом каждый в ней изъян.
Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерыв-

ной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда сказал бы я: мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смело б веков теченье
Следа, оставленного мной!
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой.

Фауст падает. Лемуры подхватывают его и кладут на землю.

Мефистофель

Нигде, ни в чем он счастьем не владел,
Влюблялся лишь в свое воображенье;
Последнее он удержать хотел,
Бедняк, пустое, жалкое мгновенье!
Но время – царь; пришел последний миг,
Боровшийся так долго, пал старик.
Часы стоят!

Хор

Стоят! Остановились,
Упала стрелка их. Как мрак ночной,
Они молчат.

Мефистофель

Все кончено. Свершилось!

Хор

Прошло!

Мефистофель

Прошло? Вот глупый звук пустой!
Зачем прошло? Что, собственно, случилось?
Прошло и не было – равны между собой!
Что предстоит всему творенью?
Все, все идет к уничтоженью!
Прошло… что это значит? Все равно
Как если б вовсе не было оно –

Вертелось лишь в глазах, как будто было!

Нет, вечное Ничто одно мне мило!

Положение во гроб

Один из лемуров

Кто строил тесный дом такой
Могильною лопатой?

Лемуры

(хором)

Доволен будь, жилец немой,
Квартирой небогатой!

Один из лемуров

И пуст и мрачен зал стоит.
Где мебель вся пропала?

Лемуры

(хором)

Он брал при жизни все в кредит:
Кредиторов немало!

Мефистофель

Простерто тело, дух бежать готов;
Я покажу кровавую расписку…
Но много средств есть ныне и ходов
У черта, душу чтоб отнять без риску!
Путь старый труден, много там тревог,
На новом – знать нас не хотят… Досада!
Что прежде я один исполнить мог,
На то теперь помощников мне надо.
Да, плохо нам! Во всем мы стеснены:
Обычай древний, право старины –
Все рушилось, утрачена опора!
С последним вздохом прежде вылетал
На волю дух; я – цап-царап, хватал
Его, как мышь, и не было тут спора.

Теперь он ждет, не покидает он
Противное жилище, труп постылый,
Пока стихий враждующие силы
Его с позором не погонят вон.
И день и ночь гнетет меня тревога.
Где, как, когда? Вопросов гадких много.
И точно ли? Сомненье есть и в том!
Смерть старая уж не разит, как гром.
Глядишь на труп, но вид обманчив: снова
Недвижное задвигаться готово.

{Делает фантастические заклинательные жесты команды.)

Удвойте шаг! Спешите, господа!
Рогов прямых, рогов кривых немало
У нас! Вы, черти старого закала,
Пасть адову несите мне сюда!
У ада пастей, правда, много-много,
И жрут они по рангам, по чинам;
Но в будущем все это слишком строго
Распределять не нужно будет нам.

Слева раскрывается страшная адская пасть.

Клыки торчат; со свода истекает,
Ярясь бурливо, пламени поток;
А сзади город огненный сверкает
В пожаре вечном, страшен и высок.
Огонь со дна бьет до зубов; у края,
Подплыв, стремятся грешники уйти,
Но вновь их зев глотает, посылая
На страх и муки жаркого пути.
В углах там много страшного таится.
Каких страстей и ужасов там нет!
Пугайте грешных: все-таки им мнится,
Что эти страхи – только ложь и бред.

(К толстым бесам с короткими прямыми рогами.)

Вы, плуты, краснощекие пузаны,
Взращенные на сере и огне,
С недвижной шеей толстые чурбаны,
Смотрите вниз: как фосфор, в глубине
Не светится ль душа? Добудьте мне
Ее одну, крылатую Психею!
Все остальное – только червь дрянной!

Своей печатью я ее запечатлею
И в вихре огненном помчу ее с собой!
Вам, толстяки, теперь одна забота:
От низших сфер не отводите глаз;
Как знать, быть может, ей придет охота
Себе приюта там искать как раз!
В пупке ей любо жить: так наблюдайте
И чрез него ей выскользнуть не дайте.

(К худощавым бесам с длинными кривыми рогами.)

А вы, гиганты, рослые шуты,
Тамбурмажоры, в воздух, вверх смотрите!
Расправьте руки, когти навострите,
Не дайте ей вспорхнуть до высоты.
Ей в старом доме жутко; нет сомнений,
Что к небесам взлететь желает гений.

Сверху сияние, с правой стороны.

Небесное воинство

Вестники рая,
Неба сыны,
Тихо слетая
С горней страны,
Прах оживляя,
Грех искупляя,
Радость дарим
Всем мы твореньям
Светлым пареньем,
Следом своим.

Мефистофель

Противных звуков сверху бормотанье
И ненавистный свет нисходит к нам;
Мальчишек и девчонок причитанье
По вкусу лишь святошам и ханжам!
Вы знаете, как гибель замышляли
Людскому роду мы в проклятый час:
Все злейшее, что мы осуществляли,
Ханжи, нашло сочувствие у вас!

Предательски подкрались, простофили!
Так обирали нас они не раз.
Оружьем нашим нас же проводили
Такие ж черти под покровом ряс!
Здесь проиграть – навеки стыд: у гроба
Держитесь крепко и смотрите в оба.

Хор ангелов

(рассыпая розы)

Розы блестящие,
Амбру струящие,
В небе парящие,
Животворящие,
Ветки крылатые,
Почки разжатые –
Все расцветай!
Вкруг изумрудной
Зеленью чудной,
Пурпуром красным,
Вешним днем ясным
В блеске достойном

Встань над покойным,
Радостный рай!

Мефистофель

(к бесам)

Что жметесь? Разве так в аду у нас
Ведут себя? Пусть сыплют розы кучей:
На место все, и слушать мой приказ!
Цветочками, как будто снежной тучей,
Хотят они засыпать ад кипучий.
Дохните лишь: засохнет все сейчас.
Ну, дуйте ж, поддувала! Будет, будет!
Один ваш чад поблекнуть все принудит.
Не так свирепо! Полно, будет с вас!
Довольно! Эк, как пасти растянули!
Вы чересчур усердно уж дохнули.
Ни в чем нет меры у моих ребят!
Цветы не только сохнут – уж горят,
Летят и жгут нас силой ядовитой!
Сплотитесь, станьте крепкою защи-

той!
Слабеют черти! Весь их гнев остыл!
Проник в их сердце чуждый, нежный пыл!

Ангелы

(хор)

Цветы вы небесные,
Огни благовестные,
Любовь всюду шлете вы,
Как сердце велит!
Глагол правды чистой
В лазури лучистой
Из уст вечной рати
И свет благодати
Повсюду разлит!

Мефистофель

Проклятье! Стыд! Болваны и канальи!
Мои все черти вверх ногами стали,
Летят мои уроды кувырком
И в ад кромешный шлепаются задом.

Купайтесь же в огне вы поделом, –

Я здесь стою, расставшись с этим стадом.

(Отбиваясь от летающих роз.)

Прочь, отвяжись, блудящий огонек!

Схвачу тебя, ты грязи лишь комок!

Что вьешься вкруг? Ух, шею мне без меры

Жжет что-то, будто жар огня и серы!

Ангелы

(хор)

Чужого, несродного

Чуждайтесь неложно:

Для вас неугодного

Вам снесть невозможно;

Стремленья же властного

Мы – верный оплот;

К любви лишь причастного

Любовь вознесет!

Мефистофель

Пылает сердце, печень и башка!
Вот сверхчертовский элемент! Досада!
Язвит гораздо злей, чем пламень ада!
Недаром ваша скорбь так велика,
Несчастные влюбленные! Вы шею
Себе готовы из-за пустяка
Свернуть, следя за милою своею!
Не то же ли со мной? Зачем туда
Невольно я смотрю? Ведь между нами
Заклятая, старинная вражда!
Всегда на них враждебными глазами
Смотрел я… Или я попал во власть
Чужому чувству! Милые ребята,
Я рад вас видеть, негой грудь объята!
Зачем же вас не в силах я проклясть?
Коль я себя до глупости унижу,
Кого же звать безумцем с этих пор?
Ведь я мальчишек этих ненавижу!
Зачем же вид их мне ласкает взор?
Скажите, дети милые: вы родом

От Люцифера ль? Как вы хороши!
Расцеловал бы вас я от души!
Мне кажется, что вашим я приходом
Доволен; вы мне близки, будто вас
С любовью я встречал тысячекратно.
Как похотливой кошке, мне приятно
Вас видеть все красивей каждый раз.
О, бросьте взгляд мне, подойдите ближе.

Ангелы

Вот мы пришли! Постой, не отходи же
И, если можешь, не беги от нас!

Ангелы, облетая вокруг, занимают все пространство.

Мефистофель

(оттесненный на авансцену)

Вы нас как падших ангелов браните,
А между тем сознаться б вы должны,
Что сами вы прямые колдуны:
Вы и мужчин и женщин соблазните!

Что за проклятый случай! Вот еще
История! Уж не любовь ли это?
Огнем каким-то тело все согрето,
Я чувствую едва, как горячо
В затылке жжет… Прелестные творенья!
Спуститесь же. Что реете вдали?
Не худо бы, чтоб в милые движенья
Вы хоть немножко светского внесли.
Хотя серьезность вам к лицу, конечно,
Улыбку вашу я бы видеть рад:
Я стал бы ею восхищаться вечно!
Взгляните, как влюбленные глядят:
Рта уголок подернется немного –
И дело в шляпе. Ты мне всех милей,
Высокий мальчик. Будь повеселей!
К лицу ль тебе глядеть поповски строго?
Нельзя ли похотливее взглянуть?
И оголиться надо б вам чуть-чуть –
Конечно, в меру, – чем в чрезмерно чинной

Вам щеголять рубашке этой длинной!
Вот отвернулись… Сзади каковы?
Канальи, слишком аппетитны вы!

Хор ангелов

Пламя любви святой,
К свету направь свой путь!
Истины луч златой,
Падшим целебен будь,
Чтобы от духа зла
Власть твоя их спасла, –
В светлый блаженства рай
Всех съединяй!

Мефистофель

(приходя в себя)

Но что со мной? Как Иов, изъязвленный,
Весь в волдырях, я страшен сам себе
И все же торжествую, тем польщенный,
Что вижу я внутри себя: в борьбе

Я на себя и на мой род достойный
Надеяться могу с душой спокойной!
Нетронуты, всецело спасены
Все черта благороднейшие части:
На кожу вышел призрак нежной страсти!
Проклятые огни истощены,
И я вам шлю проклятье сатаны!

Хор ангелов

Пламень священный!
Кто им объят,
Жизни блаженной
С добрыми рад.
К славе господней,
К небу скорей:
Воздух свободней,
Духу вольней!

(Поднимаются к небу, унося бессмертную часть Фауста.)

Мефистофель

(оглядываясь)

Что? Как? Куда умчались? Неужели
Меня вы, дети, обманули? Ввысь,
На небеса с добычей улетели!
Затем-то вы у ямы здесь толклись!
Расстался я с сокровищем великим,
Единственным, – его я отдал вмиг им!
Высокий дух, бесценный мой залог,
Как хитрецам вдруг уступить я мог?
Кто склонит слух свой к жалобе законной,
Отдаст мне право, купленное мной?
Как ты, старик, ты, опытом прожженный,
Ты проведен! Ты сам тому виной!
Увы, погиб напрасно труд великий!
Я вел себя позорно! Верх чудес:
Дрянная похоть, пыл любовный, дикий
Тебя смутили, прокопченный бес!
Всем жертвовать из-за пустого дела

Ты, опытный, разумный, был готов!
Да, глупость не мала: в конце концов
Она тобою даже овладела!

Горные ущелья, лес, скалы, пустыня

Святые отшельники ютятся по склону горы и в ущельях.

Хор и эхо

Темен шумящий лес,
Сумрачен скал навес;
Тесно стволы растут,
Корни меж скал ползут;
С гор за ручьем ручей
Брызжет волной своей;
Мирный царит покой
В недрах горы крутой;
Львы, здесь бродя меж гор,
Шлют нам приветный взор,
Кротко священный чтут
Чистой любви приют.

Pater ecstaticus

(паря в воздухе, поднимаясь и опускаясь)

Вечный блаженства жар,
Верной любви разгар,
Скорби кипучей власть,
Бурная к богу страсть!
Стрелы ль пронзят меня,
Копья ль сразят меня,
Палицы ль бьют меня,
Молнии ль жгут меня –
Пусть все ничтожное
Сгинет как ложное,
Пусть лишь живет всегда,
Пусть, как небес звезда,
Ярко блестит одно
Вечной любви зерно!

Pater profundus

(в нижней области)

Когда скалистые громады

Над бездной клонятся с высот,
Когда грохочут водопады,
Сверкают волны, пена бьет,
Когда, могуществом обильный,
Высокий ствол растет в зенит, –
Все это – дар любви всесильной,
Что все рождает, все хранит!
Пусть вкруг меня гроза ярится,
Дрожат утесы, стонет бор –
Журча любовно, все ж струится
Вода в ущелья с грозных гор,
А там – долину орошает;
Пусть молний блеск наводит страх:
Он атмосферу очищает,
Разрушив яд в ее парах.
Все это – вестники любови,
Всех нас объемлющей, творя.
Восстань, излейся в славословье,
Мой дух холодный, возгоря!
В оковах чувств мой ум угрюмый
Томится… Боже, укроти
Мои мятущиеся думы

И сердца тьму мне освети!

Pater seraphicus

(в средней сфере)

Что за облачко там реет
Над щетиною лесной?
Что внутри оно лелеет?
Это духов юный рой!

Хор блаженных младенцев

Где мы, отче? Ты открой нам!
Кто мы, добрый? Разреши!
Мы блаженны! В хоре стройном
Жить – так сладко для души!

Pater seraphicus

Дети, Полночью вы взяты
Рано, с сердцем молодым:
Для родителей – утраты,
Прибыль – ангелам святым!
Вы почуяли душою,
Что любви исполнен я,

Но, лелеемым судьбою,
Незнакома вам земля.
В око вы мое войдите –
Орган плотский и земной;
Как в свое, в него глядите,
Чтоб освоиться с страной.

(Принимает их в себя.)

Вот вам лес, гора крутая,
Вот вода течет рекой
И, шумливо пробегая,
Сокращает путь крутой!

Блаженные младенцы

(изнутри)

Вид могучий нас пленяет,
Но печален – не снести,
Ужас сердце нам стесняет.
Славный, добрый, отпусти!

Pater seraphicus

Взвейтесь в горние вы сферы

И, растя там без конца,
Наслаждайтеся без меры
Лицезрением творца.
Пища духа – упоенье
Чистой сферой совершенства,
Где любви нам откровенье
Созидает мир блаженства.

Хор блаженных младенцев

(кружась около высочайшей вершины)

В хоре блаженном
Руки сплетем,
В чувстве священном
Песнь воспоем.
Веру вместите
Божьим словам:
Тот, кого чтите,
Явится вам!

Ангелы

(парят в высшей атмосфере, неся бессмертную часть Фауста)

Дух благородный зла избег,
Сподобился спасенья;
Кто жил трудясь, стремясь весь век, –
Достоин искупленья.
Обвеян с горних он высот
Любовию предвечной:
О, пусть весь сонм блаженных шлет
Привет ему сердечный!

Младшие ангелы

Эти розы, дар небесный
Грешниц кающихся хора,
Были помощью чудесной
И победу дали скоро:
Драгоценный дух спасли мы!
Бесы скрылись, как пришли мы,
Злые прочь от роз бежали –
Адской злобой не палимы,
Скорбь любви лишь ощущали!

Даже старый предводитель,
Сатанинских сил властитель,
Острой мукой был проникнут.
Радуйтесь: успех достигнут!

Более совершенные ангелы

Он от земли рожден,
Несть его больно;
Будь из асбеста он,
Чист не довольно.
Тесно сроднилась там
С духом стихия:
Ангел не снял бы сам
Цепи земные.
Связь двух природ тесна –
Дух отягчает;
Только любовь одна
Их разлучает.

Младшие ангелы

Тучка вокруг скалы
Вьется, летая,

Духов под кровом мглы
Скрыта в ней стая.
Тучка светлеет; взор
Отроков видит Хор
Светлых, блаженных,
Скорби он чужд земной;
Реет их светлый рой
В сферах священных,
Призван к весне иной
В мире ином.
Душу спасенную,
Вновь принесенную,
Для постепенного
Роста блаженного
К ним мы примкнем.

Блаженные младенцы

Да, примем мы радостно
Кокон с мотыльком!
Нам ангельский сладостно
Залог видеть в том.
Пусть сбросит земных пелен

Печальный удел;
Для жизни блаженной он
Прекрасен и зрел.

Doctor Marianus

(в высочайшей чистейшей келье)

Вид здесь вокруг открыт,
Дух возвышая,
Женщин там хор парит,
Путь свой свершая.
В звездном венце златом
В блеске мне зрится
В хоре блаженном том
Неба царица.

(Восторженно.)

О владычица, молю!
В синеве эфира
Тайну мне узреть твою
Дай, царица мира!
О, дозволь, чтоб муж душой
Строгой умилился,

Чтоб в словах любви святой
Пред тобой излился!
Исполняем, полны сил,
Мы твои веленья;
Ты огня смиряешь пыл
Словом примиренья.
Дева, чистая душой,
Матерь перед нами
И царица над землей,
Равная с богами.
Вкруг облачко, летая,
Клубится там, блистая;
То нежных грешниц стая
Там реет трепеща,
К коленям припадая,
Эфир небес глотая,
Спасения ища.
О пренепорочная!
В блеске беспримерном
Ты – защита прочная
Жертвам легковерным!
Слабы женщины душой,

Труден путь спасенья!
Кто разрушит сам собой
Хитрый ков прельщенья?
На покатости крутой
Кто не спотыкался?
Ласк и лести суетой
Кто не увлекался?

Mater gloriosa парит мимо него.

Хор кающихся грешниц

Ты в горние селения
Паришь, благословенная!
Горячие моления
Услышь, о несравненная,
Источник всепрощения!

Magna peccatrix

Ради слез любви, что, каясь,
Я к ногам Христа святым
Проливала, не смущаясь
Фарисеев смехом злым;
Ради чаши, струй душистых

Из себя излившей много,
Ради прядей шелковистых,
Отиравших ноги бога, –

Mulier samaritana

Ради кладезя, где стадо
Авраам свое поил,
И ведра, чьих струй прохладой
Спас уста свои студил,
Ради той струи священной,
Что, оттуда истекая,
Протекла по всей вселенной,
Чистотой своей сверкая, –

Maria Aegyptiaca

(Acta sanctorum)

О, молю пещерой тою,
Где Христос был погребен,
Где рукой меня святою
Отстранил от входа он,
И постом, что я в пустыне
Сорок лет блюла в тоске,

И строкой, что при кончине
Начертала на песке, –

Все три

Ты, что в благости сердечной
Тяжких грешниц приближаешь
И блаженством жизни вечной
Покаянье возвышаешь, –
Ты ее, что грех свершила
Только раз в пылу забвенья
И не знала, что грешила, –
Удостой ее прощенья!

Una poenitentium

(прежде называвшаяся Гретхен, приближаясь к ним)

О мать святая!
В лучах блистая,
Склонись ты к радости моей!
Мой прежний милый,
Он с новой силой
Вернулся, чужд земных скорбей!

Блаженные младенцы

(приближаясь в круговом движении)

Выше он нас растет,
Мощный и сильный;
Нам он за наш уход
Плод даст обильный.
Рано закрылась нам
Жизни обитель:
Нам он, учившись там,
Будет учитель.

Одна из кающихся

(прежде называвшаяся Гретхен)

Блаженным хором окруженный,
Не узнает себя он сам,
Не чует жизни обновленной,
Но стал уже подобен нам.
Все узы, все земного мира
Покровы он уже сложил
И вот, в одежде из эфира,

Исполнен снова юных сил!
Но свет слепит его без меры:
Дай мне учить его, любя!

Mater gloriosa

За мной в возвышенные сферы
Последуй! Полн любви и веры,
Пойдет он вслед, узнав тебя!

Doctor Marianus

(молится, пав ниц)

Каясь, нежные душой,
Взор к ней устремите,
Благодарно путь святой
К раю предпримите!
Что велишь ты, рад свершать
Каждый просветленный;
О царица, дева, мать,
Будь к нам благосклонной!

Chorus mysticus

Лишь символ – все бренное,
Что в мире сменяется;
Стремленье смиренное
Лишь здесь исполняется;
Чему нет названия,
Что вне описания,
Как сущность конечная
Лишь здесь происходит,
И женственность вечная
Сюда нас возводит.

FINIS